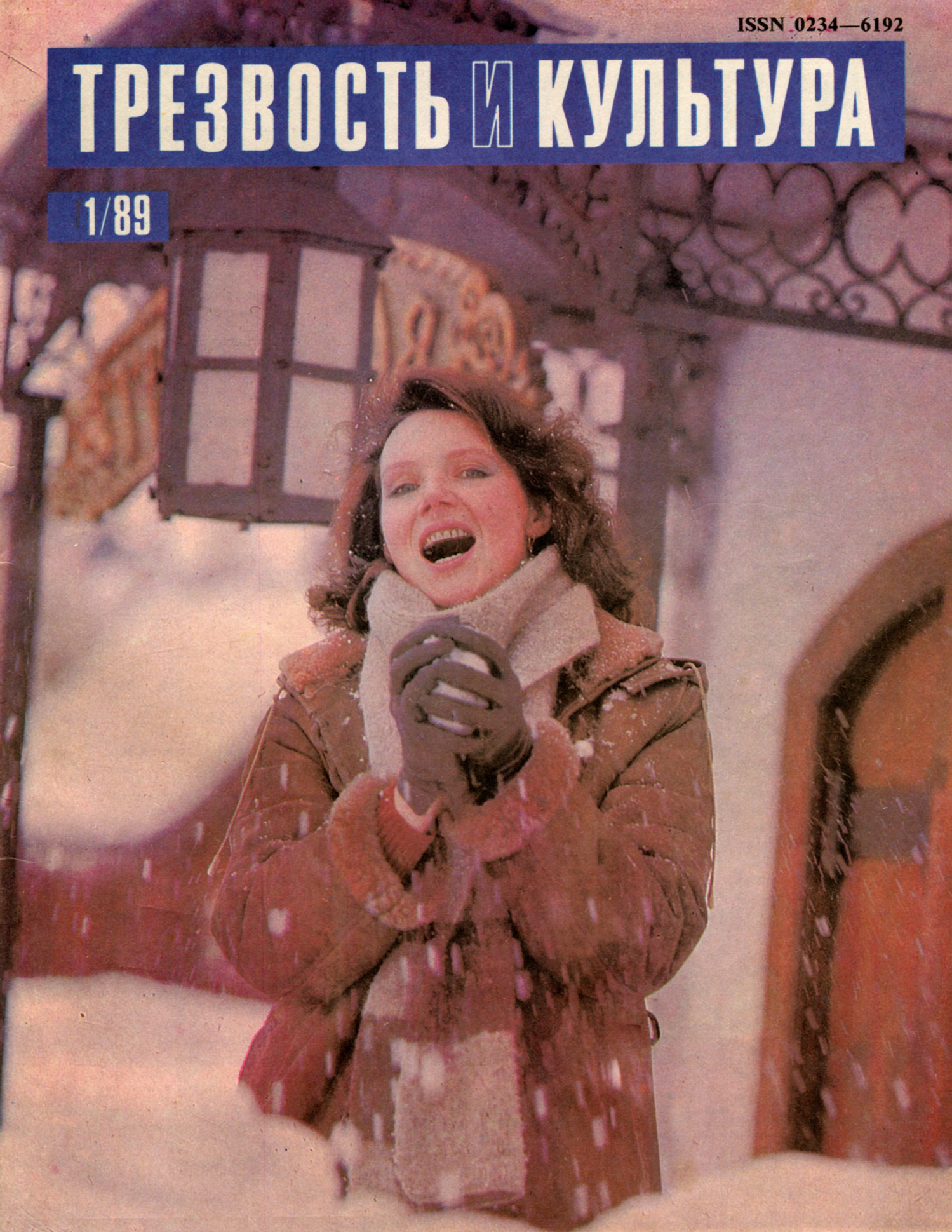

ТРЕЗВОСТЬ И КУЛЬТУРА

1/89

ТРЕЗВОСТЬ И КУЛЬТУРА

общественно-политический
научно-популярный журнал

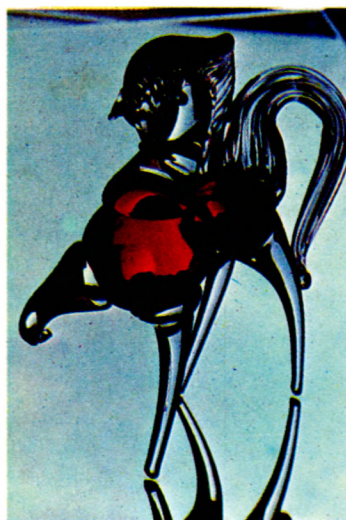
1/89

орган всесоюзного добровольного
общества борьбы за трезвость

В НОМЕРЕ:

- 2 С. ЕЖИКОВА.**
Не рвется связь времен
Дружная семья омских
текстильщиков
- 6 О прошлом для насто-
ящего**
«ТК» 60 лет назад
- 8 Л. ОВРУЦКИЙ.**
Самогонование-87 и
другие
Журналист продолжает
расследование
- 10 Н. СТАВИЦКАЯ.**
«Мы — против»
Заметки на полях чита-
тельских писем
- 15 Истинные ценности: чувст-
во долга**
Н. КИСЛЯК.
Афганистан не стал еще
историей
- 18 Л. КОНДРАТЬЕВ.**
Искренность, пока не
ставшая истиной
Ответ автору «Притерпе-
лости»
- 20 К. ИСААКОВ.**
«Мемориал»: светлая и
горькая правда...
Памятник жертвам бес-
памятства
- 23 Командировка по письму
читателя**
Н. ДНЕПРОВА.
Душа в броне
- 26 В. ЕРОФЕЕВ.**
«Москва — Петушки»
Повесть

- 38 Н. ЮРЬЕВА.**
Звон хрустальный, звон
печальный

- 41 Н. СЕМИЛЕТОВА.**
Бабай и Функционер
Кому бороться за трез-
вость
- 43 Внимание: детство!**
Т. ПОЛИКАРПОВА.
Пусть знает, что любим
- 46 А. ЕЛУФЕРЬЕВ.**
Дно
Быль об одной судьбе
- 49 Опыт: ищем, советуемся,
рекомендуем**
В. МАЗОХИН.
Хитры ли трезвенники на
выдумки
- 55 Гармония**

Главный редактор
С. Н. ШЕВЕРДИН

Редакционная коллегия:

В. И. АРИСТОВ, А. В. ВОРО-
ПАЙ, И. В. ДРОЗДОВ, Д. В. КОЛЕ-
СОВ, Е. В. МАКУХИН, С. С. МАРА-
КУЛИН (заместитель главного ре-
дактора), Ю. И. РЫЖОВ, К. Г. СУР-
НОВ, Н. И. УДОВЕНКО, А. Ф. ФИ-
ЛИППОВ, А. В. ХЛУДЕНЦОВ (от-
ветственный секретарь), Н. С. ЧЕР-
НЫХ, Л. К. ШАРОВ, И. И. ШЕСТО-
ПАЛОВ

Телефоны редакции:

приемная — 209-18-39; отдел со-
циальных проблем — 299-52-15; от-
дел морали и права — 299-13-31;
отдел пропаганды и науки —
299-74-58; отдел быта и свобод-
ного времени — 299-57-65; отдел
литературы, искусства и публици-
стики — 299-57-65; отдел оформле-
ния — 299-01-54.

Адрес редакции:

103006, Москва, ул. Чехова, 18.

Сдано в набор 29.11.88.

Подписано к печати 26.12.88.

Формат 84×108¹/₁₆

Печать офсетная

А—05830

Печ. л. 4,0

Уч.-изд. л. 10,2

Кр.-отт. 28,56

Тираж 626 970

Заказ 2990

Ордена Трудового

Красного Знамени

издательства ВЦСПС

Профиздат

Ордена Трудового

Красного Знамени

Чеховский полиграфический

комбинат

ВО «Союзполиграфпром»

Государственного Комитета СССР

по делам издательств, полиграфии

и книжной торговли,

142300, г. Чехов

Московской области

Редакционный совет:

Г. М. Блинов, А. В. Боровик, Э. Д. Брокан,
А. А. Голиков, Н. И. Голубев, М. А. Даль-
саев, В. Н. Добровольский, И. И. Драгун,
П. П. Дудочкин, Н. Г. Загоруйко, А. И. За-
мотаев, Э. Колга, А. А. Константинов,
С. С. Красновидова, И. А. Красноносков,
Л. А. Кузьмина, Д. А. Ледовской, Р. О. Лир-
мян, А. Н. Мьюров, А. С. Могилат,
Т. Н. Новикова, Л. М. Овруцкий, Н. К. Па-
ранич, В. Н. Попов, Л. Е. Попов, М. Салама-
тов, П. И. Сидоров, В. И. Смага, Л. А. Ушакова,
Ю. Н. Федоров, С. А. Федорченко, В. Н. Ха-
лин, Г. М. Этин, Г. Я. Юзефович

Вниманию читателей! Просим по вопро-
сам содержания журнала обращаться
в редакцию, полиграфического бра-
ка — на Чеховский полиграфкомбинат,
подписки — в ближайшее отделение
«Союзпечати».

УСТОЙЧИВОСТЬ НА ДВИЖУЩЕЙСЯ

ПЛАТФОРМЕ

■ Стоял себе на месте грузовик, да вдруг стронулся. А в кузове — люди. Кто-то, беспечный, — увы! — и за борт вывалился в придорожную пыль. Иной из неудачников пустился вдогонку. Другие махнули рукой: чего уж там — обойдемся и так. Удержавшиеся в кузове тоже ведут себя по-разному. Неуверенные и осторожные обеими руками вцепились в борта: только б не кувырнуться — установились, как загнипнотизированные, на убегающую назад дорогу.

Есть, однако, на платформе и такие, кто устоял, когда грузовик рванул вперед, но и эти — тоже разные. Вот несколько человек неуклюже шатаются, балансируют, размахивая руками и переступая, чтобы не упасть, но куражатся: устояли! Все их усилия — на то, чтобы себя не уронить, форс сохранить. Что впереди и вокруг — на это у них нет уже ни ресурсов внимания, ни резервов сил. Но есть в кузове и те, кто и при первом рывке гибко устоял на ногах, и при каждой встряске или новом ускорении, случается, и при торможении ловко управляет тренированным телом — не плюхнется, не ахнет, амортизируя мускулатурой, и на дорогу внимательно поглядывает, на изменяющийся пейзаж, даже водителю советы подает, не говоря уж о спутниках-пассажирах, которым крепкую руку протянет, шуткой ободрит, дело найдет.

Я прошу не искать в изображенном сюжете лишних намеков и каверзных подтекстов. Напрасное занятие — подыскивать конкретные реальные прототипы каждому из персонажей. Единственно, о чем я помышлял, — это хотя бы самому себе представить разнообразие поведения людей при ускоренном движении, тем более что и почта журнала дает повод для таких сопоставлений. Но возникла и одна неожиданность, подстроенная двузначностью слова «платформа». И в самом деле: нет ли здесь основания провести параллель с платформой отрезвления нашего общества, выдвинутой

майским (1985 года) Постановлением ЦК КПСС, все аспекты которого названы подлежащими выполнению и в прошлогоднем, октябрьском Постановлении Центрального Комитета?

Да, пожалуй, можно и в этом смысле говорить о движущейся платформе. К сожалению, можно говорить и о том, что кто-то из наших читателей, кое-кто из вдобровцев поспешил уже спрыгнуть с грузовика, раздраженно или упаднически усмотрев в некоторых приметах текущего момента симптомы завершения «антиалкогольной кампании». Что ж поделать: видно, для временных попутчиков травматичным стало то торможение нашего антиалкогольного движения, которое вызвано новыми (по времени) и старыми, доперестроечными (по содержанию) мерами реализации алкоголя. Этот факт явно требует серьезного комментария.

Правительство приняло антинародные решения, пишут некоторые наши читатели. Ваш журнал стал антиправительственным, заявляют другие. Давайте поразмыслим над этими безапелляционными резолюциями-ярлыками. Может быть, они только на вид, только по словесной своей одежке такие радикальные? Думаю, что именно так.

Гласность и социалистический плюрализм мнений и позиций застали врасплох не одних только консерваторов и апологетов застоя, но и... новаторов, сторонников перестройки. Среди последних немало и поборников трезвости, не избавившихся еще от старой «черно-белой» психологии страстей и оценок. Но — спрашивается — как им, к примеру, служат их критерии «народности — антинародности», «правительственности — антиправительственности» сейчас, когда Всесоюзное

добровольное общество борьбы за трезвость наряду с другими подобными общественными объединениями получило возможность направлять своих полномочных представителей в высшую государственную инстанцию — на съезд народных депутатов? Ярлычная крикливость тут уж не помощник, а явная помеха. Все решает убедительность и доказательность, правильность и устойчивость позиции, социальный вес и политическая зрелость массы, представителями которой являются депутаты, как и другие руководители признанного ЦК КПСС и организованного во ВДОБТ трезвеннического движения.

В этих условиях мы не убоимся дискуссии ни с открытыми противниками трезвости, ни с замаскированными недоброжелателями, прикрывающими пьянство красочными этикетками «хороших» вин. Примечательно, что и большинство наших читателей за такой диалог.

Почему же наша позиция представляется нам и радикальной, и правильной?

Уже потому, что наша платформа открыта не только для «готовых» трезвенников, но и для сочувствующих, для заблуждающихся, будь то рядовой любитель выпить, или честный исследователь, или тот или иной облеченный какими-то полномочиями деятель, не видящий греха в том, чтобы завизировать резолюцию о расширении питейного прилавка.

Мы достаточно уверены в себе, чтобы быть уверенными и в том, что мы и переубедем инакомыслящего, и сами устоим перед соблазнами.

Наш журнал выступает за плюрализм мнений на платформе полного искоренения пьянства, утверждения трезвости.

За плюрализм без хлестких ярлыков.

За гласность без горластости.

За ускоренное движение без шатаний и торможений.

С. ШЕВЕРДИН,
главный редактор журнала

НЕ РВЕТСЯ

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

■ Поселок этот расположился на окраине Омска.

Прямо за фабричными корпусами — пятиэтажные жилые дома, школа, ПТУ, стадион, кафе, профилакторий, магазины. Вроде бы и слит территориально поселок с городом, а жизнь у него все-таки своя, не городская.

Мне не известен ход мыслей директора хлопчатобумажного объединения «Восток» И. Подковки, тех самых мыслей, которые родились у него, когда он осматривал длинные, обликком своим напоминавшие заброшенные казармы бараки (их здесь не без едкой иронии называли «коттеджами»). Был план. По плану их должны были снести.

Ломать — не строить... Да вот взяли директора сомнения: а зачем, собственно, ломать... Великое дело — сомнения. Глядишь, засомневается человек, и вместо тяп-ляпа да пустыря с мусором получается нечто общепольное, толковое, неординарное (вот эта неординарность особенно мне мила). Словом, предложил директор на партийно-хозяйственном активе не стирать «коттеджи» с лица земли, не спешить вызывать бульдозеры, а благоустроить пустые бараки и, благоустроив, отдать тем, кому они нужнее всего — старикам и детям. Пускай владеют. Тут, конечно, встал вопрос: а кто будет работать, кто будет обихаживать?.. Да тут же и был решен. Никто мне так и не мог сказать, кто первый предложил отработать каждому из работников объединения четырнадцать часов на благоустройстве поселка. Да и не столь это важно. Важно, что клич был услышан, понят и, как принято сейчас говорить, реализован. Потому как украшали СВОЕ, родное, то, что с детства было на глазах, без чего жизнь не представлялась.

А потом была радость. И взрослая, и ребячья. Ну с ребятами, с ними все понятно. Один клуб юных техников чего стоит. Там тебе и авиамодельный кружок, и судомоторный, и радио, и кино, и фото... Чего только нет. А зани-

Фото В. Шевырногова

мается в них немного-немало 300 ребятшек, причем начиная с пятилетнего возраста. Поскольку была вложена в это дело человеческая душа, то и успехи не заставили себя ждать. 26 ребят завоевали звание «Мастер — золотые руки». А это не шутка. Это работа самая что ни на есть настоящая, это творчество по самому высокому счету. Со временем клуб стал знаменит и в области, и за ее пределами. Еще бы, Юра Гофман, например, и Петя Петров стали известными омским любителям моторспорта гонщиками, а шесть выпускников судомодельного кружка

входят в областную сборную. Так что клубу «Текстильщик» есть что предьявить, есть чем похвастаться. Во втором «коттедже» справила в 1978 году новоселье детская художественная школа. Разумеется, стоило это денег. Но уж очень заманчиво было иметь в своем поселке такую школу, очень уж хотелось увлечь ребят. Теперь здесь учатся не только дети текстильщиков, тянутся девчонки и мальчишки со всего города, чтобы за четыре года учебы научиться рисовать, понять премудрости композиции и декоративно-прикладного искусства. Многие из выпускников

Кафе «Аленушка» и детский городок расположились рядом. Любят ребята свое свободное время проводить здесь.

школы потом идут в художественные училища и институты, становятся настоящими профессионалами. Согласитесь, не каждая художественная школа республики может похвастать таким «кпд». А какой чудо-класс есть в этой школе! «Керамический». Вот уж где глаза разбегаются, вот уж где настоящий праздник фантазии, выдумки, да и мастерства немало, зрелого. И не случайно интерьеры кафе «Аленушка», многие комнаты отдыха в цехах предприятия украшают керамические изделия кружковцев.

Как вы понимаете: и клуб, и художественная школа — для внуков. Ну а для дедушек и бабушек... Дошла очередь и до них. Обрел «свой угол» и клуб ветеранов. Случилось это в 1982 году. День открытия клуба надолго запомнили в поселке. Потянулись, потянулись на огонек пожилые люди, и не только для того, чтобы вместе почавничать, но и подумать, чем могут они помочь и родному объединению, и ребятишкам своим.

— Совет ветеранов был у нас и до клуба, — рассказывает председатель клуба Зоя Петровна Янь-

шина-Поцелуева. — Да вот соби-рался он от случая к случаю, все больше перед праздниками, и ходили на его заседания, как водится, только члены совета. А тут пригласил меня директор и предложил: «Давайте создадим клуб ветеранов». Я сразу загорелась. Пошла к подружкам: «Так, мол, и так. Есть помещение, а обжить, обустроить его — наше дело». Женщины у нас неизбалованные, военным трудом проверенные, потому и обустроились быстро. Мебель, посуду — фабрика выделила. И зажили мы совсем по-другому. Если раньше раз в год, как говорится, на огонек собирались, то теперь частенько за нашим столом по-доброму тесно. Когда люди вместе и заодно, то много планов и хороших дел рождается, тем более у тех, кто великую военную и послевоенную жизненную школу прошел.

Перво-наперво, конечно, работа. Ветераны всегда готовы выручить производство, всегда готовы подменить людей. Потом взяли на себя ветераны и пионерский лагерь. Чего греха таить: иной раз некому его готовить к сезону. А дедушки и бабушки всегда на подхвате, им ради внуков потрудиться — радость. Да и сельхозработы без стариков не обходятся, надо — так идут они на прополку, на сбор урожая. И всегда рядом с ними ребятишки. Глядя на бабушек, тянутся за ними, стараются, да и весело вместе-то трудиться.

Каждый день направляются ветераны «Востока» к проходной бывшей кордовой фабрики, предъявляют вахтеру свои почетные пропуска, расходятся по цехам, терпеливо показывают молодым ткачихам и прядильщицам сокровенные, «фирменные» приемы, которыми сами овладевали годами. А то и без лишних слов становятся к станкам и машинам. В пятьдесят лет можно им уходить на пенсию, но многие доработали до шестидесяти, а то и больше... Не рвется трудовая связь ветеранов с фабрикой.

Случилась однажды беда — обгорело несколько кип хлопка. Можно было бы их списать, но жалко, да и показатели производственные «полетели» бы, а с ними и премии. Решили «разобрать» эти кипы и сохранившийся хороший хлопок пустить в дело. А где взять лишние рабочие руки? Узнали о беде пенсионерки и наутро пришли на

фабрику. По волоконцу разобрал огромные кипы, и пошел спящий хлопок в дело. Ни минуты не простояли машины. Тут вот что важно. Чуть ли не на каждом шагу говорим мы: максимум уважения ветеранам, они наша гордость, наша совесть... А в реальности? Горькие вещи происходят в реальности. Подчас выталкивают ветеранов, стариков наших, жизнь положивших на производстве, с глаз долой, нарочито, хамовито не замечают их, оскорбляют редкими подачками... И мало ли их по всей стране толкается из последних сил в винных очередях, мало ли их лежит по психиатрическим лечебницам, где их пытаются вылечить от безнадежной тоски.

А на «Востоке» увидела я совсем иного ветерана. Не униженного, не забытого. Но полноправного члена рабочего коллектива. Полноправного... Пожалуй, это и есть то главное, что определяет положение ветеранов на «Востоке». Однако не только права, не только бережение достоинства. Но и ответственность тоже... Или, если хотите, боль за дело. А это только по совести.

— Никаких специальных решений о правах ветеранов мы не принимали, — сказал мне председатель профкома Л. Шпирюк. — Считаем их своими работниками и все. В любой момент ветеран может пройти через проходную, вместе со всеми получить продовольственный заказ, путевку в дом отдыха или санаторий. А жилищный вопрос мы в конце концов решили. Все ветераны к 40-летию Победы получили отдельные квартиры в новых домах.

— Нередко приходится слышать сетования начальства по поводу нехватки средств и сил на социально-культурные и бытовые нужды, — продолжил наш разговор генеральный директор объединения И. Подковка. — По-моему, жалуются те, кто хочет решить эту проблему одним давно известным путем: выделить деньги, найти подрядчика, а там хоть трава не расти... Пусть он, подрядчик, строит и сдает под ключ и клуб, и кафе, и детский городок. А подрядчик сам с усам, он ради конъюнктуры и срок может сорвать, и строительство заморозить. Жалуйся на него, падай ему в ноги — толку мало. Если бы мы шли этим, якобы очевидным, путем, то, думаю, не было бы у нас

всех тех культурных объектов, которыми сегодня гордятся текстильщики объединения. А то, что они есть — так это потому, что многое сделано своими руками. Не строители (разве возьмутся они за такие нерентабельные с их точки зрения объекты), а рабочие нашего объединения построили детскую железную дорогу, «Поляну сказок», спортивный комплекс.

* * *

А теперь о самом главном. По счастливому стечению обстоятельств рядом с детским городком расположился клуб ветеранов. И стал он для ребятшек вторым домом. Собрались родители в кино, в театр, в гости... Куда деть ребят? Нет проблем. К бабушкам и дедушкам, в клуб ветеранов, как в добрые старые времена, как в семье. В клубе ребятшек обогреют, напоят чаем и займут интересным делом...

Вообще в клубе стало традицией проводить встречи с детьми. Это и субботники по уборке территории клуба, и подготовка к пионерскому лету, это и прием рапортов от штаба «Тимур», так сказать, о проделанной работе. Бабушки и дедушки и в октябрята теперь принимают. Каждая встреча ветеранов заканчивается общим чаепитием, которое тоже проходит не без пользы, потому как, беседуя, размышляя, вспоминая, знакомя ветеранов ребят с рабочими династиями предприятия, со славными рабочими биографиями.

Наверное, престижность профессии, ее привлекательность с детства определяется старшими. Космонавтом, летчиком, моряком мечтают стать мальчишки. А девочки? Актрисой, на худой конец, манекенщицей. А ткачихой, прядильщицей! Не приходилось раньше встречать таких мечтательниц. А Оля Блувштейн точно знает, что станет ткачихой. Виноваты в той уверенности опять же бабушки. Это они зазвали ее в кружок ткачества, научили хитрой технике гладкого и ворсового плетения, открыли, что называется, секреты мастерства. И когда на второй Всероссийской выставке детского изобразительного творчества вручили Оле диплом и присвоили звание «Мастер — золотые руки», она пришла с ним в «клуб ветеранов». Сколько было радости! До слез растрогались бабушки, передавая друг другу диплом.

— Наша Олечка, точти сродне! Вообще, как найти моменты сопряже-

ния ребенка и взрослого! Единного, универсального рецепта нет и быть не может. Все зависит от человека, от запаса его доброты, от душевных качеств... Взять, к примеру, В. Бахолдина — солдата и инвалида Великой Отечественной. Вот уж кто в курсе всех ребячьих дел, вот уж кто не дает им оступиться, наломать по молодости, по горячности дров. Он точно знает, кто из пацанов закурил, кто попробовал вина. По-стариковски поговорит, убедит, если нужно, то и пригрозит, а то и к родителям сходит. Вроде бы и невелика работа, и не очень заметна, а ребята растут настоящими мужчинами, потому что ни словом, ни полсловом не соврал им ветеран, не подвел их, научил ответственности и за себя, и за окружающих. Уходят они потом в армию. И все пишут «деду», благодарят, советуются, делаются планами. Нет, не рвется связь времени, не рвется.

В какой-то момент подумалось мне: все это похоже... на семью. И точно: жизнь омских текстильщиков носит отпечаток тихого, уютного семейного уклада. Будто в одном доме, одной квартире живут в мире и согласии отцы и дети, бабушки и внуки.

* * *

Кто завтра встанет за станки и машины, с каким настроением будет работать? Над этим думают в объединении все. Возвращаясь с XIX Всесоюзной партийной конференции, Иван Иванович Подковка радовался: правильную линию выбрал. Ведь не так давно все жали на план, а он «возился» с «человеческим фактором». Это сейчас так его определили, а пять лет назад кто о нем вспоминал?

Из разных мест приезжают в объединение девчата, чтобы начать самостоятельную жизнь без мам и без пап, чтобы начать работать и получать свои деньги. Каждую, персонально — это очень важно — встречают ветераны труда, провожают в общежитие: «Вот, девочка, твоя комната, твой дом». Две девочки в комнате — две подруги. Разве могли мечтать об этом те, кто приехал сюда в сорок первом. Тогда жили по двадцать человек в жалкой комнатенке, вставляли поутру всей бригадой. Теперь не то, работай только, учись.

Станет ли им фабрика родной? Вопросы, вопросы... Житейские,

В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ЦС ВДОБТ

каждодневные, связанные с человеческим фактором напрямую. Омск — город большой, есть куда уйти, есть где заработать. Но ведь не уходят девчата. Текущая кадры на «Востоке» самая низкая в отрасли. Почему?

— Трудно и в то же время просто ответить на этот вопрос,— говорит председатель профкома.— Сейчас за деньгами не очень-то гонятся. Десятка больше, десятка меньше. Важен, как официально его именуют, микроклимат. Проще сказать, как тебе, конкретному человеку, живется, с каким настроением идешь на работу.

Не самое мощное предприятие «Восток» в Омске, но самое уютное, что ли. Сумели в нем сделать так, что идут к проходной люди с добрым сердцем и открытой душой. Люди здесь всегда готовы в любом деле прийти на помощь друг другу.

* * *

Мне скажут: идиллия какая-то получается. Да нет, проблем объединении «Восток» хватает. Трудностей — пруд пруди.

Но суть в том, что найдено там что-то свое, не столь часто встречающееся в нашей, простите за банальность, суровой действительности. Старики не оторваны ни от жизни, ни от детей, ни от внуков. Золотые наши бабушки и дедушки определяют саму атмосферу, в которой живет и трудится объединение, атмосферу добра и заботы. Чем не путь нравственного очищения и сохранения во многих других местах утраченных жизненных устоев, без которых не то что отрезвление общества, да и вся его перестройка невозможна.

С. ЕЖИКОВА
наш спец. корр.
Омск — Москва

Правление Центрального совета Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость постановлением от 16 декабря 1988 г. на основании статьи 28 Закона СССР «О выборах народных депутатов СССР» образовало избирательную комиссию по выборам народных депутатов СССР от Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость в составе семи человек.

На состоявшемся заседании избирательной комиссии председателем комиссии избран В. С. Чичеров, бригадир производственного объединения «Ленинградский Металлический завод», член ЦК КПСС, дважды Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР, член Центрального совета ВДОБТ, заместителем — А. С. Дмитриев, член президиума Академии наук Белорусской ССР, академик АН БССР, председатель республиканского совета Белорусского ДОБТ, секретарем — В. И. Аристов, ответственный секретарь ЦС ВДОБТ. В соответствии с Законом СССР «О выборах народных депутатов СССР» и постановлением Центральной избирательной комиссии от Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость избирается один народный депутат СССР. Кандидатом в народные депутаты может быть выдвинут любой член ВДОБТ.

Избирательная комиссия располагается по адресу: 103006, Москва, ул. Чехова, д. 18

ПО ДУШАМ

ЗАДЕЛИ ЗА ЖИВОЕ

В рубрике «По душам», представляя письмо С. Кочергина (ТК, № 1, 1988), редакция обращается к нам, пьющим: чего же нам не достает, чтобы поверить в трезвость?..

Я прочитал весь этот материал: и письма Сергея, и отклики во всех четырех номерах журнала (№ 1, 4, 5 и 8).

Не знаю, как появился сам Кочергин со своим письмом в «ТК». Может быть, это и «вымышленный» герой, но не это важно. Лично меня за живое задела не столько сама статья, сколько отклики на нее.

Зло берет и на сторонников, и на «сочувствующих», и особенно — на противников Сергея Кочергина. Все-таки не могут еще наши «активисты» выслушать спокойно чужое мнение. Тем более переубедить, доказать. Сразу навешивается ярлык: враг мира и социализма (?!), враг народа (!), забулдыга... Мне кажется, что авторы подобных выражений или элементарно неграмотны, или они просто психически нездоровые люди.

А теперь — о Сергее.

В своем письме он сетует, что когда сломали его «Мочалку», ему пришлось «перебазироваться» с бутылкой домой, а там он, мол, может ненароком спить и жену, и сыну «пример» наглядный... Так в чем же дело, Сергей? Мужик ты или нет? Неужели потому, что сломали «Мочалку», ты принесешь беду домой? Ведь если бы ты не понимал этого, то и не написал бы

об этом. Ты не веришь, но ты же не против трезвости. Так начни же с себя, стань для своей жены и для сына сильной личностью. А если к твоей семейной зоне трезвости потом добавится другая, третья, четвертая... Вот и вся несостоятельность твоего неверия.

Совсем другое дело с откликами на письмо Сергея. Тут не все просто: кто, с кем и за кого борется и кто же эти так называемые трезвенники. «Организм», если его так можно назвать, который состоит из отдельных «органов», как то: местные власти с правоохранительными органами и наркологией, система штрафов, направленная против семьи пьющего, торговля и цены на вино и водку, формализм и бюрократизм... И тот же ВДОБТ — этот «организм» корчится в судорогах «благих» намерений, но раковая опухоль пьянства и алкоголизма растет и растет очередями около «точек». Мне кажется, что только журнал «ТК» — это единственный действующий орган ВДОБТа, а все остальные его подразделения и члены — просто «примыкали» под видом общественных организаций. Об этом не раз писала центральная пресса, и все об этом знают. Говорят, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Вот и выходит, что наступила пора создавать совсем другое общество. Альтернативное ВДОБТу. Это — общество непьющих алкоголиков, которое сейчас начало функционировать в Москве и которое входит в международную ассоциацию «Эй-Эй». Такие общества принесут нам гораздо больше пользы, и вот их-то нам и не хватает.

Б. СКОРОДУМОВ
г. Новомосковск,
Тульская область

О ПРОШЛОМ ДЛЯ НАСТОЯЩЕГО

Новые акценты в трезвеннической политике, обозначенные недавним Постановлением ЦК КПСС и известными решениями Совета Министров СССР, заставляют активистов ВДОБТ еще и еще раз возвращаться к осмыслению трехлетнего опыта. Что было сделано не так, что можно было сделать лучше? Эти вопросы полезно задавать самому себе и друг другу, особенно тогда, когда борьба за трезвость переносится в иные, возможно, более трудные условия.

Не для назидания, а с целью предоставить читателю дополнительную информацию к размышлению редакция помещает подборку материалов, почерпнутых со страниц нашего предшественника — журнала «Трезвость и культура» за 1929 г. № 1 (7) и № 2 (8). С того времени минуло ровно 60 лет, однако не скажешь, что проблемы, поднимаемые на его страницах, устарели. Равно, как и подходы, а иногда и ошибки...

ПЕРЕВЫБОРЫ СОВЕТОВ И ПЬЯНСТВО

...Первостепенной задачей, одной из наиболее основных в этом деле, является создание в рабочей среде общественного мнения против выпивок и создание бытового отвлечения от пьянства. В этом и другом большую роль могут сыграть перевыборы советов, если подойти к ним серьезно, как к существенному шагу по поднятию общественной культурности рабочих и крестьян и по приближению к социалистическому быту. Ведь ясно, что нельзя создать более достойный трудящегося новый быт, если полностью не выкинуть из быта опьяняющие напитки. Какой уж там новый быт, если парни подпивают девчонок, чтобы овладеть ими в полубессознательном виде. А пьяный рабочий колотит жену вместо того, чтобы помочь ей выбраться на путь участия в общественной жизни.

За здоровый быт — через советы

Перевыборы советов должны стать исходным моментом не только для усиления советами борьбы против алкоголизма, но и для усиления давления на кооперацию и профсоюзы с целью организации ими мер культурно-бытового отвлечения от пьянства. Кооперация и профсоюзы (по культотделу и фонду улучшения быта)

распоряжаются громадными средствами. Надо на собраниях их членов проводить решения об открытии безалкогольных чайных-закусочных с эстрадой и музыкой, о снабжении кинопередвижкой (стоит всего восемьсот рублей) всех средних и крупных предприятий, о льготном снабжении рабочей молодежи в кредит принадлежностями массового спорта до фотоаппаратов включительно и т. д. Без широкого развертывания кооперацией, профсоюзами и советами мер по бытовому отвлечению от пьянства алкоголизма не победишь.

Перевыборы советов, постановка на них во всем объеме вопроса о пьянстве должны усилить образование общественного мнения рабочего населения против употребления опьяняющих напитков. Кто пьет — тот ворует у пролетариата свою производительность труда.

Чем энергичнее будет наше участие в перевыборной кампании советов — тем глубже будет внимание вновь избранных советов к борьбе с алкоголизмом, тем значительнее будут их денежные затраты на создание мер бытового отвлечения от пьянства.

Борьба в Ленинграде

Ленинград вначале пошел по линии наименьшего сопротивления: он бросил все свои силы не на воспитательную работу, а на административное свертывание продажи. Было принято решение о сокращении количества пивных на 10 %, удалось закрыть 27 пивных и 10 дочерних лавок.

Результаты? О них говорили переполненные рабочими трамваи: из «безалкогольных» районов рабочие прямо с работы ехали в «пьяный» центр; о них говорили отдельные случаи защиты рабочими шинкарей и за несколько дней вперед расписанные столики в оставшихся пивных.

Разве Ленинград не может быть ярким примером бесспорного перегиба палки в сторону «административного» верхушечного увлечения?

Теперь Ленинград изменил курс и развернул углубленную воспитательную работу, создавая культурные столовые и чайные, организуя групповые консультации, разбрасывая сеть антиалкогольных кружков и семинариев по подготовке пропагандистов. Ленинград ищет новые формы антиалкогольной пропаганды. Там созданы и успешно применяются: антиалкогольные гулянья, лотереи, радиовикторины и т. д.

Борьба на Украине

Украина не ограничивается исключительно административными мерами. Она пытается организовать вокруг Общества новые кадры, втянуть комсомол, женщин и т. д. Ставит вопрос о перераспределении мест продажи спиртных напитков, о перераспределении профсоюзных ассигнований на культурные нужды, об организации в округах антиалкогольных семинариев. Работа идет ширь и вглубь. Уже развертывается проект закона правительства УССР, предполагающий ассигновать О-ву 25 млн. руб.; по линии НКВД проводятся директивы об аресте за появление в пьяном виде и о штрафах в пользу О-ва. Большой успех выпал на новую форму антиалкогольной пропаганды: «Конкурс на лучшего пьяницу». Если прибавить к этому попытки создания бытовых кафе с музыкой, театрального репертуара, работу по радио, воспитательную работу, проводимую через двухнедельный, издающийся на русском и украинском языке журнал «Путь к здоровью», то можно считать, что Украина удачно избежала административного увлечения, стараясь бить бутылку не только «циркуляром», но и культурой.

ДЕЛЕГАТЫ — ПИОНЕРЫ

Пионерский отряд имени Ворошилова при хлебозаводе и мельнице ЕПО делегировал трех пионерок — Жукнову В., Кулетову В., Трапезникову Н. к председателю горсовета для вручения ему заявления о том, что торговля спиртными напитками в районе хлебозавода и мельницы отражается на материальном положении их роди-

телей и что поэтому они просят эти винные магазины закрыть.

Председатель горсовета обещал это заявление поставить на обсуждение первого же заседания президиума горсовета.

(Ростов-на-Дону)

ВТЯНЕМ СОВЕТЫ В БОРЬБУ С АЛКОГОЛИЗМОМ

Вопросы нового быта и, в первую очередь, борьбы с алкоголизмом занимают в развернувшейся предвыборной кампании одно из главных мест. По примеру московского Общества целый ряд отделений О-ва на местах вырабатывают специальные указы новым советам.

Не голосуйте за любителей выпивок

Губсовет Общества, сообщает из Владимира т. А. Дидрихс, предложил всем советам и ячейкам Общества принять самое энергичное участие в перевыборной кампании, оказывая всестороннюю поддержку на выборах кандидатам партийцам, передовым рабочим, батракам, беднякам и середнякам — трезвенникам. Губсовет предложил провести агитационную кампанию за мероприятия, способствующие искоренению алкоголизма. Работа эта должна быть проведена при тесной увязке с партийными и профессиональными организациями.

Массы требуют

Почти на всех предприятиях г. Николаева в наказ новому горсовету вносятся пункты по борьбе с пьянством. Избиратели требуют: строже преследовать производство самогона; свернуть в течение ближайших 2—3 лет выработку вина, пива и др. алкогольных напитков; шире развить производство безалкогольных фруктовых и ягодных напитков (яблоки, смородина, малина и др.); воспретить открытие новых мест продажи алкогольных напитков и новых пивных и продажу алкогольных напитков заведениями, находящимися в непосредственной близости к рабочим предприятиям; воспретить рекламу алкогольных напитков и розыгрыш виноградных вин, водочных изделий, пива и водки во всех лотереях; ввести в бюджет, начиная с 1928—29 года, отпуск средств «Обществу борьбы с алкоголизмом»; преподавать противоалкогольные дисциплины на курсах подготовки и переподготовки советских, профсоюзных, педагогических работников.

Вместо пьянства — культуру

Тов. А. Тау из Бердянска пишет: Общие собрания торговсслужащих, нарцвязи и рабочих водного транспорта, заслушав отчет горсовета, предложили взять решительный курс на борьбу с алкоголизмом, как путем сокращения продажи спиртных напитков, закрытия пивных и мест продажи водки, так и проведение ряда культурных мероприятий, как-то: удешевление цен на билеты в кино и театр, расширение сети изб-читален, особенно на окраине и т. д.

«ГОВОРИТ КАЛУГА — СЛУШАЕТ РЯЗАНЬ!»

Калуга вызывает Рязань

18 октября с. г. в калужской крестьянской газете «Голос Крестьянина» был напечатан вызов.

Калуга вызвала Рязань на антиалкогольную перекличку. «Редакция калужской газеты «Голос Крестьянина», — говорилось в вызове, — вызывает рязанскую «Деревенскую Газету» на соревнование в борьбе с алкоголизмом во всех его видах и проявлениях».

25 экземпляров «Голоса Крестьянина» полетели в Рязань.

Рязань вызов приняла...

В ответ Калуга получила 7 ноября 25 экземпляров «Деревенской Газеты», в которой рязанцы сообщали: «Ваш вызов «Деревенская Газета» охотно принимает. Вы правы, когда называете пьянство нашим общим врагом. Рязанская губерния так же, как и Калужская, страдает от этого страшного врага, проклятого наследия прошлого.

Проводить соревнование-перекличку мы начнем немедленно.

К оружию, товарищи-калужане, в поход! Дашь настоящую борьбу с пьянством!

Дашь кино, радио, школу, книжку, газету, избу-читальню!»
Перекличка началась.

От слов к делу

Только один месяц прошел со дня объявления переклички, и многие пункты калужской и рязанской программ уже выполнены.

Так, например, в Калуге открыт и работает воскресный университет, куда записалось 170 рабочих и крестьян; калужским губздравом послано в де-

ревни оборудование для 10 антиалкогольных уголков в избы-читальни; в Сухинический уезд, Калужской губернии, направлена антиалкогольная выставка-передвижка; калужским губмедторгом издано 150 000 антиалкогольных плакатов; калужский госиздат организовал вечер книги и антиалкогольную выставку; калужский губздрав купил и направил в участки 74 антиалкогольных библиотечки и т. д. Рязань скажет за себя.

Созданы губернские штабы

Калуга задала правильный тон, заявив с самого начала, что перекличка должна носить характер не газетного поединка, а соревнования двух губерний. Чтобы не расплыться и действовать организовано и планомерно, штабы перекликающихся губерний выработали программы походов.

РЯЗАНЬ ОТВЕЧАЕТ

Вот наши первые завоевания

1. В низовой сети потребительской кооперации постепенно сворачивается торговля водкой и заменяется торговлей книгой. Организовано 67 книжных полок и три книжных магазина.
2. Организовано 13 кино-передвижек (в плане намечалось 10). В некоторых районах созданы кино-товарищества.
3. 30 кооперативных кружков, 100 кооперативных уголков, четыре четырехмесячных пунктов ликвидации неграмотности (на 120 человек) — прямые трофеи похода.

4. В колхозы посланы инструкторы. Им дано задание: добиться от колхозов отказа от устройства свадеб с попами, от религиозных праздников с выпивкой и передачи расходимых на эти гульбины средств на культурные нужды.

Поход против пьянства мы связали с перевыборами советов. В наказах сельсоветам выставляются требования — повести борьбу с шинкарями и самогонщиками, развить на селе культурную работу.

Учимся на опыте

Через центральный штаб борьбы с пьянством — журнал «Трезвость и культуру» — мы зовем наших товарищей не складывать оружия до тех пор, пока не очистим села наших губерний от шинкарей, самогонщиков, пьяных лавок, пока избы-читальни не станут действительными очагами подлинной культуры.

САМОГОНОВАРЕНИЕ-87 И ДРУГИЕ

■ В статье «О сладком аргументе самогонного вызова» («ТК», № 4) я писал: «Сегодня с определенностью можно сказать одно: в 1985 и 1986 годах самогона, браги и других алкоизделий из сахара изготавлявалось не более, чем в 1984-м. В минувшем году самогонование возросло. Масштабы и причины этого роста — предмет отдельного разговора и отдельной статьи».

Начать «отдельный разговор», по-видимому, разумно с воспроизведения статистических данных о продаже сахара — стратегического с точки зрения самогонования сырья (см. табл. 1).

Как видно, тревожный сигнал прозвучал уже в IV квартале 86-го, затем, начиная с I квартала 87-го, наметилось превышение показателей исходного 84-го. О превышении можно говорить даже относительно III квартала, «непоказательного», как мы условились считать (см.: «ТК», № 4), поскольку урожай ягод и плодов был ниже, чем в 84-м. Ну а IV квартал говорит сам за себя. В чем же дело?

На мой взгляд, рост самогонования, прежде всего, связан с двумя обстоятельствами. Во-первых, с резким повышением цен на спиртное, имевшим место в августе 1986 года (1). Госкомцен уже давно приобрел едва ли не мистический дар угадывать сокровенные пожелания трудящихся, вот просчитывать хотя бы ближайшие последствия — этому еще предстоит учиться. Между тем история, и отечественная, и зарубежная, недвусмысленно показывает, что повышение цен на алкоголь (тем более — резкое) — обычно провоцирует самогонование. Достаточно вспомнить первые шаги на потребительском рынке пресловутой «рыковки». Продажа водки была начата в октябре 1925 года, шла она по рублику. И шла поначалу так бойко, что в декабре было решено повысить цену на 50 процентов. Реакция была мгновенной: в деревне ее перестали брать (2). Пришлось в июле 1926 года снизить цену до рубля с гривенником.

Таблица 1

Динамика продажи сахара госторговлей и потребкооперацией за 1984—1987 годы по кварталам (тыс. т)

	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.
1984	1 657(6,0)*	1 942(7,1)	2 629(9,6)	2 122(7,7)
1985	1 658(6,0)	1 939(7,0)	2 272(8,2)	1 981(7,2)
1986	1 545(5,5)	1 908(6,8)	3 115(11,1)	2 067(7,4)
1987	1 725(6,1)	2 045(7,2)	2 772(9,8)	2 738(9,7)

* Здесь и далее в скобках — на душу населения (кг)

Таблица 2

Продажа спиртных напитков на душу населения (в л абс. алк.)

	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.
1984 г.	1,9	2,1	2,1	2,1
1985 г.	1,9	1,9	1,6	1,7
1986 г.	1,2	1,1	0,9	1,0
1987 г.	0,8	1,0	0,9	0,6

Во-вторых, рост сивушного производства следует увязывать и со снижением уровня официальной продажи спиртных напитков, хотя мысль, что, мол, чем меньше продают, тем больше гонят, слишком глобальна для того, чтобы быть верной. Кто гонит? Вот вопрос, которым нужно задаться. Милицейская статистика свидетельствует, что основной производитель самогона, браги и т. п. — это социальный аутсайдер. Прежде всего, лица с низким доходом: пенсионеры (чаще — женщины), рабочие низкой квалификации или вовсе без оной и т. д. Добавлю к этому, что изучение около 500 судебных дел о самогоноварении, проведенное нами совместно с В. Г. Беляевым показало: каждый десятый самогонщик лечился от алкоголизма, а каждый пятый судим.

Рассудите, как же эти социальные типы должны реагировать на повышение цены. Пенсионерку приучили рассчитывать за хозяйственные услуги «бутылкой», но вдруг она дорожает вдвое: что прика-

жете делать? Вольно-невольно приходится вступать в противоречие с законом, ибо шофер, тракторист, плотник, рубщик дров и др. — неумолимы.

А что делать людям, больным алкоголизмом? Если алкоголик пропивает, как принято говорить, «всю зарплату», то как он поступит, обнаружив, что его зарплаты хватает только на половину «нормы»? Естественно, вторая половина будет «добрана» суррогатом. Кстати сказать, большое заблуждение думать, что «винные» очереди всех в равной мере толкают к самогонному аппарату. Алкоголизированный потребитель готов отстоять очередь, но не будет платить двойную цену. И, напротив, умеренно или «культурно» пьющего человека отпугивает очередь, а не цена. И он скорее откажется от алкоголя вовсе, чем станет производить или потреблять самогон (в предвидении возражений вроде: «А вот один мой знакомый...» — замечу, что речь идет о типичной модели поведения, а не об исключениях из правила).

Так же определенно и естественно отзывается наиболее алкоголизированная публика на нехватку легального алкоголя. Это стало очевидным как раз к IV кварталу (см. табл. 2).

По-видимому, последним 33-процентным сокращением продажи спиртного мы преступили черту, за которой у миллионов пьяниц и алкоголиков не осталось выбора (характерно, что сокращение шло за счет водки и «бормотухи», т. е. «напитков», особо предпочитаемых этой группой). Эти люди будут производить самогон по той простой причине, что они психологически или физиологически не могут обойтись без выпивки.

И все же нельзя списывать все «клизлишки» сахара на самогонщиков. Как отмечалось в моей предыдущей статье, началось накопительство сахара под влиянием слуха о его нехватке. Дефицитная «лихорадка» слишком хорошо описана, чтобы на этом надо было останавливаться специально. Отмечу только, что на производителя суррогата валят ответственность за исчезновение из продажи и сапожного крема, и зубной пасты. Ленинградский «Телекурьер» в мае показал сюжет о соляном «буме», охватившем город на Неве. Опять эти самогонщики? Томата нет, потому что гонят «томатовку», шоколада нет, ибо его изводят на «шоколадовку» и т. д. Если дело так пойдет и дальше, не исключено, что вскоре мы услышим руководителя мебельного ведомства, объясняющего нехватку табуреток происками доморощенных бутлегеров, перешедших, по совету Остапа Бендера, на «табуретовку». Поистине, если бы самогонварения не существовало в природе, его следовало бы выдумать.

Справедливость требует отметить, что аптекарских весов для отделения сахара, идущего на самогон, и приобретаемого впрок, не существует (читатель: да заглянет в свои «закрома»: не осталась ли там парочка-другая пакетов, раздобытых с «боями» минувшим летом?). Для выяснения хотя бы приблизительных пропорций нужны широкомасштабные и кропотливые исследования. Зачем, однако? Наши «эксперты», ссылаясь на которых пестрит пресса, не желают себя утруждать. Куда легче перевести весь «избыточный» сахар на 100 % спирта — формула проста, как мычание.

Невольно вспоминается, как во времена экономики, которая должна была быть экономной, нам с высокой трибуны сообщали, что по расчетам экономистов выходит: если доводить упитанность быков до высших кондиций, то и мяса в стране станет больше. То есть экономическая премудрость состояла в том, чтобы поголовье крупного рогатого скота умножить на ожидаемую прибавку в весе и разделить на «душу населения». Это называлось наукой и над этим «потел в расчетах Госплан». Следуя этой методе, каждый ученик 1-го класса, твердо усвоивший таблицу умножения, без труда мог определить, что страна будет завалена говядиной, когда бычков начнут откармливать до размеров индийского слона. Это так просто, что до сих пор невозможно понять, отчего с колбасой у нас «напряженка».

Но вернемся к нашим... «экспертам». Вот Г. Г. Заиграев информирует общественность, что на душу населения производится 7 литров самогона (3). Иными словами, в 1987 г. было произведено 180 млн. декалитров суррогатного зелья, что почти на 20 млн. декалитров превышает «легальное» производство спиртных напитков (4).

Между тем I и II кварталы «стояли» на уровне 1984 года; стало быть, вся «прибавка» самогона приходится на IV квартал. Отчего и почему? Над этими вопросами пусть ломают голову непосвященные, а знатокам проблемы достаточно произнести сакраментальное: «По нашим оценкам...»

Между тем серьезное исследование Г. В. Антонова-Романовского привело автора к выводу, что «в Белоруссии, на Украине и других регионах, где самогонварение наиболее распространено (выделено мной.— Л. О.), самогон... составляет 20—30 % от уровня госторговли спиртными напитками. В центральных районах РСФСР и на Урале — примерно 5—10 % (5).

Между тем опрос общественного мнения в Курской области свидетельствует: 73 % жителей села полагают, что в последние три года самогонварение не возросло (6).

Следовало бы над этими фактами поразмышлять, но, похоже, такого рода усилия не входят в функции «экспертов». Любопытно наблюдать, как иногда доверие к «экс-

пертным» оценкам доходит прямо-таки до суеверия.

Вот, к примеру, А. А. Баимбетов, приводя «цифирь» Г. Г. Заиграева, пытается ответить на вопрос, «как объяснить уменьшение смертности в стране по причине пьянства на 54 % и на 11 % — снижение заболеваемости? Либо необходимо признать, что между употреблением спиртных напитков и прогулами, простоями, заболеваемостью и смертностью связи нет... либо же вызывают сомнения сами цифры о снижении заболеваемости и смертности...» (7).

Существует, разумеется, и третья альтернатива, именно: сомнительны расчеты «экспертов», но такое, к сожалению, не приходит А. А. Баимбетову в голову. Как можно-с, люди старались, производили целых два арифметических действия...

Теперь поговорим о только что минувшем 1988-м. Сначала о сахаре. Жестким нормированием удалось «сбить» рост его продажи, хотя волна потребительского ажиотажа, как свидетельствует пресса, не спадала вплоть до осени. В первом квартале было продано 6,8 кг на душу населения, во втором — 7,1 кг (что означает возврат к уровню 1984 года), в третьем — 8,5 кг.

Наконец, милицеская статистика. Если принять число самогонщиков, выявленных в III квартале 1987 г. (когда был принят Указ об административной ответственности за самогонварение без цели сбыта) за 100 %, то в IV кв. оно составило примерно 118 %, в I кв. 1988 г. — 150 %. Затем началось снижение: во II кв. — 94 % и в III — даже 54 %.

Анализируя эту тенденцию, надо бы, думается, учесть следующее. Во-первых, летом, как уже говорилось, уровень самогонварения всегда (при прочих равных условиях) ниже.

Во-вторых, по мнению работников отдела реализации антиалкогольного законодательства УООП МВД СССР, выявление самогонщиков затруднено, с одной стороны, растущей «выучкой» правонарушителей, конспирирующихся все глубже и изощреннее. С другой, не секрет, что частенько борьба с производителями сивухи велась с отступлением от процессуальных норм; сегодня же и сами граждане (а подозреваемых в самогонварении никто гражданских прав не лишал), и прокуратура острее

«МЫ — ПРОТИВ!»

Заметки на полях читательских писем

реагируют на такие отступления. В-третьих, не стоит сбрасывать со счетов и растущее уважение к закону. Активность милиции, правоохранительный «пресс» медленно, но верно делают свое дело. Годы застоя были, в сущности, годами, как говорят ученые, аномии (безнормативности). Пренебрежение законом стало едва ли не нормой жизни, стала расхожей формула: «Если нельзя, но очень (а иногда и не очень) хочется, то можно». Практически всегда существовал запрет самогонварения, но кто же его брал всерьез? С мая-85 настроения стали меняться.

Как бы то ни было, мы стоим перед фактом снижения числа выявленных самогонщиков. Его можно интерпретировать по-разному, однако о нем, по крайней мере, надо знать. Но вот открываю газеты за 24 октября 1988 г., где помещено сообщение Госкомстата СССР о социально-экономическом развитии страны за 9 месяцев, и с удивлением читаю, что за этот период число осужденных за самогонварение с целью сбыта возросло на 20 % (8). «С удивлением» не оттого, что цифра «лукава» (эти 20 процентов составляют всего несколько сотен случаев), а оттого, что этой цифрой все ограничивается. А как же, думаю, с десятками тысяч, на которые уменьшилось число изготавливающих самогон для себя? Заслуживают ли они упоминания или в политике отрезвления это бесконечно малые величины, которыми можно пренебречь? По-видимому, только Госкомстат, знающий, по замечанию классиков, все, ведает ответ и на этот вопрос...

Библиография

1. «Правда», 1 августа 1986 г.
2. Воронов Д. Алкоголь в современном быту. М.—Л., 1930, с. 98.
3. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции (Брест, 14—16 сентября 1988 г.) Москва—Брест 1988, с. 88.
4. «Аргументы и факты», 1988, № 10.
5. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции, с. 56.
6. Там же, с. 25.
7. Там же, с. 35.
8. «Правда», 24 октября 1988 г.

■ ЧТО НИ ПИСЬМО В ПОСЛЕДНЕЙ ПОЧТЕ отдела социальных проблем, то обязательно в нем содержится недоуменный вопрос или возмущение: кому и зачем нужны коррективы продажи спиртного в пользу этого коварного врага?

«Отступлением назад», «возвратом к прошлому», «ударом в спину трезвеннического движения» назвали укрепление позиций алкоголя в универсамах, продмагах, сельмагах Я. Романчук из Житомирской области, Н. Сафронова из Павлограда, ростовчанин И. Деревяно. «Боролись, боролись и опять сели в лужу», «Пьяницы рукоплещут: наша взяла!», «Как видно, очередная кампания в стране кончилась», — с горечью заключают другие наши читатели — К. Овчинникова из Днепропетровска, А. Перепелица из Одессы, пермячка В. Фролова.

Многие авторы прочитали интервью в газете «Труд» с заместителем начальника Главпродторга Министерства торговли СССР А. Конобовым, пообещавшим скорое увеличение спиртных декалитров на душу населения — отечественных, а также зарубежных. И категоричность читателей после знакомства с «декалитровыми» коррективами конечно же продиктована болью и все усиливающейся тревогой, что борьба за трезвость теперь «захлебнется». И снова появятся (уже появились!) качающиеся, словно маятники, выпивохи, которым доставляет большое удовольствие громкоглаголо обращаться к попутчикам (или ко всему человечеству), перемежая свою «философию» непечатными словами. Снова беда в обличье упившихся дебоширов вернется в несчастные семьи. Зато какое приволье будет расторопным завмагам!

Как раз об удивительной способности иных руководителей торговых организаций ловчить, выполнять план не за счет продуктов, которые нам крайне необходимы, рассказывается в ряде писем. На одном из них — коллективном,

подписанном жителями поселка Солнечный Восточно-Казахстанской области, — задержим свое внимание, чтобы поближе познакомиться с хитроумной арифметикой, отвергающей усвоенное нами еще в младших классах правило: от перемены мест слагаемых сумма не меняется.

Слагаемые в данном случае — вино-водочные изделия и продукты питания. Если коньяка, водки, вина, шампанского в поселковом продмаге за минувший год (данные приводятся нашими дотошными корреспондентами за три квартала) было продано на 150, 170 и 140 тысяч рублей, то колбасы, хлеба, масла соответственно на 25, 28 и 35 тысяч. А каково покупателю, вынужденному частично возвращаться домой с пустой авоськой? Что он думает об этой «сумме»?

Закономерно встает вопрос: коль неприглядная картина наблюдалась тогда, когда повсеместно ратовали за сокращение выпуска и продажи спиртного, то насколько же сегодня ядовитые «градусы» потеснят необходимые человеческому организму жиры, белки, углеводы?

СРАВНЕНИЕ СО ВЗАИМОСОБЩАЮЩИМИСЯ СОСУДАМИ

встречается в десятках писем, авторы которых считают: новое винное «орошение» прилавка неизбежно повлечет за собой напасти, что крепко подкосили, обескровили родное отечество в прежние годы. Больше будет вина — меньше станет порядка и порядочности. Аксиома! Опять пойдут в рост преступность на почве пьянства и аварийность на транспорте, рождаемость дебильных детей, при виде которых разве лишь у невменяемого человека не содрогнется сердце.

«Я работаю инженером по технике безопасности в одном строительном тресте, — сообщает Т. Павлова из Перми. — Недавно проводила вводный инструктаж с группой учащихся-маляров ПТУ, набранных из школ для умственно отсталых учеников. Глядя

на них, думала: да неужто еще кому-то хочется пить, когда вокруг такая беда?»

Желание выпить, напиться, уйти на время в радужное забытие пожитейски можно объяснить в иных случаях трудными условиями жизни, мешающими реализовать себя как личность. Объяснить — да. А оправдать? Можно ли оправдать то, что отдельный человек или целый народ позволяют каким бы то ни было обстоятельствам загонять себя в тупик?

Что значит быть в тупике, мы хорошо знаем. Сейчас стали из него выкарабкиваться, напрягая силы и волю миллионов, объявив перестройку единственным шансом выжить и уже без амбиций и самообмана добиваться коренных перемен в жизненно важных сферах. Только неужели кое-кто полагает, что поднимать запущенное сельское хозяйство, разворачивать отставшую экономику, двигать вперед науку все-таки сподручнее с допингом в виде «бодрящих» напитков? Этот отнюдь не риторический вопрос задают беспокоенные читатели.

«Рабочий не сможет качественно выполнять задание, употребляя вместо колбасы, молока, масла, с которыми, думаю, не только в наших краях туго, нахально соблазняющий его с прилавка алкоголь», — пишет жительница Лысьвы Пермской области Орлова. И дальше: «Стоит ли винить во всех бедах, как водится, стрелочника? Иными словами, директора магазина. С него тоже за план строго спрашивают. Возьмем-ка несколько выше: Министерство торговли, к примеру. В продтоварах выбор продуктов скуден. В промтоварах нет стиральных машин и стирального порошка, за более-менее сносной обувью не достоинься, совсем худо с детской одеждой. Но теперь, вероятно, в аппарате Министерства торговли вздохнули с облегчением: не надо больше портить отношения с Минлегпромом, Агропромом. Действительно, зачем нервничать, напрягаться, когда деньги и так потекут в государственную казну? Пусть и неправедные...»

Продолжим мысль автора. Казна пополнится — с повестки дня будут сняты одни вопросы (например, своевременная выдача зарплаты), однако зловеще, неотвратимо встанут другие. Пьяная стихия покоржит многие

судьбы, нанесет незалечиваемые раны хрупким детским душам и не пощадит сотни (тысячи? миллионы?) человеческих жизней. Оборвет их! Как нам вырваться из заколдованного круга?

БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ В БОРЬБЕ ЗА ТРЕЗВОСТЬ возлагаются на местные органы власти. Это видно из постановления Центрального Комитета КПСС «О ходе выполнения постановлений ЦК КПСС по вопросам усиления борьбы с пьянством и алкоголизмом». Но сколько нареканий вызывает у людей инерция исполкомов, сельских советов, которые никак не хотят реагировать на многочисленные просьбы устранить нежелательное соседство винных точек с ПТУ, школами, детскими библиотеками! Наша переписка с местными органами власти по этому поводу могла бы составить тома. Читаешь некоторые ответы и диву даешься: до чего же иные чины поднапорели в таком оригинальном жанре, как отписка!

В жалобе, допустим, речь идет о винно-водочном магазине, стоящем впритык к детской площадке и формирующем «нравы» подрастающего поколения, — в ответе про тот злополучный «центр притяжения» говорится куце и обтекаемо. Зато на всю страницу расписывается замечательная работа городского клуба трезвости. Получается как в той поговорке: «Ты ему про Ерему, он тебе про Фому...»

Есть ответы и «про Ерему». Но какие! «Действительно, в районе имеются нездоровые явления, связанные с продажей спиртного, — подтверждает письмо читателя Е. Самородкина первый секретарь Ершицкого райкома КПСС Смоленской области В. Глазков. — Отчасти это объясняется тем, что в районе спиртными напитками торгует только один магазин да и то нерегулярно (не хватает выделенных фондов)». Если следовать логике этого официального лица, атмосфера заметно оздоровится, когда алкоголь будут продавать в нескольких магазинах и причем регулярно! Выходит, появятся вина, коньяк в «достатке» и пьяницы станут шелковыми? Забудут крепкие выражения, спрячут чешущиеся кулаки в карманы и в своих семьях будут нежно ворковать с домочадцами?

Даже если бы эта утопия превра-

тилась в реальность, то можно ли позавидовать, что отравление организма алкогольным ядом ведет его к скорому разрушению и сегодняшний «культурно» пьющий, не агрессивный (сама любезность) любитель горячительных напитков завтра предстанет развалиной, инвалидом, потерявшим ясность ума и работоспособность?

Но продолжим наш разговор о местных органах власти в связи с их полномочиями решать, где позволительно продавать коньяк, вина, шампанское, пиво, а в каких магазинах этих напитков и близко не должно быть. Судя по обширной редакционной почте, многие жители микрорайонов, поселков бьются, будто несчастная рыба об лед, пытаясь оградить своих и соседских ребятишек от неприглядного зрелища. Такого, как недавние штурмы гастронома № 144 Октябрьского райпищеторга в Полтаве. Там частенько выдавливались окна, слышалась брань, именуемая в народе отборной. Затем покупатели перемахивали через заборчик одного из детских комбинатов, которых поблизости два, или спешили на школьную спортплощадку. А то устраивались, сердешные, в подъездах близлежащих домов, там распивали «горькую».

Как реагировали на острые сигналы жителей улицы Совнаркомовской торг, исполкомы — районный и городской? «Их отписками можно весь дом оклеить», — сообщают Л. Калущая, С. Заруба, Н. Мелых и еще двадцать пять человек, подписавших письмо в редакцию. Что до расширения торговли спиртным, то оно несколько смягчило буйные нравы полтавчан, узнаем мы из коллективной жалобы. Битье окон в гастрономе можно смело отнести к пережиткам прошлого. Стекла больше не бьют, только купленную спокойно, без давки «поллитру» особо нетерпеливые товарищи по-прежнему распивают на глазах у любознательной детворы! Это к ответу на вопрос, какие нас ждут перемены, когда мы покончим с одним из дефицитов (может, все же не с основным?)

ВСПЫХНУЛА НЕБЕЗОСНОВАТЕЛЬНАЯ ТРЕВОГА, что сохранять, а тем более развивать завоеванные позиции теперь будет во сто крат тяжелее, чем, скажем, год или два назад. Боюсь, не только обыватели и злопыхатели, но и те, кто

считает себя истинными гражданами, примутся превратно толковать абзац о «зонах трезвости» в упомянутом раньше постановлении ЦК КПСС. Прочитую: «Объявление целых районов и городов «зонами трезвости» без учета мнения общественности не подкреплялось усилением воспитательной работы». Верно, немало тому примеров, когда руководители районного масштаба, что называется, загнали целые селения в названные зоны. Загнали для отчетности, из желания побыстрее отрапортовать. Но везде ли руководствовались именно этим желанием?

В отдаленном сельском районе Воронежской области, Новохоперске, есть хлебоприемное предприятие, объявившее себя «территорией трезвости». Это тем более удивительно, что на предприятиях такого профиля собираются в основном выпивохи, поскольку условия труда тяжелые, механизации никакой. Начальству выгодно иметь как раз неприязнительную «публику». Но и «публика», разумеется, свою выгоду блюдет. Попробуй-ка одерни пьяницу — тут же пригрозит уходом. Уйдет — кто станет мешки таскать?

На Новохоперском предприятии не «контингент», а сильный сплочен-

ный коллектив. Вряд ли бы он сложился бы, если директор вместе с профкомом и советом трудового коллектива не проявляли настоящую заботу об условиях труда и жизни работников. С жильем проблем нет — строят его хозспособом и весьма энергично. С продуктами? Подсобное хозяйство развивается мощно — снабжает людей колбасой, мясом. За горячие сытные обеды тут платят копейки. Для ребятишек создана конно-спортивная секция!

О становлении коллектива Новохоперского хлебоприемного предприятия мы подробно расскажем в одном из ближайших номеров журнала, сейчас же хочу заметить: не «липовые» и отнюдь не навязанные ретивыми чиновниками территории или зоны трезвости в стране, несомненно, имеются. И их немало. Это подтверждают читатели, наши нештатные корреспонденты. А жители поселка Юркино Ярославской области сообщают: после того, как они расправились с ненавистным многим семьям «зеленым змием», решив на сходе отказаться от завоза спиртного в поселок, их лесозащитник, крупнейший в области, стал, наконец, выполнять план по всем показателям. Одно из объяснений успеха они

видят в том, что в пять раз сократилось число прогулов. «Мы считаем: «зоны трезвости», создаваемые добровольной народной инициативой, становятся островками трезвости среди алкогольного моря и дают государству не убыток, а прибыль», — заключают юркинцы.

* * *

Свое обещание, данное в № 10 «ТК» за 1988 год, — обобщить письма-протесты против увеличения выпуска и торговли спиртным и направить их в Совет Министров СССР — мы выполним. Но в ходе знакомства с редакционной почтой на эту тему появилась мысль: копии ряда писем необходимо будет направить в Министерство здравоохранения, так как многие вопросы обращены к нему. И разве не правы читатели В. Васильева из Таллина, П. Гараздий из Ивано-Франковской области, Г. Горбачев из Керчи, заявляя, что если Всемирная организация здоровья относит алкоголь к наркотическим веществам, то почему в нашей стране идет бойкая торговля наркотиком?

Н. СТАВИЦКАЯ,
редактор отдела
социальных проблем

ВНИМАНИЕ: НАЧИНАЕМ ОПЕРАЦИЮ «ДИСЛОКАЦИЯ»!

Но ограничиться лишь обобщением писем-протестов и пересылкой их по названным в обзоре «Мы — против!» адресам редакция журнала «Трезвость и культура» не собирается. Отдел социальных проблем «ТК» объявляет на 20 февраля этого года проведение операции «Дислокация». В этот день с 11.00 до 21 часа по телефону 299-52-15 сотрудники отдела будут принимать ваши сообщения, уважаемые читатели. Сообщения о том, где — в каких городах, поселках, райцентрах — игнорируется постановление Центрального Комитета КПСС «О ходе выполнения постановлений ЦК КПСС по вопросам усиления борьбы с пьянством и алкоголизмом». Где винные точки до сих пор не «передислоцированы» подальше от детских дошкольных учреждений, школ, заводских проходных, мест отдыха трудящихся.

Кому не удастся позвонить нам в указанные часы, просим прислать свои письменные сообщения по адресу: 103006, Москва, Чехова, 18, редакция журнала «Трезвость и культура». С пометкой «Операция «Дислокация»». А сегодня мы публикуем один из таких тревожных сигналов, поступивших из Ставрополя.

Уличный комитет и жилсовет 22-го округа 9-го микрорайона Ставрополя полтора года обращаются в местные Советы с устными и письменными протестами против торговли спиртным в магазинах № 79 и № 86. Эти точки находятся рядом с культурно-просветительными учреждениями, что не согласуется с постановлением Совета Министров СССР от 7 мая 1985 года «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма».

Магазин № 79 находится рядом с ореховой рощей, из которой пьяницы вытеснили отдыхающих. Магазин № 86 торгует спиртным неподалеку от детской библиотеки, кинотеатра «Пионер», школы, УПК... На глазах пьют пиво и вино старшекласники.

Жалобы в местные советы подписывали до 70 жителей. Мы приглашали на сход представителей исполкомов, но те находили любые отговорки, чтобы не являться.

Интересно, отважатся ли избранные нами же руководители районов повторить свои отговорки перед читателями страны, через ваш журнал?

Н. ВЕРЕВКИНА,
председатель уличного комитета
22-го округа
Л. ЮДИНА,
председатель женсовета

«СОТРУДНИЧЕСТВО»

Дискуссионный клуб читателей,
авторов, редакции «ТК»

О рубрике «Социальные проекты читателей»

(читательская анкета была опубликована в № 8 за 1988 год)

■ К моменту, когда этот материал сдается в производство (а приходится это, к сожалению, делать примерно за 3 месяца до того, как номер поступает подписчикам), мы располагаем только тридцатью вырезанными и направленными в редакцию анкетами. Крайне мало! Но характер ответов на вопросы достаточно красноречив, чтобы их можно было обобщить.

I. Редакцию интересовало, насколько необходимым считают этот раздел читатели. Главный результат получившегося миниопроса: ни один из его участников не посчитал раздел ненужным, почти все — весьма необходимым. Впрочем, к тридцати читателям, вырезавшим и приславшим анкеты, нужно приплюсовать еще несколько десятков авторов, откликнувшихся на проекты Т. Метс, В. Кувакина (№ 7) и других проектантов: будем считать, что они поддержали эту рубрику уже самим фактом участия в ней. II—III. На вопросы, как часто следует публиковать социальные проекты читателей и заинтересовали ли их предложения, опубликованные в № 7, 8, почти все ответили «постоянно» и «заинтересовали».

IV. Вопрос «Насколько удачна избранная для публикации форма?», а также просьба посоветовать что-либо для ее улучшения, мягко говоря, пока не сработали. Откликнувшиеся назвали форму удачной, но число-то откликнувшихся крайне невелико относительно восьмисоттысячного тиража журнала. Это и заставляет нас самих усомниться в удачности избранной формы. Будем искать ее. Кстати, этот вопрос стоит в повестке дня заседания редакционного совета журнала. Отсутствие же советов (за исключением одного, где предлагается тот или иной проект обозначать выделяющим знаком-символом) говорит, по-видимому, о том, что просьба оказалась для читателей трудно выполнимой. Это жаль.

Ведь наши планы значительны. Мы хотим — если участие в обсуждении социальных проектов будет по-настоящему массовым — поднимать их до формы законодательных предположений, достойных быть адресованными в соответствующие органы и организации. В отдельных случаях потребуются провести через журнал и «Референдум «ТК» — это будет возможно, когда обсуждение того или иного проекта «докристаллизуется» до формулы выбора из двух-трех решений на усмотрение читателей. Стоит ли говорить, что референдум может быть действительно и действенным опять-таки при наличии сотен участников.

ОБЩИЙ ВЫВОД: раздел «Социальные проекты читателей» сохраняем; совершенствуем; прорабатываем на редакционном совете.

О замечании членов первичной организации ВДОБТ ВЦ СО АН СССР (см. «Наш современник», № 3; «Трезвость и культура», № 7 за 1988 год) и **вопросах редакции** (№ 10 за 1988 год).

Мало кто из читателей, включая и тех, кто звонил в редакцию по «Прямому проводу», высказался за исключение из журнала так называемых «развлекательных», а правильное культурно-просветительных материалов. Характер суждений виден из публикуемых писем-откликов на № 10, где был опубликован «Разговор без посредников» и поставлены перед читателями три вопроса:

1. Каково, на ваш взгляд, должно быть в журнале соотношение «антипитейно»-трезвеннических и так называемых развлекательных материалов?

2. Целесообразно ли печатать на обложке каждого номера журнала значок ВДОБТ?

3. Как вести в «ТК» специальный выпуск (раздел) по вопросам физической культуры, чтобы не повторять «Физкультуру и спорт»?

■ Для наших новых подписчиков и читателей сообщаем, что эта рубрика в Дискуссионном клубе «Сотрудничество» служит для коллективной количественной и качественной оценки («взвешивания») отдельных публикаций, а также новых разделов или рубрик. Предлагаемая форма (перечень вопросов, иногда даже с вариантами ответов) избрана отнюдь не для нивелирования мнений, а удобства их обобщения и извлечения точки зрения большинства. Этой же целью объясняется наша просьба делать на конверте пометку «Мнения на весах опроса» и специальная верстка анкет (полоску можно вырезать).

Просим [по желанию] указывать свои фамилию, имя, отчество, род занятий, отношение к трезвости, к ВДОБТ (состоите или нет), образование, возраст, семейное положение.

А теперь анкеты.

Л. КОНДРАТЬЕВ. ИСКРЕННОСТЬ, ПОКА НЕ СТАВШАЯ ПРАВДОЙ

I. Одобряете ли Вы настойчивость редакции в постановке вопросов о позиции художественной интеллигенции в борьбе за трезвость?

1. Одобряю. 2. Не одобряю, поскольку считаю бесперспективной. 3. Не одобряю, поскольку считаю позицию Е. Евтушенко и других сторонников «культуры питания» правильной (подчеркните, с чем согласны).

II. Убедительна ли, с Вашей точки зрения, данная статья?

1. Вполне убедительна. 2. В основном убедительна. 3. Убедительна в частностях. 4. Не убедительна. 5. Если не убедительна, то в чем эта статья, на Ваш взгляд, наиболее уязвима? _____

III. Считаете ли Вы оправданной позицию автора статьи и редакции в защите Е. Евтушенко от грубых и безапелляционных обвинений?

1. Считаю. 2. Не считаю.

Л. ОВРУЦКИЙ. САМОГОНОВАРЕНИЕ-87 И ДРУГИЕ

1. Является ли данная статья для Вас более доказательной и убедительной, чем подавляющее количество материалов о самогоноварении, публикуемых в других изданиях?

1. Является более доказательной и убедительной. 2. Затрудняюсь ответить. 3. Публикации в других органах печати более убедительны.

II. Если эта статья более убедительна, то благодаря чему?

1. Убедительной статистике. 2. Логичному анализу. 3. Еще благодаря чему? _____

III. Если более убедительны другие публикации, то на чем основано Ваше мнение? _____

В. ЕРОФЕЕВ. МОСКВА — ПЕТУШКИ

Пока что опубликована лишь примерно половина повести, и потому наши вопросы носят специфический характер, поскольку, по мнению редакции, отношение читателей к этому произведению, скорее всего, будет меняться по мере чтения.

Итак:

1. Считаете ли Вы после прочтения двух глав повести правомерной ее публикацию на страницах журнала, пропагандирующего трезвый образ жизни?

1. Считаю. 2. Затрудняюсь ответить. 3. Не считаю.

11. Как вы определили основное содержание повести по прочтении № 12 и 1!

111. Как бы Вы оценили (независимо от отношения к содержанию) литературно-художественный уровень повести!

1. Высокий. 2. Посредственный. 3. Низкий. 4. Затрудняюсь ответить.

А теперь — специфическое. Эти же предложения мы намерены повторить по окончании публикации повести, поскольку нам (думается, и Вам) интересна динамика мнений читателей о публикациях с продолжениями (а от таких публикаций мы отказываться не хотим), учитывая положительное отношение к ним читателей. Таким образом, Вы имеете возможность участвовать в своего рода тесте: проверить свою способность к литературно-критическому прогнозу. Но — условие: такой тест эффективен, если Вы «почестному» ответите и на эту анкету, высланную в редакцию, и на ту, которую мы опубликуем по окончании публикации повести «Москва — Петушки».

Плакат в № 10 (1988 г., с. 32—33) считаю самым удачным за все время трехгодовой подписки журнала «Трезвость и культура». Наглядность, цифры дают многое. В этом смысле журналу стоит перенять многое у издания «Аргументы и факты».

А. Я.

За плакат в № 10 вас не снимут. Разве что убьют (шучу!). Этот плакат, конечно, большой успех. «Но это ведь плакат всего лишь», — сказал один из моих сотрудников. Важнее, на мой взгляд, статьи по истории алкогольных решений (особенно та, что в этом же № 10). Это фундамент для последующих публикаций конструктивного характера.

Л. КИСЕЛЕВ, инженер
г. Москва

Когда я прочитала на плакате журнала высказывание Н. И. Рыжкова, то вспомнила название работы Ленина «Один шаг вперед, два шага назад».

И. ПОПКОВА, врач
г. Тихвин

Ярослав Александрович (г. Москва):

1. «Являюсь «трезвенником» с 1973 г., сразу после окончания школы. Было трудно — находился в изоляции. Предпочел одиночество, и до сих пор в моей жизни не произошло значительных перемен. Человек способен найти много занятий для индивидуального выполнения, но все же он является существом общественным и стремится не превращаться в «премудрого пескаря». Я выписал журнал «Трезвость и культура» из-за второй части его названия «... культура». Трезвость-то у меня есть, а вот культура трезвой жизни ни в одном издании не обосновывается. Поэтому полезное дело — вооружать нас знаниями и аргументами для борьбы с питейством (статья «От диктатуры трезвости — к меньшему злу», «Существует ли в мозге центр алкоголизма?»).

Борьба должна вестись по всем направлениям, не канцелярским, а живым реагированием. Установить же заранее, сколько процентов должны составлять антипитейные, а сколько развлекательные — нельзя, это зависит от состояния дел на фронте борьбы с питейством. В настоящее же время нельзя назвать благополучным это положение, поэтому сейчас особенно следует взвешивать «боеготовность» каждой статьи. Всеми возможными способами стоит активизировать общение с подписчиками журнала. С этой целью для облегчения переписки стоит печатать готовые анкеты для вырезания и обратной отсылки в редакцию.

2. Значок ВДОБТ — пока единственное «знамя»: оно, подобно «Знаку качества» на продукции, удостоверяет принадлежность к определенной категории. Следует пропагандировать свою символику. Ничего плохого не будет, если эту символику изобразит, например, безалкогольное предприятие общественного питания при входе: посетитель твердо будет знать, что здесь ему не угрожает «навязывание» спиртного в меню. А символ в местах общественных будет означать, что в данном учреждении (кинотеатре, бассейне и т. п.) предусмотрено обслуживание только полностью трезвых посетителей. Можно привести другие примеры.

Значок должен изображаться и всей литературе, выпускаемой ВДОБТ, и, конечно, использоваться для изготовления. И реклама спортивных снарядов не повредит репутации журнала.

3. Физкультура и спорт несомненно совместимы с питейством. А если начинающие физкультурники вырываются из рамок рубрики «ТК», тогда смогут обращаться к журналу «Физкультура и спорт», который больше рассчитан на людей разбирающихся и имеющих отношение к организованной физкультуре и спорту.

О. ТРОФИМОВ, зам. председателя Абаканского городского совета ВДОБТ

«Полностью разделяю мнение трезвенников, высказанное ими журнале «Наш современник».

В то же время с удовлетворением отмечаю, что в 1988 году особенно в последние месяцы номера стали интереснее, более содержательными, наступательными.

Если название «Трезвость и культура» было оправдано в конце 20-х годов, когда действительно остро стояла задача повышения общей культуры, то сегодня такое название только сбивает с толку неискушенных в борьбе за трезвость людей, пытающихся турпосоходами, спортом, кино и т. д. добиться трезвости. Увы...

ПРЯМОЙ ПРОВОД

Слово к подписчикам

В редакционной почте много жалоб на несвоевременную доставку журнала. Мы послали запросы во многие отделения связи, но и сами подписчики должны проявить настойчивость, обращаться в местные органы власти. Подписка на журнал не лимитирована. Следовательно полная ответственность за неоплату подписки на журнал несут предприятия связи.

РАЗГОВОР БЕЗ ПОСРЕДНИКОВ

Дорогие читатели! Напоминаем что по любому вопросу, интересующему Вас, Вы можете позвонить главному редактору ШЕВЕР ДИНУ Станиславу Николаевичу по телефону 299-38-04 с 19.00 до 21.00 часа 15—16 февраля. Ждем Ваших звонков!

АФГАНИСТАН НЕ СТАЛ ЕЩЕ

ИСТОРИЕЙ

(отрывки из писем)

Время поставило часть нашего молодого поколения перед испытанием сродни тому, через которое прошла страна в Великую Отечественную... Причины афганской войны, тайные и явные ее пружины — дело особое, требующее серьезнейшего историко-политического подхода и оценки. Так или иначе, но тысячи ребят прошли через Афган. И несут его теперь в своих сердцах, сопоставляют военную свою жизнь с тем, что окружило их затем в гражданском мирном бытии.

Об «афганцах» сейчас пишут много. Пишут о подвигах, о наградах, о боли, о мужестве... О пьяных побойщах в московском парке имени Горького тоже пишут. И о том, что поступают «афганцы» на прибыльную службу к проклянувшемуся в нашей действительности мафиози. О спившихся героях, продающих ордена за литр водки. О забытых, неподвижных инвалидах. О мыкающих матерях и женах сгнивших на войне солдат. О разбитых, оскверненных могильных плитах. Много чего привнес в нашу жизнь Афганистан... Пройдя испытание, «афганцы» выполнили свой долг...

* * *

«До Афгана несколько месяцев нас готовили в Союзе. Знаешь, сколько раз я стрелял до Афгана? Девять! Зато несколько ведер зеленой краски извел на «озеленение» территории части перед приездом комиссий. Много их было, этих комиссий, и, видимо,

остались они довольны нашей подготовкой, раз послали воевать. Вот и учились мы воевать сами, но только те, кто не погибал в первые же дни.

* * *

«Я думаю, из меня получился бы неплохой военный. Родители помешали остаться в армии... Мать сказала, что за Афган она сполна заплатила...»

* * *

«Говорят, что человек должен пережить четыре состояния: любовь, войну, богатство и бедность. Мне для полноты картины осталось пережить только богатство. А вот главное, войну, уже пережил. И хоть ненавижу я ее и глупость начальства, стоившую жизни ребятам, ненавижу... Но было там, в Афгане и другом».

* * *
«В тот день мы и не настраивались на серьезный бой. Пошли к кишлаку. По нашим сведениям, духов там не должно было быть. Но надо проверить. Проверить вылезался я.

Ну и нарвался на засаду. Духи, правда, подумали, что я не один. И открыли такой огонь, что, наверное, роту можно было положить. Но уж видно, в рубашке я родился. Взрывной волной забросило меня за дровяной склад.

Осела пыль. Тишина. И слышу я в своем приемнике голос командира: он начальству о потерях докладывает. И называет меня. Сообщает об отходе роты на исходные позиции. А я ничего поделывать не могу. У меня ведь только приемник, передатчика нет. И не то что выстрелить, дать какой сигнал — пошевелиться не могу. Духи сразу обнаружат, и тогда мне уже не выкарабкаться.

Идет минута за минутой. Чувствую, что жизнь уходит. Прямо вижу, как командир отводит роту и как к вечеру похоронку на меня в штабе оформляет. Как вдруг с той стороны, где рота залегла, ударил автомат. Длинная-длинная, на весь рожок очередь. А потом граната, другая, третья... Кончились гранаты, камни полетели. У духов суматоха. Они все внимание туда. Я же успел за угол каменного дома забежать, там уж меня так просто не достать было, и оттуда из ракетницы в воздух...

Наши поняли, что жив я. Ну и ударили из всех видов оружия. Духи не выдержали, уползли — у них в том кишлаке подземные ходы нарыты были.

Потом уж мне рассказали, что, когда был получен приказ «отходить», друг мой, Сенька, как с цепи сорвался. Кричит: «Не верю, что Игорь погиб, не такой он человек, чтобы в дыре этой загнуться». Оно, наверное, так и есть... Короче, Сенька разрядил свой автомат, гранаты побросал... Вызвал огонь на себя. Дал мне шанс.

Про себя Сенька тоже говорил, что, мол, нет такой пули, которая для него была бы отлита. Что верно, то верно. Пули не нашлось. Сенька на mine подорвался. За полгода до своего дембеля».

* * *
«Думали: уже все... Проскочили. Думали: все вместе домой вернемся. Живые. И дембельские альбомы у всех готовы были.

Так уж заведено в армии: покупаешь альбом потолще да покрасивей, «оформляешь» его всяческой армейской атрибутикой — звезды рисуешь, танки, пушки, самолеты из журналов вырезаешь и наклеиваешь, на первую страницу — повестку в военкомат, а поближе к концу службы — приказ Министра обороны об увольнении в запас, между ними помещается вся твоя солдатская жизнь на фотографиях: друзья, отцы-командиры, а то и девчонка, если повезет. В самом конце — общая дембельская фотография: все в парадной форме, со всеми положенными и неположенными регалиями, а рядом те, кто из тебя, по их же выражению, человека два года делал. В общем, альбом как альбом.

Но вот эта операция. За полтора месяца до Приказа... Восемь ребят нашего взвода погибло. Четверо моего призыва. Мы их альбомы потом родителям переслали. Там все как у меня, только не хватает этих последних страниц.

Потеряли мы в том бою двоих, «духам» куда тяжелее пришлось. А тут ночь. В Афганистане ночи как чернила. Хоть полная луна светит — рук своих не увидишь. «Духи»-то привычные, ребята наши из Средней Азии тоже, а мы, москвичи да рязанцы, как котята слепые. Надо отходить, но замполит уперся и ни в какую. Нельзя, говорит, трупы оставлять. Это точно, это мы и без него знали. И не только из-за того, что перед начальством за убитых отчитываться надо. Нехорошо своих ребят на поругание оставлять. «Утром заберем,— говорим замполиту,— обязательно». «Нет,— отрезает он,— немедленно». Пошли. Не пошли — поползли. На ощупь. Нарвались на «духа». Я его утром разглядел: худой, в тренировочных штанах, с нашим, видимо, трофейным пулеметом. Пулемет старенький, изоляционной лентой перевязан. Так и появились две лишние страницы в моем альбоме. Там ребята в цинковых гробах и мы в парадной форме».

* * *
«Война есть война, смерть, кровь, грязь — этого хватает. И убивать приходится. Вроде привыкаешь к этому, и к тому, что тебя могут убить, тоже привыкаешь. Но случаются моменты, когда ты отчетливо ощущаешь в

себе... невозможность быть в войне, когда она отодвигается и когда человеческой жизни возвращается истинная ее ценность».

* * *
«Дикий был бой. Мы троих потеряли. Командиру грудь осколком разорвало. Он потом в госпитале умер. Так что злы мы были; казалось, что зубами будем душманам глотки рвать.

И вот врывается мы на тот холм, с которого они нас обстреливали... Забегаю за скалу. Передо мной дух. Поднимаю автомат. И вдруг вижу: дух-то совсем парнишка, лет ему двенадцать. А в руках базука, и видно, что из этой базуки он только что стрелял. Стоит он напротив меня — не шелохнется. Не моргнет. И чувствую: ненавижу меня, еще много — вспыхнет.

За мной взводный. Увидел пацаненка с базукой — сразу за автомат. Да я дуло в сторону отвел, очередь в камни пришлась. Взводный мне кричит: «Душманам, сука, продался?! В своих стрелять не хочешь?!» В «своих» — это потому, что я таджик по национальности.

Понятное дело: операция только что закончилась, взводный самых близких друзей потерял. Он тоже человек, у него тоже нервы.

Только зачем он мне про «своих». Таджик, русский, украинец — там все под пулями ходим, там нет наций. Просто передо мной стоял ребенок. Не «дух», не бандит.

Непросто пережить такие моменты. Начинаешь всех подряд жалеть: и мальчишку этого обманутого, и взводного, который полчаса назад чудом отбился от «духов», и ребят своих — живых и мертвых, и себя...

Через несколько месяцев после того случая занесло нас в дальний кишлак. Места незнакомые. Проводник нужен. Вот и взяли мы пацаненка, лет двенадцати. Я — за переводчика. Ну, и пока он нам дорогу показывал, возился с ним, был рядом. Кормил, спать укладывал.

И вот ночь. Лежим мы с ним рядом. Над нами небо. Луна. Огромная. Желтая.

Я говорю: «Интересно как получается. Моя мама сейчас на эту же луну, наверно, посмотрит».

Пацаненок аж подскочил: «Как на луну?! Врешь! У вас там круглый год темень. Вы все ходите

с оружием. И женщины ваши ходят с оружием. Вы даже спите с автоматами и ножами». — «Кто ж это тебе наврал?» — «Приходил человек... Из заграницы, с той стороны (из Пакистана, значит), он про вас все знает».

Что ты будешь делать? Хорошо — язык у нас один. Ну и принялся я пацаненку про свою жизнь рассказывать. Завтра вставать ни свет, ни заря, а мы не спим.

А когда все ж таки задремал наш проводник, то во сне меня за руку взял. Так и проспал до утра».

* * *

«Вернулся я из Афгана. Ничего. Вроде все нормально. Жизнь идет себе. Мирная.

А потом гляжу я на себя после трех лет этой спокойной жизни — а голова-то вся седая. В Афгане я понятия не имел, что такое седина.

В Афгане, там хоть и смерть, но как-то было проще. Враг — это враг, а свой — значит, свой. Никаких промежуточных состояний. А здесь... Никак не пойму — кто есть кто, логики все никак не обнаружу».

* * *

«По возвращении хотел было пойти в милицию. В оперативный отдел. Отказали. Здоровье после Афгана уже не то.

Тогда подал я документы на юридический факультет. Не знаю, почему, но многие из наших поступали именно на юридический.

Вот и я стал учиться на вечернем. А днем работал судебным исполнителем. И с таким горем человеческим столкнулся, с такой

несправедливостью, что показала мне военная моя жизнь в Афгане — нормальной, правильной и справедливой, хоть там и кровь.

У нас в Душанбе самый острый вопрос — жильё. Слов об этом с трибун говорится — море, письменными обещаниями земной шар можно десять раз опоясать. И денег на строительство уходит тонны. А жить негде. Люди ютятся в трущобах. Иной раз заходишь в помещение, которое по документам числится жильем, и потом целую неделю недоумевашь, как здесь люди не то что жить, находиться могут.

И вот живет себе человек, заводит семью, детишки растут, как вдруг выясняется, что не его это помещение. Халупа, барак, глинобитная избенка довоенного времени — но он и на нее права не имеет.

Приходится выселять. А куда? И как? Меня эти люди к себе на порог не пускают. Дверь шкафами баррикадируют. В ногах валяются. Был такой случай.

Надо женщину выселять. А у нее туберкулез. Да еще в открытой форме. И четверо детей на руках, и все тоже больны туберкулезом. Она, отчаявшись дождаться хоть какой-нибудь площади, самовольно заняла однокомнатную квартиру: надо, стало быть, выселять. По закону все правильно. Но куда? В общежитие. Я говорю: у нее открытая форма туберкулеза, ее лечить надо. Отвечают: ничего не знаем, сказано — в общежитие, значит, в общежитие. И детей вместе с ней. Я все справки о ее здоровье собрал. А прокурор ни в какую — выселяй!

Я к ней. Так, мол, и так, поживите пока в общежитии, потерпите, я, как сумею, помогу, бумагу составлю, сам с этой бумагой куда надо пойду. Она не соглашается. Кричит в голос. Я к прокурору. От прокурора к ней...

На моих глазах облила она себя соляной кислотой и подожгла. Вот тут я добром Афган вспомнил, научил он меня уму-разуму; повидал я, как там люди заживо сгорают. Не дал ей — горячей — метаться по комнате. Снял с себя плащ, накинул на нее, сверху еще какой-то матрас навалил. Сбил пламя.

Она теперь в ожоговом центре. Говорят, выживет. Только вот где ей с детьми жить? Никто ей квартиру давать не собирается. И прокурора в том, что он по-человечески неправ, не убедишь. Законно на его стороне!»

* * *

«Вернулся, поступил работать в типографию. И что вы думаете, едет к нам, на встречу с рабочим классом, высокое начальство. За месяц до знаменательной встречи все словно на уши встали. Ведра краски... Только на этот раз не траву красили, а станки, которые по технологии и красить-то нельзя. Да кому до этого дело: красят — и ничего. За эти ведра краски мои друзня жизнь в первом же бою заплатили, а сейчас чем платить будем?! Сказал об этом и красить отказался. Начальник попытался было на горло взять. Да где ему... Меня начальственным рыком теперь не испугаешь».

* * *

«Вот Афган и сделал из нас солдат, соскреб все лишнее, наносное, а главное — лгать отучил.

Мы думали, наши сердца ожесточились на афганской войне, мы думали, нам уже ничего не страшно. Оказалось, гражданка — не рай, который нам каждую ночь в армии снился.

...Которую ночь не сплю. Об Афгане думаю. И о ребятах. Хочу к ним. Хочу обратно в Афган. Пусть тяжело и смертью каждый день пахнет. Но, кажется мне иногда... я себя там оставил».

Публикацию подготовила
Н. КИСЛЯК

ИСКРЕННОСТЬ, ПОКА НЕ СТАВШАЯ ИСТИНОЙ

■ Я не знаю, сколько пришло откликов в «Литературную газету» по поводу опубликованной в этом уважаемом издании статьи Евгения Евтушенко «Притерпелость» (11 мая 1988 года). Думаю, что немало. В моем предположении я исхожу из анализа почты нашей редакции. Письма на «Притерпелость» хлынули, что называется, широким потоком, добрая половина из них в копиях была направлена в «Литературку». Поток этот не иссяк и до сих пор.

Задел Евгений Александрович читателей. Крепко задел. Какое письмо-отклик ни возьми — настоящая отповедь, большей частью сердитая и доказательная*.

Три года назад, когда трезвенническое движение только начинало новый, подкрепленный государственной волей этап своего развития, мы обязательно обрушились бы на публицистические рассуждения знаменитого нашего поэта. И впрямь: они представляют собой весьма удобную мишень для критики. Чего стоит, скажем, его восхищение парижскими верхолазами, преспокойно пьющими красное вино в обеденный перерыв, после которого им предстоит вскарабкаться аж на самую Эйфелеву башню. Или упоминание о кавказских долгожителях, взрощенных на молодом виноградном вине. Или детски неуклюжее социальное исследование причин самогонаварения...

Но не дадим увлечь себя обсуждением деталей и упреками в адрес автора «Притерпелости». Такое обсуждение в данном случае представляется необязательным. Все-таки статью «Притерпелость» написал не социолог, не юрист, не медик и даже не журналист, но Поэт. «Поэт в России больше чем поэт» — это слова самого Евгения Александровича. Хороша формула?

Итак, «Притерпелость» — плод размышлений Поэта. И нам очень важно понять: почему он подумал и написал так, а не иначе. Не осудить сразу за очевидную неосведомленность и нелогичность. Понять! Ведь тот же Евтушенко — ПОЭТ! — написал «Братскую ГЭС». В этой поэме есть глава, в которой описывается симбирская ярмарка: «Ярмарка! В Симбирске ярмарка! Почтище Гамбурга, держи кар-

ман...» И вот среди ярчайших красок, среди бесшабашного этого упоения вдруг, как черная молния: И продав свою картошку,
И вативши первача,
Баба пляшет под гармошку,
Еле ноги волоча.

И нет больше ярмарки, нет рядных и фальшивых декораций. Есть Россия... Расея-матушка... Эта пьяная баба — несчастная, забытая и забитая, одурманенная...

Я была у Оки,
Ела яблоки...

С виду золоченые,
В слезыньках моченые.

Действительно, нужно быть Поэтом, чтобы добраться в считанных строчках до такого обобщения. И падает Россия в грязь, и не может, пьяная, подняться...

И лабазник стороною,

А из бороды:

«Вот лежит. А кто виною?

Всё студенты да жиды».

Не знаю, как вас, уважаемый читатель, а меня оторопь берет от этих стихов. Даже страх, вбитый в меня прежними годами, просыпается, не дает покоя. Ведь эту картину, отнесенную Поэтом на столет назад, можно написать и с нашей действительности. Пьяная Русь... И те же лубочные сталинско-брежневские декорации, и те же «яблоки», и тот же первачапанacea от тоски, несправедливости, неверия. И тот же лабазник с кондовыми его объяснениями народной трагедии...

Столь подробно (и не скрою — любовно) цитирую я «Братскую ГЭС» затем, чтобы читателям, особенно тем из них, кто прислал в редакцию гневные письма с требованием гражданской казни Евгения Александровича, стало ясно, что Евтушенко не только автор «Притерпелости», но и пронизан-

ных болью стихов, обобщающее, публицистическое значение которых для трезвеннического движения, для нравственной его основы велико. Стихов, написанных больше четверти века назад...

* * *

Кто спорит: творчество Евгения Евтушенко противоречиво. Иначе и быть не может, он же поэт, он осмысливает сложнейшую эпоху. Иные же читатели, не понимая этого, ставят на поэте клеймо флюгера. Но противоречивость-то вызвана болевой реакцией на происходящее вокруг.

И все-таки: почему «Притерпелость» с ее неудачной попыткой осмысления трезвеннического движения и борьбы за искоренение пьянства?

В появлении статьи немало повинны мы сами. Потому что и трезвенническое движение, и борьба с пьянством до сих пор не освободились от чиновничьего духа. Потому что дело огромной государственной важности, дело нравственной перестройки стало вершиться прежними административно-командными методами, возводящими запрет и окрик в абсолют, напрочь отметающими необходимость научного, социального, политического обоснования и нравственного подкрепления запрета. Потому что к пропаганде трезвости не привлечешь талантливых людей, не верят они в трезвость. Но нет ли таких трезвенников, в которых и которым не хочется верить. Нет ли среди них таких, кто стал в ряды движения не ради оздоровления народа, но ради собственных неудовлетворенных амбиций, ради властишки, ради дешевой популярности?.. Среди них — те же лабазники из «Брат-

* Некоторые из них редакция «ТК» опубликовала в № 7 и 11 за 1988 год.

ской ГЭС», с постоянной и само-довлеющей настойчивостью выискивающие причины повального российского пьянства в инородцах, в происках западных разведывательных служб, даже в наступлении демократии, как бы ненароком вспоминая «отца народов», который бы всеобщую трезвость установил бы декретом, в одночасье, а тех, кто, не дай бог, опрокинул рюмочку — в Турухань.

Есть от чего растеряться. Тем более человеку, от которого смешно требовать специальных познаний в антиалкогольной борьбе, в социологии и экономике, к тому же человеку, мышление которого основано на эмоциях.

Растерявшись, легко впасть в иску-с и напасть на трезвость. И потребовать вместо сверхъядовитой домашней «томатовки» ядовитую в меру казенную «столичную». Легко сделать из не всегда верных посылок окончательно неправильные выводы.

Но будем до конца объективными: легко ли устоять под прессом бес-счетных газетных публикаций, всех этих откровений вполне ответственных работников о необходимости вернуть алкогольную ситуацию на круги своя. Легко ли удержаться от публицистического вскрика, если большинство нашего общества с подачи прессы и части ученых перепутало причины со следствиями. Если истинной причиной всего негатива, о котором упоминается в «Притерпелости», стали не запреты и антиалкогольная политика, а чудовищная алкоголизация народа — национальное бедствие, во много раз большее, чем Чернобыль и народившаяся мафия. Поэтому появление «Притерпелости» — логично и закономерно. В ней нашли отражение мысли огромного числа людей, в ней их растерянность, незнание, неуверенность, неумение подвергнуть происходящее беспристрастному социальному анализу.

* * *

Повторю: три года назад Евгения Евтушенко мы бы посчитали неприимимым врагом трезвости. Тогда то и дело слышался боевой клич: кто не с нами, тот против нас. И многие гордились этим максимализмом, принимая его за единственно верный подход к отрезвлению, не желая понимать: те, кто не горит желанием быть с нами, составляют подавляющее большинство. При этом мало кто из максималистов утруждал себя по-

иском ответа на вопрос: почему большинство? и что это за большинство? Проще было объявить всех инакомыслящих врагами. Ну а какой диалог может быть с врагом? Врага надо уничтожить.

Три года перестройки, как ни мал этот срок, обновили общественное сознание. Обрезжило понимание нужности идейного плюрализма — диалектического условия постижения и достижения истины.

Образец такого подхода продемонстрировала та же «Литературная газета». Опубликовав свидетельство растерянности и неосведомленности поэта, издание печатает очерк Юрия Роста о спившейся станции Зима — той самой сибирской станции, где жила в эвакуацию подросток Женя Евтушенко, которая описана им в стихах и прозе и даже попала в сделанный им фильм. Ситуация, о которой пишет Рост, однозначно взывает к введению самых что ни на есть крепких и радикальных запретов на спиртное. Станция Зима, погруженная в осенний холод и мрак, люди, гибнущие от казенного, ворованного спирта — продукция местного завода, безысходности и беспросветности — чем не пьяная, лежащая в грязи баба из «Братской ГЭС»?

Вот как все переплетается в жизни поэта.

Мы упорно говорим о безучастности (в лучшем случае) представителей творческой интеллигенции, об их нежелании участвовать в борьбе за трезвость. И с легкостью бросаем им обвинение в этом. Более того, извлекая на свет старые махровые лозунги, кричим, что они идут против народа. Трудно придумать более радикальный способ идейного разрыва с творческими людьми...

Тем более что большинство из них — люди искренние, как безусловно искренен Евтушенко. Честное слово, стоит задуматься: что нужно сделать, чтобы искренность эта стала объективной правдой. А заодно озадачить себя вопросом: неужели мы с нашей правой так идеологически слабы, что хватает нас только на то, чтобы на все лады клеймить инакомыслящих и заблуждающихся, а чтобы побороться за них, переубедить — кишка тонка.

Художники прозревают сами... И мы помним фильмы Д. Асановой, помним многострадальную вампиловскую «Утиную охоту», помним его Зилова — некое человеческое обобщение годов пьян-

ства и вранья, вранья и пьянства, наполнивших страну ворами, мошенниками и алкоголиками. Помним «Серую мышь» В. Липатова и «А поутру они проснулись...» В. Шукшина, только-только подбигающую к публикации, но уже нашумевшую повесть В. Ерофеева «Москва — Петушки... Помним картины Г. Доброва. Помним стихи Е. Евтушенко и А. Вознесенского. Нет, не безучастны наши художники, не оторваны они от народа... Болеют его болями. Растерянность же их объяснима. И надо бы помочь им преодолеть ее. Как? Ну уж во всяком случае не окриком, не демонстрацией кулака, не обструкцией... С ними мы будем сильнее.

Стало быть, не обида, не пренебрежение, но стремление понять, убедить, заинтересовать, увлечь... И не надо прибегать к бюрократическим всхлипам вроде: «Такая-то писательская организация не хочет создавать первичку ДОБТ». Не хочет и не надо, потому что суть конечно же не в этом. Художники на «охват» реагируют резко отрицательно. Кому нужно формальное членство в такой организации?..

Важно подвинуть художников на творческий труд во имя прежде всего духовного оздоровления народа, во имя нравственного его очищения.

Пожалуй, это одна из важнейших задач, которую должно решать Общество борьбы за трезвость. Но для этого надо раз и навсегда отказать от методов его работы, привнесенных прошлыми годами, от министерских замашек, от чиновничьего духа. Ибо я не думаю, что Евгений Александрович Евтушенко захочет вести диалог с замшелым функционером или с оголтелым фанатиком. Он и от функционеров натерпелся, и от фанатиков...

Ему много собеседника подавай, эрудированного, объективного и доброжелательного. Вместе с таким собеседником у него гораздо больше шансов добраться до истины.

Л. КОНДРАТЬЕВ

Рисунок Екатерины Леонович

■ Информированность населения — штука по-своему парадоксальная. Чем свободнее доступ к правде, чем больше ее, правды, мы получаем, тем выше в ней потребность.

Осенью 1987 года на улицах и площадях столицы стали появляться молодые люди с небольшим плакатом, заполненным убогим текстом. Проходим, что останавливались, заинтересовавшись довольно необычным по тем временам еще зрелищем, предлагали: текст прочитать и, если возникнет желание, подписать такой же в одном из многочисленных под копирку отпечатанных бланков. Бланки, как и плакат, озаглавлены были так: «Обращение в Президиум Верховного Совета СССР». Глядя на этих людей (а им в основном было до или чуть больше 30), многие диву давались: зачем им это? Ведь в обращении-то шла речь о необходимости увековечить память миллионов загубленных человеческих жизней в давние уже годы кровавого сталинского террора, безвинных жертв одного из самых страшных в мировой истории преступлений против целого народа. Стоявшим у плаката впрямую задавали один и тот же вопрос: «А что, это и вашей семьи коснулось?» И оказывалось: далеко не все из тех, кто входит в недавно созданную неформальную группу «Мемориал», родные и близкие репрессированных. «И все равно это касается каждого из нас», — сказал мне тогда член группы «Мемориал» Олег Орлов, сотрудник одного из московских НИИ.

С темы культа личности снят наконец запрет, но в конце 1987-го официальное отношение к группе «Мемориал» было достаточно настороженным: сколько раз задерживала ребят милиция, в скольких инстанциях приходилось давать объяснения, выслушивать ответственные внушения... И только месяца за два до XIX Всесоюзной

партконференции удалось-таки добиться разрешения на сбор подписей. Исполком Ленинградского райсовета Москвы отвел для этого место вблизи станции метро «Речной вокзал». И за короткое время ребята сделали, казалось, немыслимое. Собрали, впервые, более сорока тысяч подписей. Причем используя для этого не только отведенную им малоприметную точку на окраине столицы, но и проходившие в городе массовые митинги и собрания, театральные аудитории.

А своего рода итогом стал массовый митинг в конце июня на территории того же Ленинградского района. Группе делегатов XIX Всесоюзной партконференции на нем был передан текст обращения — мнение тысяч и тысяч граждан страны... Слова о необходимости строительства в Москве Мемориала в память о миллионах репрессированных и безвинно обогнанных прозвучали и на самой партконференции. Говорил об этом в своем заключительном слове и Михаил Сергеевич Горбачев. И вот принято решение Политбюро. Создается фонд. Какое же значение вкладываем мы в понятие «Мемориал»?

В 1937 году мой дальний родственник был арестован за в сердцах брошенные слова о показухе в связи с приездом на его завод какой-то зарубежной делегации — в брежневские годы мы примирились с тем, что показуха стала элементом нашего стиля жизни. На костях и крови политических узников строила когда-то страна свои дороги и каналы, возводила индустриальные гиганты и разрабатывала рудники — подневольный труд дал нам сегодня образцы низкорентабельной экономики, а волевые методы руководства породили мутанта, который ничего не производит ни в материальной, ни в духовной сферах. И если сегодня по-прежнему перестройке остро не хватает беско-

рыстных, самостоятельно мыслящих людей с незаписишей в болоте застоя гражданской совестью, то причины этому — там, в прошлом. Из пропасти духа, где бесчестье считали за честь, двурушничество с готовностью выдавали за искренний порыв, а правда и ложь были неотличимы, как два солдатских сапога, выбраться, сохранив в себе человека, удавалось немногим. Высокая им благодарность — за мужество. Но жертвы кровавого режима репрессий исчислять тем не менее следует не только миллионами умерщвленных, без вины виноватых, опороченных, но и десятками миллионов тех, в ком сформирована психология раба. Один человек в ответ на это мне не без раздражения сказал: «Что ж, памятник, получается, надо ставить всем нам — жертвам?» Получается. Только не в памятнике как таковом дело. Самая страшная опасность (а она все еще существует): благородная идея Мемориала может выродиться в очередную высоченную мраморную или гранитную стелу со стандартным барельефом. Или нестандартным. Но никакой, даже самый эмоциональный и высокохудожественный символ не способен создать социальных гарантий от произвола, тирании, перелицовки идеалов. Словом, от вранья во всех его обличьях. Гарантией от вранья может стать только правда.

Поэтому Мемориал — это не просто памятник. Это еще и музей, архив, огромный, постоянно действующий исследовательский, просветительский центр, где могла бы вестись планомерная работа. Здесь будут собраны воспоминания и документы, на основе которых и должно во многом формироваться сознание наших людей, осознание ими собственной гражданской, человеческой ценности.

Дело это, кстати сказать, уже начато. Группа «Мемориал» парал-

«МЕМОРИАЛ»:

СВЕТЛАЯ И ГОРЬКАЯ ПРАВДА...

П. Белов. Грачи прилетели

лельно со сбором подписей с осени 1987 года занимается и архивной, в какой-то мере даже журналистской работой: встречается с людьми, записывает их устные рассказы, собирает сохранившиеся материальные свидетельства. Правда, ничего из этого пока не обнародовано. А ведь сами судьбы человеческие — ярчайший урок истории. Не удержусь — о нескольких судьбах расскажу. О детских.

Писатель Камил Икрамов сидел в тесном тюремном боксе вместе

с 14-летним мальчиком. На вопрос «За что забрали?» паренек ответил: «За партию». Оказывается, в Ульяновске существовала Всесоюзная партия против Сталина — ВППС. Подпольная детская партия. О похожей лагерной встрече вспоминает и киносценарист Валерий Фрид. Девочка Алла получила двадцать лет тюрьмы как член террористической организации «Юные ленинцы».

А вот рассказ Анны Михайловны Лариной, вдовы Николая Бухарина: «Я хорошо знала Петю Якира,

сына того самого легендарного командарма. Петя попал в тюрьму в 14 лет. А чуть раньше, в астраханской ссылке, он мне сказал: «Главный палач — это Сталин». Петя написал замечательную статью в журнал «Большевик», которая, конечно, не была опубликована. А в тот астраханский период я бы, наверное, не посмела, как он, открыто выступать на собраниях. Приходил к нам взъерошенный, со словами: «...Я никого не привел». Потом его все-таки взяли».

ДУША В БРОНЕ

Ситуация

Так почему я именно о детских судьбах? Да по-разному, понимаете, пока воспринимают они, нынешние 14-летние да и те, что постарше, разговоры о прошлом страны — пусть даже самые честные, искренние разговоры. Скажем прямо: многие еще всячески отгораживаются — меня-де это не касается. Да и понять их можно: вчера только мы один им курс истории преподавали, сегодня вроде бы пытаемся совсем другой...

Но однажды к тому самому месту сбора подписей у «Речного вокзала» подъехали, отчаянно выражая на самодельных скейтах, двое ребят с явной каникулярной беззаботностью на лицах. Постояли, плакат прочли. Молча взяли бланк и распались. «Спасибо вам», — привычно поблагодарили их люди из группы «Мемориал». — Нет, это вам спасибо, — неожиданно серьезно и осознанно ответил один из мальчишек. Побольше бы таких ребят. Для этого и нужен Мемориал.

Константин ИСААКОВ
Москва

От редакции:

Сообщаем, что деятельность активистов неформальной группы «Мемориал» дала первые результаты. Учреждено Всесоюзное историко-просветительское общество. Оно так и названо — «Мемориал». Запросы о без вести пропавших в лагерях, материалы о жертвах террора можно направлять по адресу: 125319 Москва, улица Чернышевского, 2, оргкомитет «Мемориал». Справки по телефону: 151-92-86. В Жилсоцбанке СССР открыт счет для сбора средств на строительство мемориального комплекса жертвам сталинских репрессий. Его номер 700454.

Валерий Иванович Павлов ушел с должности главного инженера колхоза не по доброй воле. Со скандалом его уволили. Четыре раза созывали собрание, да все неладно получалось. То кворума не было (попробуй в разгар страды привезти людей из дальних деревень), то сам он находился в отъезде. В конце концов, несмотря на отсутствие Павлова, его исключили и из членов колхоза. Выходит, освобождай, специалист, колхозный дом, из которого ты за восемь лет, что работаешь здесь, картинку сделал, и отправляйся с женой и детьми, куда глаза глядят? Не ко двору пришелся...

Бывший главный инженер убежден: с ним круто расправились за критику. Действительно, кому понравится правда, что глаза колет! Но он не побоялся ее обнародовать. Причем выступил на районном пленуме общества борьбы за трезвость после хвалебной оды докладчика, что вот, мол, в колхозе имени К. Маркса дела идут замечательно: председатель первички ВДОБТ товарищ Павлов достал теннисные столы, бильярдный, их установили в клубе, и теперь по вечерам оживление: люди приходят семьями, никто из культурно отдыхающих не помышляет о бутылке.

А Валерий Иванович выйди на трибуну да и скажи, что те вечера, когда руки шоферов, механизаторов, главных специалистов тянулись к кию или к ракетке, остались в прошлом. Сейчас на дверях клуба висит амбарный замок. Сельский совет не пожелал отрегулировать вопрос оплаты семье, согласившейся открывать и закрывать очаг культуры, мыть в нем полы. Но запертый клуб, продолжал Павлов, это еще полбеды. Приедут долгожданные выпускники культурпросветучилища, и все, может, наладится. Труднее будет поправить другое... Тут Павлов отыскал глазами своего «голову» Гришина, перевел взгляд на сидевшего рядом с ним секретаря партийной

организации хозяйства Алексева и сообщил залу: эти руководители, члены Общества, после отчетно-выборного колхозного собрания устроили коллективную пьянку. Видно, настолько мила им традиция прежних лет, что несколько сотен из премиального фонда не пожалели!

Гришин и Алексеев сидели красивые, вжатые в спинки кресел... Какая грозная кара последовала вскорости, читатель уже знает. Только с Валерием Ивановичем не так-то легко оказалось расправиться! Человек образованный (к слову, с отличием закончил курсы руководителей при Тимирязевке), он сразу увидел: то, что ему написали в трудовой книжке, заняв страничку под нанизывание его грехов, в пору было отсылать в «Крокодил» как образец вопиющей юридической безграмотности. Но Павлов решил обратиться за помощью ближе. Написал письма в райисполком и облигропром. Представители Советской власти с разбором почему-то спешить не стали. Минул месяц, другой, а они на письмо никак не отреагировали, ответа не дали. Зато областная организация откликнулась оперативно! Приехал ведущий экономист по делам группы колхозов и, обнаружив юридические погрешности увольнения, настоял, чтобы Валерию Ивановичу выдали заработную плату главного инженера за вынужденный прогул, длившийся почти два месяца. Деньги ему в кассе выдали, однако восстанавливать в должности не стали. Согласно примерному Уставу колхозов то, что решило собрание его уполномоченных, — закон.

Тогда председатель первички ВДОБТ обратился в областную совет общества борьбы за трезвость с вопросом: неужели и в пору расцвета гласности смельчака, покритиковавшего начальство, могут смять, стереть в порошок, оставить не у дел? В областном совете судьбу правдолюбца приняли близко к сердцу, позвонили нам в редакцию: подключайтесь, пожалуйста! Мы встретились с инструктором совета А. Н. Ростовцевым в Приокском районе, чтобы помочь восстановить справедливость.

Позиция

Но на месте выяснилось, что драма Павлова развивалась не по классической схеме: принципиальный человек сражается за идею, беспринципные руководители устраивают гонения, изживают его из коллектива. Павлов на работе не горел, сполна не выкладывался — вот ведь какая штука!

— Для своего дома он что угодно достанет, хоть птичье молоко! Семьянин хороший, спорить нечего. Ну а для колхоза?

— Накануне последнего сева четырнадцать тракторов находились в плачевном состоянии. Соседи уже в поле вышли, мы все ремонтом занимались.

— Сколько лет доярки с Ушаковской фермы горькими слезами плакали! Да кто, как не он, главный инженер хозяйства, должен был думать о механизации трудоемких процессов?

Подобные отзывы можно приводить еще и еще, вперемешку с высказываниями такого рода: «Претензий к Валерию Ивановичу как механизатор не имею. Работать мне, слава богу, не мешал» (!). Встает закономерный вопрос: почему председатель прежде мирился с леностью и безответственностью своего помощника и лишь обличительная речь того на пленуме активистов трезвеннического движения подтолкнула к контракте?

В рассказах о председателе мы также не уловили оптимистических ноток. Его с сожалением называли мягкотелым, не в меру добрым. Подтверждали, что «доброта» зачастую идет в ущерб делу. Кстати, недовольство бывшим главным инженером родилось отнюдь не после районного пленума! Еще в 85-м году партбюро рекомендовало председателю совместно с правлением колхоза рассмотреть вопрос о соответствии Валерия Ивановича занимаемой должности. Только председатель, добряк, не рассмотрел. Пожалел, говорят. Но кого! Ленивца Павлова или, быть может, себя — менее начитанного, менее образованного и не по этой ли лукавой причине опасавшегося строго спрашивать со специалиста? В 88-м году Гришин «схлопотал» выговор по партийной линии за слабый контроль инженерной службы хозяйства,

в которой по-прежнему нет порядка. Конфликт был неизбежен, и он вспыхнул.

А что высветил?

Увы, подлинных героев, чьей сутью стали самоотверженность, преданность делу, в этой истории не сыщешь. Тридцатилетними пришли сюда, в слабое хозяйство, многие специалисты, в том числе председатель, главный инженер (почти ровесники). Возраст самый что ни на есть подходящий для взлета! Могли в личности вырасти, неустанно заботясь о благе людей, воодушевляя их на большие дела. Нет, бескрылыми оказались... Видимо, быстро усвоили пескарью мудрость: «тихоням» меньше синяков да шишек достается. Но каково народу с бескрылыми руководителями?

Не идет у меня из головы одна поездка. Павлов на своей ходкой «Ниве» повез нас в деревню Лесновка, надеясь свести с механизаторами, способными более эффективно, чем кто-либо, оценить его работу. Не столь уж плохую, твердил он дорогой. Никого из механизаторов мы в мастерских не застали, но поговорили со слесарями, затем зашли к Н. В. Чижовой, человеку весьма уважаемому. Тридцать семь лет она проработала в школе, была директором, а сейчас на пенсии. Однако за колхозные дела болеет. Депутат сельсовета, председатель товарищеского суда.

Надежда Васильевна с горечью подтвердила слова своих земляков: в Лесновке живут трудно. Хлеб в эту «неперспективную» пятнадцатидворовую деревеньку завозят раз в неделю и в основном черный. Белым балуют лишь по большим праздникам. А перед вашим приездом, сказала расстроенно, так вообще никакого две недели не было. На сухарях жили.

С медицинским обслуживанием здесь тоже беда. Добраться до поликлиники не на чем. Путь до центральной усадьбы — четыре километра по бездорожью и два по трассе — пешком не каждый осилит. Остается одно: ждать, когда сильно прихватит. Тогда вся надежда на «скорую»...

Помнится, как с невеселой улыбкой люди сообщали подробности своего житья-бытья и вдруг кто-то спохватился:

— Да что с вами заладили: плохо живем? Есть деревни, где поболее нашего маются!

В колхозе имени К. Маркса шестнадцать деревень. В других нам не удалось побывать. Но, наверное, и одной Лесновки достаточно, чтобы уяснить себе: забота о людях тут слабенькая. Минимальная, можно сказать, забота.

Бескрылость — вряд ли природное качество. Ученые утверждают: человек рождается талантливым. Значит, бескрылость им обретается в ходе многосложной жизни! С нею иным намного уютнее, чем с дерзкими замыслами, беспокойной совестью, точнее — совестью.

Бескрылость — тоже позиция.

Жизнь отвергает поделки

Павлов так и не понял, в чем его главная беда. Все по ложным дорожкам плутал, уводившим от истины. Председательским действиям находил лишь одно объяснение (к вопросу той «дружеской попойки» я еще вернусь). Ну а чем объяснить, что коллектив отторг своего главного инженера, на собрании лес рук взметнулся против него? Может, пассивностью самого коллектива, смирившегося со своеволием «верхушки» и безропотно действующего по ее указке? Нет, Павлов так не считал. Причину он видел в другом. Зависть заставила людей учинить над ним несправедливость! Черная зависть к тому, как он живет. Что дом у него — полная чаша. Что за покупками есть возможность съездить на «Ниве» в Тулу или в Москву. Материальное благополучие его семьи, дескать, бьет многим в глаза!

Лучше бы нам не слышать подобных откровений... Особенно после горемыки Лесновки они воспринимались обостренно. Невольно всплыли в памяти ее близнецы, разбросанные по российскому Черноземью. Разбитые дороги, закрытые школы, земля-кормилица пришла в запустение. (Н. В. Чижова печально поведала, что после закрытия восьмилетней лесновские жители растащили здание школы по кирпичику. Стоит ли их осуждать, если каждую семью приучали к мысли: деревня обречена, жизнь в ней скоро замрет?)

Но сегодня картина во многих местах меняется. Кто из молодой поросли самоотверженно взялся за дело, желая исправить ошибки отцов. Кто из людей зрелых воз-

вращается в отчий дом, чтобы отдать земле свой сыновний долг. Поставили благородную цель и в работе себя не щадят. А Павлов: не пытается ли он словчить в жизни — получить много, отдать мало? Социальной анемией назвал недуг павловых видный публицист наших дней, вопрошающая совесть российской деревни Иван Афанасьевич Васильев.

Вирус, мы знаем, поражает ослабленные организмы. Почему же он вывел из строя человека, полного сил, знавшего в жизни только благополучие? Кажется мне, что один штришок поможет понять причину отсутствия иммунитета в данном случае. Когда зашел разговор о том, что держит Валерия Ивановича в этих краях, прикипел ли он к тульской земле, он вскинулся:

— Пусть не рассчитывают, что я брошу дом, гараж и уеду отсюда. Куда ехать? В родную Чувашию? Но как я буду работать в деревне без знания языка? Ведь мы, горожане, свой язык в школе не изучали!

Читатель, надеюсь, уже понял, что конфликт лежит глубже, чем пытался представить его наш «герой», подгоняя события под схему: выступил с критикой — последовала расправа. Но как вписывается не в надуманную схему, а в реальную жизнь то обстоятельство, что Павлова назвали в районе одним из лучших председателей первичной организации ДОБТ? Этот вопрос нас особенно волновал с А. Н. Ростовцевым, поскольку каждый, с кем мы беседовали, поднимал в разговоре тему пьянства. Многие припомнили, как прежде, получив зарплату, механизаторы по трое суток, что называется, не просыхали. Смертью на колесах называли их в такие дни. И доярки прикладывались к бутылке. Иные даже забывали подоить коров: те, бедолаги, с утра мычали на всю округу. Потом вышел Указ, продажа спиртного резко сократилась, стало спокойнее. Но не совсем спокойно сегодня в колхозе имени К. Маркса. «Жаждающие» гоняют тайком на тракторе в соседней Алексинский район, там «отовариваются».

Первичная организация общества борьбы за трезвость этого хозяйства состоит из двадцати четырех человек. Что же они предпринимают, чтобы другие триста с лишним колхозников прозрели, поняли губительность яда, облагорожен-

ного «букетом»? Оказалось, убежденных трезвенников в первичке человека три. Остальные...

— На работе я, разумеется, не пью,— сообщил председатель колхоза Гришин.— Дома, извините, мое дело. Почему бы мне дома не выпить?

Итак, доблести местных борцов за здоровый, трезвый образ жизни заключались в том, что они платили членские взносы и не пили горькую в общественном месте. Но ведь работу первичной организации ДОБТ колхоза имени К. Маркса приводили другим в пример!

— Конечно, главная нагрузка легла на мои плечи,— сообщил Валерий Иванович.— Я собирал членские взносы и всегда их сдавал вовремя. В клубе поднял работу! Взносы, досуг — все это важно. Больше в возу председателя и первички ничего не оказалось... А выступление Павлова на пленуме общества борьбы за трезвость здорово на авторитет личности сработало. В самом деле, какой молодец этот Павлов! Прилюдно, прямо в глаза заявил своим руководителям, что они первые мешают в колхозе утверждать по-настоящему здоровый образ жизни. Видимо, тем возразить было нечего, коль смолчали?

Правда, райкомовскому работнику, спешно выехавшему в хозяйство после того пленума, «факт организации коллективной пьянки установить не удалось», записано в отчете о проверке ЧП. Двадцать человек (в основном колхозные специалисты, среди которых затесалось несколько рядовых труженников) действительно после отчетно-выборного собрания сели за стол, ломящийся от привозных яств. Но все они категорично отвергают, что «скатерть-самобранку» украшали бутылки вина или водки. Проест премиальные деньги, выписанные на имя пяти заведующих фермами, они проели, с большим аппетитом, а спиртного — боже упаси! — не было.

Мягко говоря, удивляет обстоятельство, что в то время, как одни тоскуют по белому хлебушку, другие обediaются деликатесами. И это происходит не в проклятом мире капитала, где жизнь многих корезит социальное неравенство, а в центре России, колхозе имени К. Маркса, о котором разные люди с разной интонацией — от горделивой до недоуменной — говорили: под боком у Москвы!

Да, я должна сообщить: самого председателя, также партийного вожака за тем пышным столом не было. Хотя «мероприятие» они благословили. Почему сами на нем не присутствовали? В ответ на вопрос оба усмехнулись, и председатель сказал, что в подобных случаях надо держаться от греха подалее...

Впрочем, не менее поражает другое. Вот Павлов услышал о коллективной пьянке. («На следующий день весь колхоз гудел, словно пчелиный улей», — его слова.) Что же он, председатель первичной организации ДОБТ, сделал? Сберег «жареный» факт до удобного случая!

Пишу этот материал не ради Павлова. Его душа давно в плотной броне, и достучаться до нее, по крайней мере сейчас, невозможно. Пишу без особой надежды, что слабые руководители хозяйства, прочитав статью, станут сильнее, зреее. До зрелости им, кажется, далеко, в чем убеждают последующие события. Спустя несколько дней после того, как я вернулась из Приокского района, на имя главного редактора журнала пришла жалоба, подписанная руководителями колхоза имени К. Маркса А. Гришиным и Е. Алексеевым. Суть ее: корреспондент повела себя крайне необъективно, «что не соответствует этике советского журналиста». Оказывается, я встрелась не с теми людьми! (Наслушалась не того, о чем бы, по мнению колхозных вожаков, следовало, разумеется с их подсказки, слушать.) В итоге — процитирую: «Материал, собранный для публикации, необъективный, односторонний». Узнаете, читатель, рецидивы недавнего прошлого, когда заветной мечтой крупных «хозяев» жизни и их подражателей — мелких «хозяйчиков» было: упредить любую критику? Все средства, считали они, хороши...

Я пишу этот материал для тех, кто сегодня стоит перед выбором: каким путем идти в жизни. Тем, что полегче и на первый взгляд привлекательнее — жить ради себя! Или не жалеть душевных сил на общее дело! Это была горькая командировка во вчерашний день, в эпоху застоя...

Н. ДНЕПРОВА,
наш спец. корр.
Тульская обл.

Моря Авдеев
с дочкой и всегашки
Любовью. Веня. 25/11-89.

Басаров Г. Ш.

«МОСКВА — ПЕТУШКИ»

Повесть

Кучино—Железнодорожная

Но сначала все-таки о ней. Сначала — о ней! Увидеть ее на перроне, с косой от попы до затылка, и от волнения зардеться, и вспыхнуть, и напиться в лежку, и пастись, пастись между лилиями ровно столько, чтобы до смерти изнемочь!

Принеси запыстья, ожерелья,
Шелк и бархат, жемчуг и алмазы,
Я хочу одеться королевой,
Потому что мой король вернулся!

Эта девушка вовсе не девушка! Эта искусница — не девушка, а баллада ля бемоль мажор! Эта женщина, эта рыжая стервова — не женщина, а волхование! Вы спросите: да где ты, Веничка, ее откопал, и откуда она взялась, эта рыжая сука? И может ли в Петушках быть что-нибудь путное?

— Может! — говорю я вам, и говорю так громко, что вздрагивают и Москва, и Петушки. — В Москве — нет, в Москве не может быть, а в Петушках — может! Ну, так что же, что «сука»? Зато какая гармоническая сука! А если вам интересно, где и как я ее откопал, если интересно — слушайте, бесстыдники, я вам все расскажу.

В Петушках, как я уже вам говорил, жасмин не отцветает и птичье пение не молкнет. Вот и в этот день, ровно двенадцать недель тому назад, были птички и был жасмин. А еще был день рождения непонятно у кого. И еще — была бездна всякого спиртного: не то десять бутылок, не то двенадцать бутылок, не то двадцать пять. И было все, чего может пожелать человек, выпивший столько спиртного: то есть реши-

тельно все, от разливного пива до бутылочного. А еще, спросите вы, а еще что было?

— А еще — было два мужичка, и были три косящих твари, одна пьянее другой, и дым коромыслом, и ахинея. Больше как будто ничего не было.

И я разбавлял и пил, разбавлял российскую жигулевским пивом и глядел на этих «троих» и что-то в них прозревал. Что именно я прозревал в них, не могу сказать, а поэтому разбавлял и пил, и чем больше я прозревал в них это «что-то», тем чаще я разбавлял и пил, и от этого еще острее прозревал.

Но вот ответное прозрение я только в одной из них ощутил, только в одной! О, рыжие ресницы, длиннее, чем волосы на ваших головах! О, невинные бельмы! О, эта белизна, переходящая в белесость! О, колдовские и голубиные крылья! — Так это вы: Ерофеев? — и чуть подалась ко мне, и сомкнула ресницы, и разомкнула...

— Ну, конечно! Еще бы не я!

О, гармоническая! Как она догадалась?

— Я одну вашу вещьцу читала. И знаете: я бы никогда не подумала, что на полсотне страниц можно столько нанести околесицы. Это выше человеческих сил!

— Так ли уж выше! — Я, польщенный, разбавил и выпил. — Если хотите, я нанесу еще больше! Еще выше нанесу!..

Вот — с этого все началось. То есть началось беспмятство: три часа провала. Что я пил? О чем говорил? В какой пропорции разбавлял? Может, этого провала и не было бы, если б я пил, не разбавляя. Но как бы то ни было — я очнулся часа через три, и вот в каком положении я очнулся: я сижу за столом, разбавляю и пью.

И кроме нас двоих — никого. И она — рядом, смеется надо мною, как благодатное дитя. Я подумал: «Неслыханная! Это — женщина, у которой до сегодняш-

него дня грудь стискивали только предчувствия. Это — женщина, у которой никто до меня даже пульса не шупал. О, блаженный зуд и в душе, и повсюду!»

А она взяла — и выпила еще сто грамм. Стоя выпила, откинула голову, как пианистка. А выпив, все из себя выдохнула, все, что в ней было святого, — все выдохнула. А потом изогнулась, как падла, и начала волнообразные движения бедрами, — и все это с такою пластикой, что я не мог глядеть на нее без содрогания...

Вы, конечно, спросите, вы, бессовестные, спросите: «Так что же, Веничка? Она. Ну, что вам ответить? Ну, конечно, она. ! Она мне прямо сказала: «Я хочу, чтобы ты меня властно обнял правой рукою!» Ха-ха. «Властно» и «правой рукою»?! — а я уже так набрался, что не только властно обнять, а хочу потрогать ее туловище — и не могу, все промахиваюсь мимо туловища.

— Что ж! Играй крутыми боками! — подумал я, разбавив и выпив. — Играй, обольстительница! Играй, Клеопатра! Играй, пышнотелая б... истомившая сердце поэта! Все, что есть у меня, все, что может быть, есть, — все швыряю сегодня на белый алтарь Афродиты!

Так думал я. А она — смеялась. А она — подошла к столу и выпила залпом еще сто пятьдесят, ибо она была совершенна, а совершенству нет предела...

Железнодорожная—Черное

выпила — и сбросила с себя что-то лишнее. «Если она сбросила, — подумал я, — если она следом за этим лишним сбросит и исподнее — содрогнется земля и камни возопиют».

А она сказала: «Ну, как Веничка, хорошо у меня. ?» А я, раздавленный желанием, ждал греха, задыхаясь. Я сказал ей: «Ровно тридцать лет я живу на свете... но еще ни разу не видел, чтобы у кого-нибудь так хорошо.!»

Что же мне теперь? Быть ли мне вкрадчиво-нежным? Быть ли мне пленительно-грубым? Черт его знает, я никогда не понимаю толком, в какое мгновение как обратиться к захмелевшей... До этого — сказать ли вам? — до этого я их плохо знал, и захмелевших, и трезвых. Я стремился за ними мыслью, но как только устремлялся — сердце останавливалось в испуге. Помыслы — были, но не было намерений. Когда же являлись намерения — помыслы исчезали, и, хотя я устремлялся за ними сердцем, в испуге останавливалась мысль.

Я был противоречив. С одной стороны, мне нравилось, что у них есть талия, а у нас нет никакой талии, это будило во мне — как бы это назвать? «Негу», что ли?

Итак, каким же мне быть теперь? Быть грозным или быть пленительным?

Она сама — сама сделала за меня мой выбор, запрокинувшись и погладив меня по щеке своей лодыжкой. В этом было что-то от поощрения, и от игры, и от легкой пощечины. И от воздушного поцелуя — тоже что-то было. И потом — эта мутная, эта сучья белизна зрачков, более чем бред и седьмое небо! И как небо и земля — живот. Как только я увидел его, я чуть не зарыдал от вдохновения, я весь задымился. И все смешалось: и розы, и лилии, и в мелких завитках — весь — влажный и содрогющийся вход в Эдем, и беспамятовство, и ржые ресницы. О, всхлипывание этих недр! О, бесстыжие бельмы! О, блудница с глазами, как облака! О, сладостный пуп!

Все смешалось, чтобы только начаться, чтобы каж-

В. Ерофеев

дую пятницу повторяться снова и не выходить из сердца и головы. И знаю: и сегодня будет то же, тот же хмель и то же душегубство...

Вы мне скажете, так что же ты, Веничка, ты думаешь, ты один у нее такой душегуб?

А какое мне дело! А вам — тем более! Пусть даже и не верна. Старость и верность накладывают на рожу морщины, а я не хочу, например, чтобы у нее на роже были морщины. Пусть и не верна, не совсем, конечно, «пусть», но все-таки пусть. Зато она вся соткана из неги и ароматов. Ее не лапать и не бить — ее вдыхать надо. Я как-то попробовал сосчитать все ее сокровенные изгибы и не мог сосчитать — дошел до двадцати семи и так забалдел от истомы, что выпил зубровки и бросил счет, не окончив.

Но красивее всего у нее предплечья, конечно. В особенности, когда она поводит ими, и восторженно смеется, и говорит: «Эх, Ерофеев, м.... ты грешный!» О, дьяволица! Разве можно такую не вдыхать?

Случалось, конечно, случалось, что и она была ядовитой, но это все вздор, все это в целях самообороны и чего-то там такого женского — я в этом мало понимаю. Во всяком случае, когда я ее раскусил до конца, яду совсем не оказалось, там была малина со сливками. В одну из пятниц, например, когда я совсем был тепленький от зубровки, я ей сказал:

— Давай, давай всю нашу жизнь будем вместе! Я увезу тебя в Лобню, я облеку тебя в пурпур и круче-ный виссон, я подработаю на телефонных коробках, а ты будешь обонять что-нибудь — лилии, допустим, будешь обонять. Поедем!

А она молча протянула мне шиш. Я в истоме поднес его к своим ноздрям, вздохнул и заплакал:

— Но почему?.. Почему?..

Она мне — второй шиш. Я и его поднес, и зажмурился, и снова заплакал:

— Но почему? Заклинаю — ответь: почему???

Вот тогда-то и она разрыдалась, и обвисла на шее:

— Умалишенный! Ты ведь сам знаешь, почему! Сам знаешь, почему, угорелый!

И после того — почти каждую пятницу повторялось все то же: и эти слезы, и эти фиги. Но сегодня что-то решится, потому что сегодняшняя пятница — тридцатая по счету. И все ближе к Петушкам, Царица Небесная!..

Черное—Купавна

Я заходил по тамбуру в страшном волнении и все курил, курил...

— И ты говоришь после этого, что ты одинок и непонят? Ты, у которого столько в душе и столько за душой! Ты, у которого такая в Петушках! И такой за Петушками!.. Одинок?..

— Нет, нет, уже не одинок, уже понят, уже двенадцать недель, как понят. Все минувшее миновалось. Вот, помню, когда мне стукнуло двадцать лет, тогда я был безнадежно одинок. И день рождения был уныл. Пришел ко мне Юрий Петрович, пришла Нина Васильевна, принесли мне бутылку столичной и банку овощных голубцов — и таким одиноким, таким невозможно одиноким показался я сам себе от этих голубцов, от этой столичной, что, не желая плакать, заплакал...

А когда стукнуло тридцать, минувшей осенью? А когда стукнуло тридцать, день был уныл, как день

двадцатилетия. Пришел ко мне Боря с какой-то полоумной поэтессою, пришли Вадя с Лидой, Ледик с Володей. И принесли — что принесли? Две бутылки столичной и две банки фаршированных томатов. И такое отчаяние, такая мука мной овладела от этих томатов, что хотел я заплакать — и уже не мог...

Значит ли это, что за десять лет я стал менее одиноким? Нет, не значит. Тогда значит ли это, что я огрубел душою за десять лет? И ожесточился сердцем? Тоже — не значит. Скорее даже наоборот; но заплакать все-таки не заплакал...

Почему? Я, пожалуй, смогу вам это объяснить, если найду для этого какую-нибудь аналогию в мире прекрасного. Допустим, так: если тихий человек выпьет семьсот пятьдесят, он делается буйным и радостным. А если он добавит еще семьсот? Будет ли он еще буйнее и радостнее? Нет, он опять будет тих. Со стороны покажется даже, что он протрезвел. Но значит ли это, что он протрезвел? Ничуть не бывало: он уже пьян, как свинья, оттого и тих.

Точно так же и я: не менее одиноким я стал в эти тридцать лет, и сердцем не очерствел — совсем наоборот. А если смотреть со стороны — конечно...

Нет, вот уж теперь — жить и жить! А жить совсем не скучно! Скучно было жить только Николаю Гоголю и царю Соломону. Если уж мы прожили тридцать лет, надо попробовать прожить еще тридцать, да, да. «Человек смертен» — таково мое мнение. Но уж если мы родились — ничего не подделаешь, надо немножко пожить. «Жизнь прекрасна» — таково мое мнение.

Да знаете ли вы, сколько еще в мире тайн, какая пропасть неисследованного и какой простор для тех, кого влекут к себе эти тайны! Ну вот, самый простой пример: отчего это, если ты вчера выпил, положим, семьсот пятьдесят, а утром не было случая похмельиться — служба и все такое — и только далеко за полдень, промаявшись шесть часов или семь, ты выпил, наконец, чтобы облегчить душу (ну, сколько выпил? Ну, допустим, сто пятьдесят), — отчего твоей душе не легче. Дурнота, которая сопутствовала тебе с утра, от этих ста пятидесяти сменяется дурнотой другой категории, стыдливой дурнотой, щеки делаются пунцовыми, а под глазами так сине, как будто накануне ты и не пил свои семьсот пятьдесят, а как будто тебя накануне, взамен того, весь вечер лупили по морде? Почему?

Я вам скажу, почему. Потому что человек этот стал жертвою своих шести или семи служебных часов. Надо уметь выбирать себе работу, плохих работ нет. Дурных профессий нет, надо уважать всякое призвание. Надо, чуть проснувшись, немедленно чего-нибудь выпить, даже нет, вру, не «чего-нибудь», а именно того самого, что ты пил вчера, и пить с паузами в сорок — сорок пять минут так, чтобы к вечеру ты выпил на двести пятьдесят больше, чем накануне. Вот тогда не будет ни дурноты, ни стыдливости, и сам ты будешь таким белолицым, как будто тебя уже полгода по морде не били.

Вот видите — сколько в природе загадок, роковых и радостных, сколько белых пятен повсюду!

А эта пустоголовая юность, идущая нам на смену, словно бы и не замечает тайн бытия. Ей недостает размаха и инициативы, и я вообще сомневаюсь, есть ли у них у всех чего-нибудь в мозгах. Что может быть благороднее, например, чем экспериментировать на себе? Я в их годы делал так: вечером в четверг выпивал одним махом три с половиной литра ерша — выпивал

и ложился спать, не раздеваясь, с одной только мыслью: проснусь я утром в пятницу или не проснусь?

И все-таки утром в пятницу я не просыпался. А просыпался утром в субботу, и уже не в Москве, а под насыпью железной дороги в районе Наро-Фоминска. А потом — потом я с усилием припоминал и накапливал факты, а накопив, сопоставлял. А сопоставив, начинал опять восстанавливать напряжением памяти и со всепроникающим анализом. А потом переходил от созерцания к абстракции; другими словами, вдумчиво опохмелялся и наконец узнавал, куда же все-таки девалась пятница.

Сызмальства почти, от молодых ногтей, любимым словом моим было «дерзание», и — Бог свидетель — как я дерзал! Если вы так дерзнете — вас хватит кондрашка или паралич. Или даже нет: если бы вы дерзали так, как я в ваши годы дерзал, вы бы в одно прекрасное утро взяли бы и не проснулись. А я просыпался, каждое утро почти просыпался и снова начинал дерзать...

Например, так: к восемнадцати годам или около того я заметил, что с первой дозы по пятую включительно я мужаю, то есть мужаю неодолимо, а вот уж начиная с шестой

Купавна—33-й километр

и включительно по девятую — размягчаюсь. Настолько размягчаюсь, что от десятой смежаю глаза так же неодолимо. И что же я по наивности думал? Я думал: надо заставить себя волевым усилием преодолеть дремоту и выпить одиннадцатую дозу — тогда, может быть, начнется рецидив возмужания? Но нет, не тут-то было. Никаких рецидивов, я пробовал.

Я бился над этой загадкой три года подряд, ежедневно бился, и все-таки ежедневно после десятой засыпал.

А ведь все раскрылось так просто: оказывается, если вы уже выпили пятую, вам надо и шестую, и седьмую, и восьмую, и девятую выпить сразу, одним махом — но выпить идеально, то есть выпить только в воображении. Другими словами, вам надо одним волевым усилием, одним махом — не выпить ни шестой, ни седьмой, ни восьмой, ни девятой.

А выдержав паузу, приступить непосредственно к десятой, и точно так же, как девятую симфонию Антонина Дворжака, фактически девятую, условно называют пятой, точно так же и вы: условно назовите десятой свою шестую и будьте уверены: теперь вы уже будете беспрепятственно мужать и мужать от самой шестой (десятой) и до самой двадцать восьмой (тридцать второй) — то есть мужать до того предела, за которым следует безумие и свинство.

Нет, честное слово, я презираю поколение, идущее вслед за нами. Оно внушает мне отвращение и ужас. Максим Горький песен о них не споеет, нечего и думать. Я не говорю, что мы в их годы волокли с собою целый груз святынь. Боже упаси! — святынь у нас было совсем чуть-чуть, но зато сколько вещей, на которые нам было не наплевать, а вот им — на все наплевать.

Почему бы им не заняться вот чем: я в их годы пил с большими антрактами — попою-попою — перестану, попою-попою — опять перестану. Я не вправе судить поэтому, одушевленное ли утренняя депрессия, если делается ежедневной привычкой, то есть если с шестнадцати лет пить по четыреста пятьдесят

грамм в семь часов пополудни. Конечно, если бы мне вернуть мои годы и начать жизнь сначала, я, конечно, попробовал бы,— но ведь они-то! Они!..

Да только ли это? А сколько неизвестности таят в себе другие сферы человеческой жизни! Вот представьте себе, к примеру: огин день с утра до вечера вы пьете исключительно белую водку, и ничего больше, а на другой день — исключительно красные вина. В первый день вы к полуночи становитесь как одержимый. Вы к полуночи такой пламенный, что через вас девушки могут прыгать в ночь на Ивана Купала. И, ясное дело, они все-таки допрыгаются, если вы с утра до ночи пили исключительно белую водку.

А если вы с утра до ночи пили только крепленые красные вина? Да девушки через вас и прыгать не станут в ночь на Ивана Купала. Даже наоборот —сядет девушка в ночь на Ивана Купала, а вы через нее и перепрыгнуть не сумеете, не то что другое чего. Конечно, при условии, что вы с утра до вечера пили только красное!..

Да, да! А сколько захватывающего сулят эксперименты в узко специальных областях! Ну, например, икота. Мой глупый земляк Солоухин зовет вас в лес сольные рыжики собирать. Да плюньте вы в его сольные рыжики! Давайте лучше займитесь икотой, то есть исследованием пьяной икоты в ее математическом аспекте...

— Помилуйте! — кричат мне со всех сторон. — Да неужели же на свете, кроме этого, нет ничего такого, что могло бы!..

— Вот именно: нет! — кричу я во все стороны. — Нет ничего, кроме этого! Нет ничего такого, что могло бы! Я не дурак, я понимаю, есть еще на свете психиатрия, есть внегалактическая астрономия, все это так!

Но ведь все это — не наше, все это нам навязали Петр Великий и Дмитрий Кибальчич, а ведь наше призвание совсем не здесь, наше призвание совсем в другой стороне! В той самой стороне, куда я вас приведу, если вы не станете упираться! Вы скажете: «Призвание это гнусно и ложно». А я вам скажу, я вам снова повторю: «Нет ложных призваний, надо уважать всякое призвание».

И тьфу на вас, наконец! Лучше оставьте янкам внегалактическую астрономию, а немцам — психиатрию. Пусть подавится Италия своим дурацким бель-канто, пусты!..

33-й километр—Электроугли

Для того чтобы начать ее исследование, надо, разумеется, ее вызвать: или ан зихь (термин Эммануила Канта), то есть вызвать ее в себе самом,— или же вызвать ее в другом, но в собственных интересах, то есть фюр зихь. Термин Эммануила Канта. Лучше всего, конечно, и ан зихь, и фюр зихь, а именно вот так: два часа подряд пейте что-нибудь крепкое, старку, или зверобой, или охотничью. Пейте большими стаканами, через полчаса по стакану, по возможности избегая всяких закусок. Если это кому-нибудь трудно, можно позволить себе минимум закуски, но самой неприхотливой: не очень свежий хлеб, кильку пряного посола, кильку простого посола, кильку в томате.

А потом — сделайте часовой перерыв. Ничего не ешьте, ничего не пейте; расслабьте мышцы и не напрягайтесь.

И вы убедитесь сами: к исходу этого часа она

В. Ерофеев

начнется. Когда вы икнете в первый раз, вас удивит внезапность ее начала; потом вас удивит неотвратимость второго раза, третьего раза эт цетера. Но если вы не дурак, скорее перестаньте удивляться и займитесь делом: записывайте на бумаге, в каких интервалах ваша икота удостаивает вас быть — в секундах, конечно:

— восемь — тринадцать — семь — три — восемнадцать.

Попробуйте, конечно, отыскать здесь хоть какую-нибудь периодичность, хоть самую приблизительную, попробуйте, если вы все-таки не дурак, попытайтесь вывести какую-нибудь вздорную формулу, чтобы хоть как-то предсказать длительность следующего интервала. Пожалуйста. Жизнь все равно опрокинет все ваши телячи построения:

— семнадцать — три — четыре — семнадцать — один — двадцать — три — четыре — семь — семь — семь — восемнадцать.

Говорят, вожди мирового пролетариата, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, тщательно изучили схему общественных формаций и на этом основании сумели многое предвидеть. Но тут они были бы бессильны предвидеть хоть самое малое. Вы вступили по собственной прихоти в сферу фатального — смиритесь и будьте терпеливы. Жизнь посрамит и вашу элементарную и вашу высшую математику:

— тринадцать — пятнадцать — четыре — двенадцать — четыре — пять — двадцать восемь.

Не так ли в смене подъемов и падений, восторгов и бед каждого отдельного человека — нет ли малейшего намека на регулярность? Не так ли беспорядочно чередуются в жизни человечества его катастрофы? Закон — он выше всех нас. Икота — выше всякого закона. И как поразила нас недавно — не предскажете и не предотвратите:

— двадцать две — четырнадцать — все. Тишина.

И в этой тишине ваше сердце вам говорит: она не исследима, а мы — беспомощны. Мы начисто лишены всякой свободы воли, мы во власти произвола, которому нет имени, и спасения от которого — тоже нет.

Мы — дрожащие твари, а она — всеильна. Она, то есть Божья Десница, которая над всеми нами занесена и пред которой не хотят склонить головы одни кретины и проходимцы. Он непостижим уму, а следовательно, Он есть.

Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный.

Электроугли—43-й километр

Да. Больше пейте, меньше закусывайте. Это лучшее средство от самомнения и поверхностного атеизма. Взгляните на икающего безбожника: он рассредоточен и темнолик, он мучается, и он безобразен. Отвернитесь от него, сплюньте и взгляните на меня, когда я стану икать: верящий в предопределение и ни о каком противоборстве не помышляющий, я верю в то, что Он благ, и сам я поэтому благ и светел.

Он благ. Он ведет меня от страданий — к свету. От Москвы — к Петушкам. Через муки на Курском вокзале, через очищение в Кучине, через грезы в Плавне — к свету и Петушкам. Дурх ляйден — лихт!

Я заходил по площадке в еще более страшном

волнении. И все курил, и все курил. И тут — яркая мысль, как молния, поразила мой мозг:

— Что мне выпить еще, чтобы и этого порыва — не угасить? Что мне выпить во Имя Твое?..

Беда! Нет у меня ничего такого, что было бы Тебя достойно. Кубанская это такое дерьмо! А российская — смешно при Тебе и говорить о российской. И розовое крепкое за рупь тридцать семь! Боже!..

Нет, если я сегодня доберусь до Петушков — неврeдимый, — я создам коктейль, который можно было бы без стыда пить в присутствии Бога и людей, в присутствии людей и во имя Бога. Я назову его «Орданские струи» или «Звезда Вифлеема». Если в Петушках я об этом забуду — напомните мне, пожалуйста.

Не смейтесь. У меня богатый опыт в создании коктейлей. По всей земле от Москвы до Петушков пьют эти коктейли до сих пор, не зная имени автора, пьют «Ханаанский бальзам», пьют «Слезу комсомолки» и правильно делают, что пьют. Мы не можем ждать милостей от природы. А чтобы взять их у нее, надо, разумеется, знать их точные рецепты: я, если вы хотите, дам вам эти рецепты. Слушайте.

Пить просто водку, даже из горлышка, — в этом нет ничего, кроме томления духа и суety. Смешать водку с одеколоном — в этом есть известный каприз, но нет никакого пафоса. А вот выпить стакан «Ханаанского бальзама» — в этом есть и каприз, и идея, и пафос, и сверх того еще метафизический намек.

Какой компонент «Ханаанского бальзама» мы ценим превыше всего? Ну, конечно, денатурат. Но ведь денатурат, будучи только объектом вдохновения, сам этого вдохновения начисто лишен. Что же, в таком случае, мы ценим в денатурате превыше всего? Ну, конечно: голое вкусовое ощущение. А еще превыше тот миазм, который он источает. Чтобы этот миазм оттенить, нужна хоть крупичка благоухания. По этой причине в денатурат вливают в пропорции 1:2:1 бархатное пиво, лучше всего останкинское или сенатор, и очищенную политуру.

Не буду вам напоминать, как очищается политура, это всякий младенец знает. Почему-то никто в России не знает, отчего умер Пушкин, а как очищается политура — это всякий знает.

Короче, записывайте рецепт «Ханаанского бальзама». Жизнь дается человеку один раз, и прожить ее надо так, чтобы не ошибиться в рецептах:

Денатурат — 100 г

Бархатное пиво — 200 г

Политура очищенная — 100 г

Итак, перед вами «Ханаанский бальзам» (его в просторечьи называют «чернобуркой») — жидкость в самом деле черно-бурого цвета, с умеренной крепостью и стойким ароматом. Это уже даже не аромат, а гимн. Гимн демократической молодежи. Именно так, потому что в выпившем этот коктейль вызревает вульгарность и темные силы. Я сколько раз наблюдал!.. А чтобы вызревание этих темных сил хоть как-то предотвратить, есть два средства. Во-первых, не пить «Ханаанский бальзам», а во-вторых, пить взамен его коктейль «Дух Женевы».

В нем нет ни капли благородства, но есть букет. Вы спросите меня: в чем загадка этого букета? Я вам отвечу: не знаю, в чем загадка этого букета. Тогда вы подумаете и спросите: а в чем же разгадка? А в том разгадка, что «Белую сирень», составную

часть «Духа Женевы», не следует ничем заменять ни «Жасмином», ни «Шипром», ни «Ландышем». «В мире компонентов нет эквивалентов», как говорили старые алхимики, а они-то знали, что говорили. То есть «Ландыш серебристый» — это вам не «Белая сирень», даже в нравственном аспекте, не говоря уже о букетах.

«Ландыш», например, будоражит ум, тревожит совесть, укрепляет правосознание. А «Белая сирень» — напротив того, успокаивает совесть и примиряет человека с язвами жизни...

У меня было так: я выпил целый флакон «Серебристого ландыша», сижу и плачу. Почему я плачу? Потому что маму вспомнил, то есть вспомнил и не могу забыть свою маму. «Мама», — говорю. И плачу. А потом опять: «Мама», — говорю и снова плачу. Другой бы, кто поглупее, так бы сидел и плакал. А я? Взял флакон «Сирени» — и выпил. И что же вы думаете? Слезы обсохли, дурацкий смех одолел, а маму так даже и забыл, как звать по имени-отчеству.

И как мне смешно поэтому тот, кто, приготавливая «Дух Женевы», в средство от потливости ног добавляет «Ландыш серебристый»!

Слушайте точный рецепт:

Белая сирень	— 50 г
Средство от потливости ног	— 50 г
Пиво жигулевское	— 200 г
Лак спиртовой	— 150 г

Но если человек не хочет зря топтать мироздание, пусть он пошлет к свиньям «Ханаанский бальзам» и «Дух Женевы». А лучше пусть он сядет за стол и приготовит себе «Слезу комсомолки». Пахуч и странен этот коктейль. Почему пахуч, вы узнаете потом. Я вначале объясню, чем он странен.

Пьющий просто водку сохраняет и здравый ум, и твердую память или, наоборот, теряет разом и то, и другое. А в случае со «Слезой комсомолки» просто смешно: выпьешь ее сто грамм, этой слезы, — память твердая, а здравого ума как не бывало. Выпьешь еще сто грамм — и сам себе удивляешься: откуда взялось столько здравого ума? И куда девалась вся твердая память?

Даже сам рецепт «Слезы» благовонен. А от готового коктейля, от его пахучести, можно на минуту лишиться чувств и сознания. Я, например, лишался.

Лаванда	— 15 г
Вербена	— 15 г
Лесная вода	— 30 г
Лак для ногтей	— 2 г
Зубной эликсир	— 150 г
Лимонад	— 150 г

Приготовленную таким образом смесь надо двадцать минут помешивать веткой жимолости. Иные, правда, утверждают, что в случае необходимости вдоль и поперек — вы меня не заставите помешивать повиликой «Слезу комсомолки», я буду помешивать ее жимолостью. Я просто разрываюсь на части от смеха, когда при мне помешивают «Слезу» не жимолостью, а повиликой!..

Но о «Слезе» довольно. Теперь я предлагаю вам последнее и наилучшее. «Венец трудов превыше всех наград», как сказал поэт. Короче, я предлагаю вам коктейль «Сучий потрох», напиток, затмевающий все. Это уже не напиток — это музыка сфер. Что самое прекрасное в мире? Борьба за освобождение человечества. А еще прекраснее вот что (записывайте):

Пиво жигулевское	— 100 г
Шампунь «Садко — богатый гость»	— 30 г
Резоль для очистки волос от перхоти	— 70 г
Тормозная жидкость	— 35 г
Клей БФ	— 12 г

Дезинсекталь для уничтожения
мелких насекомых

— 20г.

Все это неделю настаивается на табаке сигарных сортов — подается к столу...

Мне приходили письма, к стати, в которых досуние читатели рекомендовали еще вот что: полученный таким образом настой еще откидывать на дуршлаг. То есть — на дуршлаг откинуть и спать ложиться. Это уже черт знает что такое, и все эти дополнения и поправки — от зряблости воображения, от недостатка полета мысли, вот откуда эти нелепые поправки...

Итак, «Сучий потрох» подан на стол. Пейте его с появлением первой звезды большими глотками. Уже после двух бокалов этого коктейля человек становится настолько одухотворенным, что можно подойти и целых полчаса с расстояния полутора метров плевать ему в харю, и он ничего тебе не скажет.

43-й километр—Храпуново

Вы хоть что-нибудь записать успели? Ну вот, пока и довольно с вас... А в Петушках — в Петушках я обещаю поделиться с вами секретом «Иорданских струй», если доберусь живым; если милостив Бог.

А теперь давайте подумаем с вами вместе: что бы мне сейчас выпить? Какую комбинацию я могу создать из этой шивовоты, что осталась в моем чемоданчике? «Поцелуй тети Клавы»? Пожалуй, что да. Из моего чемоданчика никаких других «Поцелуев» не выжмешь, кроме «Первого поцелуя» и «Поцелуя тети Клавы». Объяснить вам, что значит «Поцелуй»? А «Поцелуй» значит: смешанное в пропорции пополам-напополам любое красное вино с любой водкой. Допустим: сухое виноградное вино плюс перцовка или кубанская — это «Первый поцелуй». Смесь самогона с 33-м портвейном — это «Поцелуй, насильно данный», или проще «Поцелуй без любви». Да мало ли разных «Поцелуев»? Чтобы не так тошнило от всех этих «Поцелуев», к ним надо привыкнуть с детства.

У меня в чемоданчике есть кубанская. Но нет сухого виноградного вина. Значит, и «Первый поцелуй» исключен для меня, я мргу только грезить о нем. Но у меня в чемоданчике есть полторы четвертинки российской и розовое крепкое за рупь тридцать семь. А их совокупность и дает нам «Поцелуй тети Клавы». Согласен с вами: он невзрачен по вкусовым качествам, он в высшей степени тошнотворен, им уместнее поливать фикус, чем пить его из горлышка,— согласен, но что же делать, если нет сухого вина, если нет даже фикуса? Приходится пить «Поцелуй тети Клавы»...

Я пошел в вагон, чтобы слить мое дерьмо в «Поцелуй». О, как давно я здесь не был! С тех пор, как вышел в Никольском...

На меня, как и в прошлый раз, глядела десятками глаз, больших, на все готовых, выползающих из орбит — глядела мне в глаза моя родина, выползшая из орбит, на все готовая и большая. Тогда, после ста пятидесяти грамм российской, мне нравились эти глаза. Теперь, после пятисот кубанской, я был влюблен в эти глаза, влюблен, как безумец. Я чуть покачнулся, входя в вагон, но прошел к своей лавочке совершенно независимо и на всякий случай чуть-чуть улыбаясь...

Подошел — и остолбенел. Где моя четвертинка российской? Где та самая четвертинка, которую я у Серпа и Молота только ополовинил? От самого Серпа и Молота она стояла у чемоданчика, в ней оставалось почти сто грамм — где же она теперь?

Я обвел глазами всех — ни один не сморгнул. Нет, я положительно влюблен и безумен. Когда отлетели анге-

В. Ерофеев

лы? Они ведь следили за чемоданчиком, если я отлучался, когда они от меня отлетели? В районе Кучино? Так. Значит, украли между Кучино и 43-м километром. Пока я делился с вами восторгом моего чувства, пока посвящал вас в тайны бытия,— меня тем временем лишили «Поцелуя тети Клавы»... В простоте душевной я ни разу не заглянул в вагон все это время — прямо комедия... Но теперь — «довольно простоты», как сказал драматург Островский. И — финита ля комедия. Не всякая простота — святая. И не всякая комедия — божественная... Довольно в мутной воде рыбку ловить — пора ловить человекoв!..

Но как ловить и кого ловить?..

Черт знает, в каком жанре я доеду до Петушков... От самой Москвы все были философские эссе и мемуары, все были стихотворения в прозе, как у Ивана Тургенева... Теперь начинается детективная повесть... Я заглянул внутрь чемоданчика: все ли там на месте? Там все было на месте. Но где же эти сто грамм? И кого ловить?..

Я взглянул направо: там все до сих пор сидят эти двое, тупой-тупой и умный-умный. Тупой в телогрейке уже давно закосел и спит. А умный в коверкотовом пальто сидит напротив тупого и будит его. И как-то по-живодерски будит: берет его за пуговицу и до отказа подтаскивает к себе, как бы натягивая тетиву,— а потом отпускает: и тупой-тупой в телогрейке летит на прежнее место, вонзаясь в спинку лавочки, как в сердце — тупая стрела Амура...

«Транс-цен-ден-тально...» — подумал я. И давно это он его так?.. Нет, эти двое украсть не могли. Один из них, правда, в телогрейке, а другой не спит,— значит, оба в принципе могли украсть. Но ведь один-то спит, а другой в коверкотовом пальто,— значит, ни тот, ни другой украсть не могли...

Я глянул назад — нет, там тоже нет ничего такого, что могло бы натолкнуть на мысль: двое, правда, наталкивают на мысль, но совсем не на ту. Очень странные люди эти двое: он и она. Они сидят по разным сторонам вагона, у противоположных окон, и явно незнакомы друг с другом. Но при всем том — до странности похожи: он в жакетке, и она — в жакетке; он в коричневом берете и при усах, и она — при усах и в коричневом берете...

Я протер глаза и еще раз посмотрел назад... Удивительная похожесть и оба то и дело рассматривают друг друга с интересом и гневом... Ясное дело, они не могли украсть.

А впереди? Я глянул вперед.

А впереди то же самое — странных только двое, дедушка и внучек. Внучек на две головы длинее дедушки и от рождения слабоумен. Дедушка — на две головы короче, но слабоумен тоже. Оба глядят мне прямо в глаза и облизываются...

«Подозрительно»,— подумал я. Отчего бы это им облизываться? Все ведь тоже глядят мне в глаза, но ведь никто не облизывается! Очень подозрительно... Я стал рассматривать их так же пристально, как они меня.

Нет, внучек — совершенный кретин. У него и шея-то не как у всех, у него шея не вращается в торс, а как-то вырастает из него, вздымаясь к затылку вместе с ключицами. И дышит он как-то идиотически: вначале у него выдох, а потом вдох, тогда как у всех людей наоборот: сначала вдох, а уж потом выдох. И смотрит на меня, смотрит, разинув глаза и сощулив рот...

А дедушка — тот смотрит еще напряженнее, смотрит,

как в дуло орудия. И такими синими, такими разбухшими глазами, что из обоих этих глаз, как из двух утопленников, влага течет ему прямо на сапоги. И весь он, как приговоренный к высшей мере, и на лысой голове его мертво. И вся физиономия — в оспинах, как расстрелянная в упор. А посередине расстрелянной физиономии — распухший и посиневший нос, висит и качается, как старый удавленник...

«Очччень подозрительно», — подумал я еще раз. И, привстав на месте, поманил их пальцем к себе.

Оба вскочили немедленно и бросились ко мне, не переставая облизываться. «Это тоже подозрительно, — подумал я, — они вскочили даже, по-моему, чуть раньше, чем я их поманил...»

Я пригласил их сесть напротив себя.

Оба сели, в упор рассматривая мой чемоданчик. Внучек сел как-то странно. Мы все садимся на задницу, а этот сел как-то странно: избоченясь на левое ребро и как бы предлагая одну свою ногу мне, а другую — дедушке.

— Как звать тебя, папаша, и куда ты едешь?..

Храпуново—Есино

— Митричем меня звать. А это мой внучек, он тоже Митрич... Едим в Орехово, в парк. В карусели покатайтесь. А внучек добавил:

— И-и-и-и-и...

Необычен был этот звук, и чертовски обидно, что я не могу его как следует передать. Он не говорил, а верещал. И говорил не ртом, потому что рот его был всегда сощурен и начинался откуда-то сзади. А говорил он левой ноздрей, и то с таким усилием, как будто левую ноздрю приподнимал правой: «И-и-и-и-и-и, как мы быстро едем в Петушки, славные Петушки...», «И-и-и-и-и, какой пьяный дедушка, хороший дедушка...»

— Тта-а-ак. Значит, говоришь, в карусели?..

— В карусели.

— А может, все-таки не в карусели?..

— В карусели, — еще раз подтвердил Митрич, и все тем же приговоренным голосом, и влага из глаз его все текла...

— А скажи мне, Митрич, а что ты тут делал, пока я в тамбуре был? Пока я в тамбуре был погружен в свои мысли? В свои мысли о своем чувстве? К любимой женщине? А? Скажи...

Митрич, не шелохнувшись, весь как-то забегал.

— Я... нииничего. Я просто хотел компоту покушать... Компоту с белым хлебом...

— Компоту с белым хлебом?

— Компоту. С белым хлебом.

— Прекрасно. Значит, так: я стою на площадке и весь погружен в мысли о чувстве. А вы между тем ищете у меня на лавочке: нет ли тут компоту с белым хлебом?.. А не найдя компоту...

Дедушка первый не вынес и весь расплакался. А следом за ним и внучек: верхняя губа у него совсем куда-то пропала, а нижняя свесилась до пупа, как волосы у пианиста... Оба плакали...

— Я вас понимаю, да. Я все могу понять, если захочу простить... У меня душа, как у троянского коня пузо, многое вместит. Я все прощу, если захочу понять. А я — понимаю: вы просто хотите компота и белого хлеба. Но у меня на лавочке вы не находите ни того, ни другого. И вы просто вынуждены пить хотя бы то,

что вы находите, взамен того, чего бы вы хотели...

Я их раздавил своими уликами, они закрыли лицо, оба, и покаянно раскачивались на лавке, в такт моим обвинениям.

— Вы мне напоминаете одного старичка в Петушках. Он — тоже, он пил на чужбинку, он пил только краденое: утащит, например, в аптеке флакон тройного одеколona, отойдет в туалет у вокзала и там тихонько выпьет. Он называл это «пить на брудершафт», он был серьезно убежден, что это и есть «пить на брудершафт», он так и умер в своем заблуждении... Так что же? Значит, и вы решили — на брудершафт?..

Они все раскачивались и плакали, а внучек — тот даже заморгал от горя, всеми своими подмышками...

Но — довольно слез. Я если захочу понять, то все вмещу. У меня не голова, а дом терпимости. Если вы хотите — я могу угостить еще. Вы уже по пятьдесят грамм выпили — я могу налить еще по пятьдесят грамм...

В эту минуту кто-то подошел к нам сзади и сказал:

— Я тоже хочу с вами выпить.

Все разом на него поглядели. То был черноусый, в жакетке и коричневом берете.

— И-и-и-и-и, — заверещал молодой Митрич, — какой дяденька, какой хитрый дяденька...

Черноусый оборвал его взглядом из-под усов:

— Я никакой не хитрый. Я не ворую, как некоторые.

Я не ворую у незнакомых людей предметов первой необходимости. Я пришел со своей — вот...

И он поставил мне на лавочку бутылку столичной.

— От моей не откажетесь? — спросил он меня.

Я потеснился, чтобы дать ему место.

— Нет, потом, пожалуй, и не откажусь, а пока хочу свое. «Поцелуй тети Клавы».

— Тети Клавы?

— Тети Клавы.

Мы налили себе, каждый свое. Дед и внук протянули мне свою посуду: они, оказывается, давно держали ее наготове, задолго до того, как я их поманил. Дед вытащил пустую четвертинку, я сразу ее признал. А внучек — тот вынул даже целый ковш, и вынул откуда-то из-под лобка и диафрагмы...

Я налил им, сколько обещал, и они улыбались.

— На брудершафт, ребятишки?

— На брудершафт.

Все пили, запрокинув головы, как пианисты...

«Наш поезд на станции Есино не останавливается. Остановки по всем пунктам — кроме Есино».

Есино—Фрязево

Началось шелестенье и чмоканье. Как будто тот пианист, который все пил и пил, — теперь уже все выпил и, утонув в волосах, заиграл этюд Ференца Листа «Шум леса» до диез минор.

Первым заговорил черноусый в жакетке. И почему-то обращаясь единственно только ко мне:

— Я прочитал у Ивана Бунина, что рыжие люди, если выпьют, — обязательно покраснеют...

— Ну, так что же?

— Как то есть, «что же»? А Куприн и Максим Горький — так те вообще не покраснелись!..

— Прекрасно. Ну а дальше?

— Как то есть «ну а дальше»? Последние, предсмертные слова Антона Чехова какие были? Помните? Он сказал: «Ихь штербе», то есть «я умираю». А потом добавил: «Налейте мне шампанского». И уж тогда только — умер. — Так-так?..

— А Фридрих Шиллер — тот не только умереть, тот даже жить не мог без шампанского. Он знает, как писать? Опустит ноги в ледяную ванну, нальет шампанского — и пишет. Пропустит один бокал — готов целый акт трагедии. Пропустит пять бокалов — готова целая трагедия в пяти актах.

— Так-так-так... Ну, и...

Он кидал в меня мысли, как триумфатор червонцы, а я едва-едва успевал их подбирать. «Ну, и...»

— Ну, и Николай Гоголь...

— Что Николай Гоголь?

— Он всегда, когда бывал у Панаевых, просил поставить ему на стол особый розовый бокал...

— И пил из розового бокала?

— Да. И пил из розового бокала.

— А что пил?..

— А кто его знает!..

Ну, что можно пить из розового бокала? Ну, конечно, водку...

И я, и оба Митрича с интересом за ним следили. А он, черноусый, так и смеялся, в предвкушении новых триумфов...

— А Модест-то Мусоргский! Бог ты мой, а Модест-то Мусоргский! Вы знаете, как он писал свою бессмертную оперу «Хованщина»? Это смех и горе. Модест Мусоргский лежит в канаве с перепоею, а мимо проходит Николай Римский-Корсаков, в смокинге и с бамбуковой тростью. Остановится Николай Римский-Корсаков, пощекочет Модеста своей тростью и говорит: «Вставай! Иди умойся и садись дописывать свою божественную оперу «Хованщина»!»

И вот они сидят — Николай Римский-Корсаков в креслах сидит, закинув ногу за ногу, с цилиндром на отлете. А напротив него — Модест Мусоргский, весь томный, весь небритый, пригнувшись на лавочке, потеет и пишет ноты. Модест на лавочке похмелиться хочет: что ему ноты! А Николай Римский-Корсаков с цилиндром на отлете похмелиться не дает...

Но уж как только затворяется дверь за Римским-Корсаковым — бросает Модест свою бессмертную оперу «Хованщина» — и бух в канаву. А потом встанет и опять похмелиться, и опять — бух!.. А между прочим, социал-демократы...

— Начитанный, чччерт! — в восторге прервал его старый Митрич, а молодой от чрезмерного внимания вобрал в себя все волосы и заиндевел...

— Да, да! Я очень люблю читать! В мире столько прекрасных книг! — продолжал человек в жакетке. — Я, например, пью месяц, пью другой, а потом возьму и прочитаю какую-нибудь книжку, и так хороша покажется мне эта книжка, и так дурен кажусь я сам себе, что я совсем расстраиваюсь и не могу читать, бросаю книжку и начинаю пить, пью месяц, пью другой, а потом...

— Погоди, — тут уж я его прервал, — погоди. Так что же социал-демократы?

— Какие социал-демократы? Разве только социал-демократы? Все ценные люди России, все нужные ей люди — все пили, как свиньи. А лишние, бестолковые — нет, не пили. Евгений Онегин в гостях у Лариных и выпил-то всего-навсего брусничной воды, и то его понос пробрал. А честные современники Онегина «между лафитом и клико» /заметьте: «между лафитом и клико»! / тем временем рождали «мятежную науку» и декабризм... А когда они, наконец, разбудили Герцена...

— Как же! Разбудишь его, вашего Герцена! — рявкнул вдруг кто-то с правой стороны. Мы все вздрогнули и повернулись направо. Это рявкал Амур в коверкотовом пальто. — Ему еще в Храпунове надо было выходить,

В. Ерофеев

этому Герцену, а он все едет, собака!..

Все, кто мог смеяться, — рассмеялись: «Да оставь ты его в покое, черт, декабрист х...!» «Уши ему потри. уши!» «Какая разница — в Храпуново ехать или в Петушки! Может, человеку захотелось в Петушки, а ты его гонишь в Храпуново!» Все вдруг незаметно косели, незаметно и радостно косели, незаметно и безобразно... И я — вместе с ними...

Я повернулся к жакетке и черным усам:

— Ну, допустим, ну, разбудили они Александра Герцена, причем же тут демократы и «Хованщина», и...

— А вот и притом! С этого и началось все главное — сивуха началась вместо клико! Разночинство началось, дебош и хованщина!.. Все эти Успенские, все эти Помяловские — они без стакана не могли написать ни строки! Я читал, я знаю! Отчаянно пили! Все честные люди России! И отчего они пили? С отчаянием пили! Пили оттого, что честны! Оттого, что не в силах были облегчить участь народа! Народ задыхался в нищете и невежестве, почитайте-ка Дмитрия Писарева! Он так и пишет: «Народ не может позволить себе говядину, а водка дешевые говядины, оттого и пьет русский мужик, от нищеты своей пьет! Книжку он себе позволить не может, потому что на базаре ни Гоголя, ни Белинского, а одна только водка, и монополия, и всякая, и в разлив, и на вынос! Оттого он и пьет, от невежества своего пьет!»

Ну, как тут не прийти в отчаяние, как не писать о мужике, как не спасать его, как от отчаяния не запить! Социал-демократ — пишет и пьет, и пьет, и пьет, как пишет. А мужик — не читает и пьет, пьет, не читая. Тогда Успенский встает — и вешается, а Помяловский ложится под лавку в трактире — и поддыхает, а Гаршин — встает — и с перепоею бросается через перила...

Черноусый уже вскочил, и снял берет, и жестикулировал, как бешеный, — все выпитое подстегивало его и ударяло в голову, все ударяло и ударяло... Декабрист в коверкотовом пальто — и тот бросил своего Герцена, подсел к нам ближе и воздел к оратору мутные сырые глаза...

— А вы смотрите, что получается! Мрак невежества все сгущается, и обнищание растет абсолютно! Вы Маркса читали? Абсолютно! Другими словами, пьют все больше и больше! Пропорционально возрастает отчаяние социал-демократа, тут уже не лафит, не клико, те еще как-то разбудились Герцена! А теперь — вся мыслящая Россия, тоскуя о мужике, пьет не просыпаясь! Бей во все колокола, по всему Лондону — никто в России головы не поднимет, все в блевотине и всем тяжело!..

И так — до наших времен! Вплоть до наших времен! Этот круг, порочный круг бытия — он душит меня за горло! И стоит мне прочесть хорошую книжку — я никак не могу разобраться, кто отчего пьет: низы, глядя вверх, или верхи, глядя вниз. И я уже не могу, я бросаю книжку. Пью месяц, пью другой, а потом...

— Стоп! — прервал его декабрист. — А разве нельзя не пить? Взять себя в руки — и не пить? Вот тайный советник Гете, например, совсем не пил.

— Не пил? Совсем? — Черноусый даже привстал и надел берет. — Не может этого быть!

— А вот и может. Сумел человек взять себя в руки — и ни грамма не пил...

— Вы имеет в виду Иоганна фон Гете?

— Да. Я имею в виду Иоганна фон Гете, который ни грамма не пил.

— Странно... А если б Фридрих Шиллер поднес бы ему?.. Бокал шампанского?..

— Все равно бы не стал. Взял бы себя в руки — и не стал. Сказал бы: не пью ни грамма.

Черноусый поник и затосковал. На глазах у публики рушилась вся его система, такая стройная система, сотканная из пылких и блестящих натяжек. «Помоги ему, Ерофеев,— шепнул я сам себе,— помоги человеку. Ляпни какую-нибудь аллегоричку или...»

— Так вы говорите: тайный советник Гете не пил ни грамма? — я повернулся к декабристу.— А почему он не пил, вы знаете? Что его заставляло не пить? Все честные умы пили, а он — не пил? Почему? Вот мы сейчас едем в Петушки, и почему-то везде остановки, кроме Есино. Почему бы им не остановиться и в Есино? Так вот нет же. Проперли без остановки. А все потому, что в Есино нет пассажиров, они все садятся или в Храпунове, или во Фрязево. Да. Идут от самого Есино до самого Храпунова или до самого Фрязева — и там садятся. Потому что все равно ведь поезд в Есино прочешет без остановки. Вот так поступал и Иоганн фон Гете, старый дурак. Думаете, ему не хотелось выпить? Конечно, хотелось. Так он, чтобы самому не скопытиться, вместо себя заставлял пить всех своих персонажей. Возьмите хоть «Фауста»: кто там не пьет? Все пьют. Фауст пьет и молодеет, Зибель пьет и лезет на Фауста, Мефистофель только и делает, что пьет и угощает буршей и поет им «Блоху». Вы спросите: для чего это нужно было тайному советнику Гете? Так я вам скажу: а для чего он заставил Вертера пустить себе пулю в лоб? Потому что — есть свидетельство — он сам был на грани самоубийства, но чтоб отделаться от искушения, заставил Вертера сделать это вместо себя. Вы понимаете? Он остался жить, но как бы покончил с собой. И был вполне удовлетворен. Это даже хуже прямого самоубийства. В этом больше трусости, и эгоизма, и творческой низости...

Вот так же он и пил, как стрелялся, ваш тайный советник. Мефистофель выпьет — а ему хорошо, старому псу. Фауст добавит — а он, старый хрен, уже лыка не вяжет. Со мною на трассе дядя Коля работал — тот тоже: сам не пьет, боится, что чуть выпьет и сорвется, загудит на неделю, на месяц. А нас — так прямо чуть не прируждал. Разливает нам, краскает за нас, блаженствует, гад, ходит, как обалделый...

Вот так и ваш хваленый Иоганн фон Гете! Шиллер ему подносит, а он отказывается — еще бы! Алкоголик он был, алкаш он был, ваш тайный советник, Иоганн фон Гете! И руки у него как бы тряслись...

— Вот это да-а-а... — восторженно разглядывали меня и декабрист, и черноусый. Стройная система была восстановлена, и вместе с ней восстановилось веселье. Декабрист — широким жестом — вытащил из коверкового пальто бутылку перцовую и поставил ее у ног черноусого. Черноусый вынул свою столичную. Все потирали руки — до странности возбужденно...

Мне налили — больше всех. Старому Митричу — тоже налили. Молодому тоже подали стакан — он радостно прижал его к левому соску правым бедром, и из обеих ноздрей его хлынули слезы...

— Итак, за здоровье тайного советника Иоганна фон Гете?

Фрязево — 61-й километр

— Да. За здоровье тайного советника Иоганна фон Гете.

Я, как только выпил, почувствовал, что пьянею сверх всякой меры и что все остальные — тоже...

— А... разрешите вам задать один пустяшный вопрос,— сказал черноусый сквозь усы и сквозь бутерброд в усах: он опять обращался только ко мне: — Разрешите спросить, отчего это в глазах у вас столько грусти?.. Разве можно грустить, имея такие познания! Можно подумать — вы с утра ничего не пили!

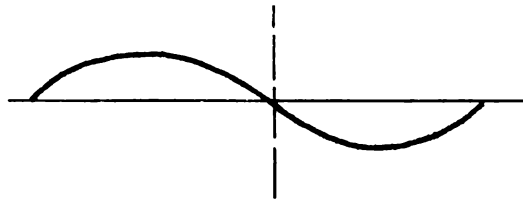
Я даже обиделся:

— Как, то есть, ничего! И разве это грусть? Это просто замутненность глаз... Я просто немного поддал...

— Нет, нет, эта замутненность — от грусти! Вы, как Гете! Вы всем вашим видом опровергаете одну из моих лемм, несколько умозрительную лемму, но все же выросшую из опыта! Вы, как Гете, все опровергаете...

— Да чем же я опровергаю? Своей замутненностью?

— Именно! Своей замутненностью! Вот послушайте, в чем моя заветная лемма: когда мы вечером пьем, а утром не пьем, какими мы бываем вечером и какими становимся на утро? Я, например, если выпью — я весел чертовски, я подвижен и неистов, я места себе не нахожу, да. А наутро? На утро я не просто невесел, не просто неподвижен, нет. Я ровно настолько же мрачнее обычного себя, трезвого себя, насколько веселее обычного был накануне. Если я накануне одержим был Эросом, то мое утреннее отвращение в точности равновелико вчерашним грезам. Что я хочу сказать? А вот, смотрите...

И черноусый изобразил на бумажке такую вот хреновину. И объяснил: горизонтальная линия — это линия обычной трезвости, повседневная линия. Наивысшая точка кривой — момент засыпания, наинизшая — пробуждения с похмелья...

— Видите! Это же голая зеркальность! Глупая, глупая природа, ни о чем она не заботится так рьяно, как о равновесии! Не знаю, нравственная ли эта забота, но она строго геометрична! Смотрите: ведь эта кривая изображает нам не один только жизненный тонус, нет! Она все изображает. Вечером — бесстрашие, даже если и есть причина бояться, бесстрашие и недооценка всех ценностей. Утром — переоценка всех ценностей, переоценка, переходящая в страх, совершенно беспричинный.

Если с вечера, спяна природа нам «передала», то наутро она столько же и недодаст, с математической точностью. Был у вас вечером позыв к идеалу — пожалуй-ста, с похмельем его сменит порыв к антиидеалу, а если идеал и останется, то вызывает антипорыв. Вот вам в двух словах моя заветная лемма... Она — всеобща и к каждому применима. А у вас — все не как у людей, все, как у Гете!..

Я рассмеялся: «Почему ж она все-таки лемма, если она всеобща?..»

И декабрист — тоже рассмеялся: «Коли она всеобща, то почему же лемма?..»

— А потому и лемма! Потому что в расчет не принимает бабу! Человека в чистом виде лемма принимает, а бабу — не принимает! С появлением бабы нарушается всякая зеркальность. Если б баба не была бабой, лемма не была бы леммой. Лемма всеобща, пока нет бабы. Баба есть — и леммы уже нет... В особенности — если баба плохая, а лемма — хорошая...

Враз заговорили все. «Да что такое вообще: лемма? И что такое — плохая баба?» «Плохих баб нет, только леммы одни бывают плохие...»

— У меня, например,— сказал декабрист,— у меня тридцать баб, и одна чище другой, хоть и усов у меня нет. А у вас, допустим, усы и одна хорошая баба. Все-таки я считаю: тридцать самых плохих баб лучше, чем одна, хоть и самая хорошая...

— При чем тут усы! Разговор о бабе идет, а не об усах!

— И об усах! Не было бы усов — не было б и разговора...

— Черт знает, что вы городите!.. Все-таки я думаю: одна хорошая стоит всех ваших. Как вы на это смотрите?.. — черноусый опять повернулся ко мне. — С научной точки зрения как вы на это смотрите?..

Я сказал:

— С научной, конечно, стоит. В Петушках, например, тридцать посудин меняют на полную бутылку зверобоя, и если ты принесешь, допустим...

«Как! Тридцать на одну! Почему так много!» — галдеж возобновился.

— Да иначе кто же вам обменяет! Тридцать на двенадцать — это 3.60. А зверобой стоит 2.62. Это и дети знают. Отчего Пушкин умер, они еще не знают, а это — уже знают. А все-таки никакой сдачи. 3.60, конечно, хорошо, это лучше, чем 2.62, но все-таки сдачи не берешь, потому что за витриной стоит хорошая баба, а хорошую бабу надо уважить...

— Да чем же она хороша, эта баба за витриной?

— Да тем и хороша, что плохая вообще бы посуду у вас не взяла. А хорошая баба — берет у вас плохую посуду, а взамен дает хорошую. И поэтому надо уважить... Для чего вообще на свете баба?

Все значительно помолчали. Каждый подумал свое или все подумали одно и то же, не знаю.

— А для того, чтоб уважить. Что говорил Максим Горький на острове Капри? «Мерило всякой цивилизации — способ отношения к женщине». Вот и я: прихожу я в петушинский магазин, у меня с собой тридцать пустых посудин. Я говорю: «Хозяюшка!» — голосом таким пропитым и печальным говорю: «Хозяюшка! Зверобой мне, будьте добры...» И ведь знаю, что чуть ли не рупь передаю: 3.60 минус 2.62. Жалко. А она на меня смотрит: давать ему, гаду, сдачи или не давать? А я на нее смотрю: даст она мне, гадина, сдачи или не даст? Вернее, нет, в это мгновение я смотрю не на нее. Я смотрю сквозь нее и вдаль. И что же встает перед моим бессмысленным взором? Остров Капри встает. Растут агавы и тамаринды, а под ними сидит Максим Горький, из-под белых брюк волосатые ноги. И пальцем мне грозит: «Не бери сдачи! Не бери сдачи!» Я ему моргаю: мол, жрать будет нечего. «Ну, хорошо, я выпью, а чем я зажирать буду?»

А он: «Ничего, Веня, потерпишь. А коли хочешь жрать — так не пей». Так и ухожу без всякой сдачи. Сержусь, конечно, думаю: «Мерило!» «Цивилизации!» «Эх, Максим Горький, Максим же ты Горький, сдуру или спьяну ты сморозил такое на своем Капри? Тебе хорошо — ты там будешь жрать свои агавы, а мне чего жрать?..»

Публика смеялась. А внучек верещал: «И-и-и-и, какие агавы, какие хорошие капри...»

— А плохая баба? — сказал декабрист. — Разве не нужна бывает и плохая баба?

— Конечно! Конечно, нужна, — отвечал я ему. — Хорошо человеку плохая баба иногда прямо необходима бывает. Вот я, например, двенадцать недель

В. Ерофеев

тому назад: я был во гробе, я уже четыре года лежал во гробе, так что уже и смердеть перестал. А ей говорят: «Вот — он во гробе. И воскрес, если сможешь». А она подошла ко гробу — вы бы видели, как она подошла!

— Знаем! — сказал декабрист. — «Идет, как пишет. А пишет, как Лева. А Лева пишет х...»

— Вот-вот! Подошла ко гробу и говорит: «Талиф куми». Это значит в переводе с древнежидовского: «Тебе говорю — встань и ходи». И что ж вы думаете? Встал — и пошел. И вот уже три месяца хожу, замутненный...

— Замутненность — от грусти, — повторил черноусый в беретке. — А грусть от бабы.

— Замутненность — оттого, что поддал, — перебил его декабрист.

— Да при чем тут «поддал»? А «поддал» — то почему? Потому что, допустим, человек грустит и едет к бабе. Нельзя же ехать к бабе и не пить! Плохая, значит, баба! Да если даже и плохая — все равно надо выпить. Наоборот, чем хуже баба, тем лучше надо поддать!..

— Честное слово! — вскричал декабрист. — Как хорошо, что все мы такие развитые! У нас тут прямо как у Тургенева: все сидят и спорят про любовь. Давайте и я вам что-нибудь расскажу — про исключительную любовь и про то, как бывают необходимы плохие бабы!.. Давайте как у Тургенева! Пусть каждый чего-нибудь да расскажет...

«Давайте!» «Давайте как у Тургенева!» Даже старый Митрич — и тот сказал: «Давайте...»

61-й километр—65-й километр

Первым начал рассказывать декабрист:

— Один приятель был у меня, я его никогда не забуду. Он и всегда-то был какой-то одержимый, а тут не иначе как бес в него вошел. Он помещался знаете на ком? На Ольге Эрдели, прославленной советской арфистке. Может быть, Вера Дулова тоже прославленная арфистка. Но он помещался именно на Эрдели. И ни разу-то он ее в жизни не видел, а только слышал по радио, как она брэнчит на арфе, — а вот поди ж ты, помещался...

Помещался и лежит. Не работает, не учится, не курит, не пьет, с постели не встает, девушек не любит и в окошко не высовывается... Подай ему Ольгу Эрдели, и весь тут сказ.

Ну, что делать? Малый совсем вымирает, надо его спасать. Пошел я к Ольге Эрдели, хотел объяснить ей в чем дело, да так и не решился. Хотел даже и к Вере Дуловой — да нет, думаю, удавит он ее, как незабудку. И иду я по Москве вечером, и грустно мне; они там на арфах сидят и играют, толстеют и пухнут на арфах, а от малого остались руины и пепел.

А тут мне встречается бабонька, не то, чтоб очень старая, но уже пьяная-пьяная. «Рррупь мне дай, — говорит. — Дай мне рррупь!» И тут-то меня осенило. Я дал ей рупь и все ей объяснил: она, эта м....., оказалась понятливее Эрдели, а для пущей убедительности я заставил ее взять с собой балалайку...

И вот — я поволок ее к моему приятелю. Вошли: он все лежит и тоскует. Я ему сначала кинул балалайку, прямо с порога. А потом — швырнул ему в

лицо эту Ольгу, я этой Ольгой в него запустил... «Вот она — Эрдели! Не веришь — спроси!»

И наутро смотрю: открылось окошко, он в него высунулся и потихоньку закурил. Потом — потихоньку заработал, заучился, запил... И стал человек как человек. Вот видите!..

— Да где же тут любовь и где Тургенев? — заговорили мы, почти не дав закончить. «Нет, ты давай про любовь! Ты читал Ивана Тургенева?» Ну, коли читал, так и расскажи! Про первую любовь расскажи, про Зиночку, про вуаль и как тебе хлыстом по роже съездили — вот примерно все это и расскажи.

— Конечно, — прибавил я, — у Ивана Тургенева все это немножко не так, у него все собираются к камину, в цилиндрах, и держат жабо на отлете... Ну, да ладно, у нас и без камина есть чем согреться. А жабо — что нам жабо! Мы и без жабо — лыка не вяжем...

— Конечно! Конечно!

— Если любить по-тургеновски, это значит: суметь сделать то, что невозможно сделать, не любя по-тургеновски! Вот ты, например (мы незаметно переходили на «ты»). Вот ты, декабрист. Ты смог бы у этого приятеля, про которого рассказывал, — смог бы палец у него откусить? Ради любимой женщины?

— Ну, зачем палец?.. При чем тут палец? — застонал декабрист.

— Нет, нет, слушай. А ты мог бы: ночью тихонько войти в парткабинет, снять штаны и выпить целый флакон чернил, а потом поставить флакон на место, одеть штаны и тихонько вернуться домой? Ради любимой женщины? Смог бы?..

— Боже мой! Нет, не смог бы.

— Ну, вот то-то...

— А я бы смог! — проговорил вдруг дедушка Митрич. Так неожиданно, что все снова заерзали и запотирали руки. — А я бы смог чего-нибудь рассказать...

— Ты? Рассказать? Да ты, наверное, и не читал совсем Ивана Тургенева!..

— Ну и пусть, что не читал... Мой внучек зато все читал...

— Ну, ладно! Ладно! Внучек потом расскажет! Внучку потом слово дадим! Давай, папаша, валяй, рассказывай про любовь!..

«Представляю, — подумал я, — что будет за чушь! Что за несусветная чушь!» И я снова припомнил свою похвальбу в день знакомства с моей Царицей: «Еще выше нанесу околосоицы! Нанесу еще выше!» Что ж, пусть рассказывает, этот слезящийся Митрич. Надо чтить, повторяю, потемки чужой души, надо смотреть в них, пусть даже там и нет ничего, пусть там дрянь одна — все равно: смотри и чти, смотри и не плюй...

Дедушка начал рассказывать:

65-й километр—Павлово-Посад

— Председатель у нас был... Лознгрин его звали, строгий такой... И весь в чирьях... И каждый вечер на моторной лодке катался. Сядет в лодку и по речке плывет... Плывет и чирья из себя выдавливают...

Из глаз рассказчика вытекала влага, и он был взволнован:

— А покатается он на лодке... Придет к себе в

правление, ляжет на пол... Тут уже к нему не подступись — молчит и молчит. А если скажешь ему слово поперек — отвернется он в угол и заплачет... Стоит, и плачет, и пысает на пол, как маленький!..

Дедушка вдруг умолк. Губы его искривились, синий нос его вспыхнул и погас. Он плакал! Плакал, как женщина, охватив руками голову, плечи его так и ходили ходуном, так и ходили, как волны!..

— Ну, и все, что ли, Митрич?..

Вагон содрогнулся от хохота. Все смеялись, безобразно и радостно. А внучек даже весь задергался, снизу вверх, чтобы слева направо не прыснуть себе в щиколотку. Черноусый сердился:

— Да где же тут Тургенев? Мы же договорились: как у Ивана Тургенева! А тут черт знает что такое! Какой-то весь в чирьях! Да еще вдобавок «пысает»!

— Да ведь он, наверно, кинокартину пересказывал! — буркнул кто-то со стороны. — Кинокартину «Председатель»!

— Какая там, к черту, кинокартина!..

А я сидел и понимал старого Митрича, понимал его слезы: ему просто все и всех было жалко: жалко председателя за то, что ему дали такую позорную кличку, и стенку, которую он обмочил, и лодку, и чирьи — все жалко... Первая, любовь или последняя жалость — какая разница? Бог, умирая на кресте, заповедовал нам жалость, а зубоскальства он нам не заповедовал. Жалость и любовь к миру — едины. Любовь ко всякой персти, ко всякому чреву. И ко плоду всякого чрева — жалость.

— Давай, папаша, — сказал я ему, — давай я угощу тебя, ты заслужил! Ты хорошо рассказал про любовь!..

— И все, и все давайте выпьем! За орловского дворянина Ивана Тургенева, гражданина прекрасной Франции!

— Давайте! За орловского дворянина!..

Снова началось то же бульканье и тот же звон, потом опять шелестение и чмоканье. Эту до дизь минор, сочинение Ференца Листа, исполняется на бис...

Никто сразу и не заметил, как у входа в наше «купе» (назовем его «купе») выросла фигура женщины в коричневом берете, в жакетке и с черными усиками. Она вся была пьяна снизу доверху, и берет у нее разрезался...

— Я тоже хочу Тургенева и выпить, — проговорила она всею утробой...

Замешательство длилось не больше двух мгновений.

— Appetitная приходит во время еды, — съязвил декабрист. Все засмеялись.

— Чего тут смеяться, — сказал дедушка. — Баба как баба, хорошая, мягонькая...

— Таких хороших баб, — мрачно отозвался черноусый и снял берет, — таких хороших баб надо в Крым отправлять, чтоб их волки-медведи кушали...

— Ну, почему, почему! — я запротестовал и засуетился. — Пусть сядет! Пусть чего-нибудь да расскажет! «Читали Тургенева, читали Максима Горького, а толку!..» Я потеснился. Я усадил ее и налил ей полстакана «тети Клары».

Она выпила и вместо благодарности приподняла с головы свой берет: «Вот это — видите?» И показала всем свой шрам повыше уха. А потом торжественно помолчала — и снова протянула мне стакан: «Плесни еще, молодой человек, а не то я упаду в обморок». Я налил ей еще полстакана.

(Продолжение следует)

ЗВОН ХРУСТАЛЬНЫЙ,

■ Многоликое Замоскворечье. Тихий переулочек. Церковка с мажорной — опрятная, ухоженная. Значит, действующая? Увы, — вздохнули бы в ответ богомольные старушки. Но, сочувствуя их печали, не торопитесь с выводами. Вначале задумайтесь: что более свято — служение красоте или поклонение всевышнему?

Церковь Иоанна Предтечи — памятник архитектуры XVII века — могла бы разделить судьбу многих других отстраненных от религии культовых строений, превратившись со временем в руины. К счастью, этого не произошло. Все расходы на реставрационные работы взяла на себя солидная организация — Министерство промышленности строительных материалов СССР. Взяла не бескорыстно, конечно, поскольку фактически завладела зданием, открыв здесь демонстрационно-выставочный зал художественного стекла и хрусталя.

Вот только знают об этом немногие — в основном специалисты по художественному стеклоделанию. Случайному прохожему доступ сюда закрыт. На то, возможно, есть веские доводы. К примеру, в зале практически нет витрин: нелепо же смотреть на изделия из стекла через стекло. А когда экспонаты открыты, то... сами понимаете. Однако возникает и другое предположение. Случайный прохожий, оказавшись здесь, среди хрустального великолепия, непременно станет задавать вопросы. Почему все можем, но не все делаем? Изумляем, но не радуем? Почему там, у них, все, что на выставке, потом — в продаже, а у нас если выставка — то достижений? А достижениями, ясное дело, всех и каждого не обеспечить.

Сотрудникам ассортиментного отдела ГИСа — Государственного института стекла, входящего в структуру Минстройматериалов СССР (кстати, выставочный зал — их рабочее место), — ответы на эти вопросы хорошо известны. Они с жаром поведают и о горьких последствиях хрустального бума, и о чехарде с ценами, и о многом другом, из-за чего стал так безлик и скуден на выбор прилавок. Но откровенничать будут до известного предела, иначе не избежать вопроса: а нужен ли ассортиментный отдел, который ни на что по-

ЗВОН ПЕЧАЛЬНЫЙ

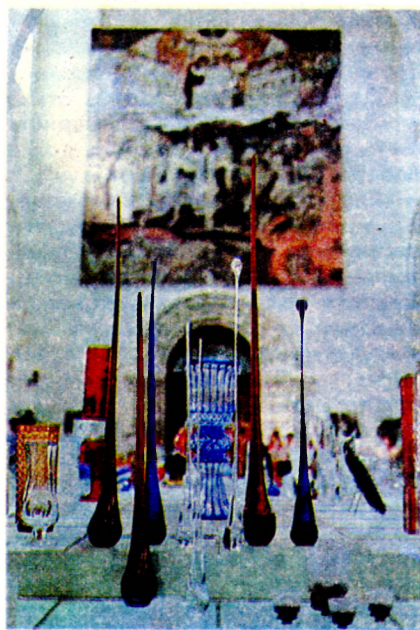

Фото А. ДИТЯКИНА

влиять и ничего изменить не может?

Расскажу о таком эпизоде. Есть у отдела небольшая коллекция старинных изделий из стекла и хрусталя. Знакома с нею, молодая милостивая женщина, по-видимому, искусствовед, взяла со стенда экспонат и, поворачивая его на свету так и эдак, сказала:

— Посмотрите, какая удивительная прозрачность, чистота линий, какие безупречные грани! А ведь это обычная трактирная рюмка. Их выпускали огромными партиями, но, как видите, марку держали.

Не будь этой рюмки, вероятно, не обратила бы внимания, как мало в коллекции предметов, так сказать, питейного назначения. Разнообразие поражало: здесь были роскошные блюда, вазы для фруктов, цветов, пирогов, варенья, конфет, изумительные по форме и цветовому решению кувшины для воды, соков, кваса, украшенные замысловатой огранкой или рисунком,

изящные туалетные принадлежности — для пудры, крема, духов, туалетной воды. Позднее, бывая на выставках или в гостях, я мысленно, как бы для себя добавляла в стекльно-хрустальный ассортимент все новые и новые предметы. Подставки для столовых приборов, салфетницы, подсвечники, плафоны для настольных ламп, менажницы, креманки, флаконы для специй, шкатулки, миниатюрные соковыжималки. Или вот ажурная розетка с маленьким шпилем посередине — оказывается, для хранения колец, перстней. «Бабушкино наследство, — пояснила хозяйка. — Удобнейшая вещь!»

Что и говорить, у старых мастеров есть чему поучиться! Ассортиментники не возражали. «Так-то оно так. Но, понимаете, наши художники связаны производством по рукам и ногам. Допустим, кто-то из них предлагает интересное оригинальное изделие для серийного выпуска, а технолог говорит, что оно трудновыполнимо. Тогда упрощают технологию в ущерб качеству или, того хуже, меняют изделие. А на Западе, в подобной ситуации меняют технолога».

Поменяли бы и у нас, да не на кого. Хрустальная лихорадка, когда сверкающая продукция, как ураганом, сметалась с магазинных полок, привела к тому, что производством хрусталя занялись повсюду — на металлургических, судостроительных, кирпичных заводах, на предприятиях электронной промышленности. Специалистов заманивали высокими окладами, квартирами, детскими садами и прочими благами, с которыми на родном предприятии было негусто. А Минстройматериалов СССР, которому до недавнего времени подчинялось большинство заводов художественного стекла, не только не препятствовало тому, но даже пособляло. Раз есть спрос, должно быть предложение. Какое? Уже не суть важно. И предложение росло фантастическими темпами, как, впрочем, и цена. На отдельные изделия она поднялась на порядок, то есть в десять раз. По этому поводу один из ведущих художников Гусевского хрустального завода В. Муратов горько заметил: «Даже цены не умеют серьезно и объективно обосновать: взвешивают и замеряют художественные изделия как картошку...»

В итоге пришли к тому, к чему неизменно должны были прийти. Творческий поиск уступил место стихии конвейерного производства, ценность изделия в лучшем случае определялась стандартом, но никак не оригинальностью. Сувенирно-подарочная продукция, к какой относится хрусталь, перешла в категорию дорогостоящего ширпотреба. Взять хотя бы такой случай из недавней практики. Кто-то из рабочих, желая порадовать друга диковинкой, сделал в его юбилей хрустальный рог. Шутку мастерового оценили, и пошло тиражирование — эдакое рогаозобилие. В духе времени.

Расплата была суровой. На складах заводов художественного стекла с нарастающей быстротой оседала мертвым грузом продукция, не востребованная торговыми организациями. Порой это были изделия очень высокого качества, но стоило ли, допустим, тратить силы и средства на выпуск в огромных количествах блюдов размером с велосипедное колесо и по цене 200 с лишним рублей.

Широкомасштабная уценка не могла спасти положение хотя бы потому, что вступил в действие выработанный многолетней практикой покупательский инстинкт: не торопиться с покупкой, когда есть выбор. Интерес к хрусталу заметно угас, и многие, возможно, впервые посмотрели критическим взором на окружавшие их вещи. И обнаружили, как нелепо при низком потолке и на фоне современной стандартной мебели выглядят люстры с многочисленными хрустальными подвесками, как уродлив прессованный хрусталь: все эти салатницы, пепельницы, кружечки (может, кто подскажет, что из них пить?).

Мне показалось, что у Владимира Александровича Филатова, главного художника Минстройматериалов РСФСР, даже голос задрожал, когда речь зашла о прессованном хрустале и, в частности, об этих самых кружечках.

— Это же варварство: дорогостоящую благородную стекломассу расходовать на такое убожество!.. Польстились на большие доходы и сами себя загнали в ловушку.

Надо сказать, у российского министерства есть свой демонстрационно-выставочный зал, официально именуемый ассортиментным кабинетом. Все изделия здесь чудо как хороши — глаз не оторвать. При-

чем каждое Филатов сам, лично отбирал для коллекции.

— Главное — покончить с зависимостью от вала, потока. Красоту надо бы планировать. Только красоту.

Пока, увы, не планируют. Но впереди что-то забрезжило. Обретение заводами большей самостоятельности вынуждает их поворачиваться лицом к качеству. А в том, что мастера на Руси не перевелись, что красоту творить не разучились, вас убедят фотографии,, сделанные нашим корреспондентом на Гусевском хрустальном заводе.

Н. ЮРЬЕВА

ПО ДУШАМ

■ Поздний вечер. Сидим с Бабаем на камбузе. Чаевоничаем.

Чай у Бабая особой заварки — мне такого пить не приходилось. Привычным жестом бросает он горсть урюка в большой эмалированный кофейник. Заливает почти доверху водой. Ставит на огонь. Рядом, на другой конфорке, уже посипывает чайник.

— Ну, вот и готово!

Длинной ложкой Бабай достает и выкладывает в мою чашку несколько распаренных урючин, заливает их заваркой, потом добавляет настоя из кофейника.

Славный получается напиток — с тонким, нежным ароматом. Пока пью, Бабай внимательно следит за выражением моего лица и явно наслаждается, видя мое неприятное удовольствие.

Чашка пустеет. Тут же следует предложение повторить. С уточнением: «Урюк зрение укрепляет». Может, и впрямь укрепляет. Бабай подвижен, осанист, но как-никак дед, внуки пошли, шестой десяток давно уж разменял — седьмой наджигается. А зрение — молодой позавидует. С любыми делами Бабай без очков управляется.

— Давно такой чай пьете?

— Давно. Лет двадцать, наверное.

— И только чай?

Бабая вопрос не смущает.

— Если вы на водку намекаете, то в молодости, случалось, выпивал — по праздникам, за компанию стопку-другую. Но так, чтобы себя не помнить, — нет, этого не было. А когда старший сын в школу пошел, я сам себе слово дал — все, больше ни капли. С тех пор не пью. Совсем.

Идет разговор о жизни. У Бабая она простая и сложная — как у многих, должно быть. Но не все, как Бабай, самые глубокие зарубки в памяти оставляют о хорошем, светлом и добром.

Что помнит из своего военного детства? Смотрел в окно. По улице шли новобранцы — приезжие ребята, ожидавшие со дня на день отправки на фронт. На улице мороз, какого давно в Казани не

БАБАЙ И ФУНКЦИОНЕР,

или кому бороться за трезвость

было. Ребята увидели в окне мальчонку, в шутку жестами стали показывать: пусть, мол, погреться. Он в ответ, тоже жестами: заходите, чего там. От такого оборота парни поначалу даже растерялись: чужой для них город — и так запросто в дом приглашают. А мальчонка продолжает рукой махать: ну, чего же вы! Пошли. В комнате стыло, но все ж теплей, чем на улице. Жалкими остатками дров вскипятили воду. Парни достали пайки, поделились нехитрой едой с хозяином. Тогда, впервые за много дней, он почувствовал себя почти сытым.

На следующий день снова принимал гостей и... гостинцы. У одного в руках палка, у второго — поломанный ящик, у третьего — обренок доски. Пусть не дрова, но горят. Растопили печурку, нагрели воду. Снова он почти сыт, а в комнате почти тепло.

Сколько ему тогда было? Двадцать или тринадцать? Точно уже не помнит. А лица тех парней и сейчас перед глазами.

Речь у Бабая бесхитростная, но очень подвижная — в полной гармонии с открытым характером. Да и что ему скрывать, если дальше сил своих не ходил. Вырос — на завод подался. Двадцать шесть лет кузнецом отработал. На одном месте. Профессия горячая — в пятьдесят пенсию определили. Тут как раз у младшего сына дочка на свет появилась. Роды были тяжелые. Невестка долго хворала. И у малышки здоровье слабое. А в доме свободные руки. Короче, Бабай год в няньках ходил, пока мать с дочкой не окрепли. — Как же я за тот год по настоящему делу соскучился!

Дело, конечно, нашлось. По совету знакомого Бабай оказался в доке — стал рабочим-ремонтником. Судно досталось — смотреть страшно. Четыре года стоял на приколе теплоход, дожидаясь капитального ремонта. И без того потрепанный, он — за четыре-то года непризорности — превратился в корыто с рухлядью. Вспо-

минать об этом спокойно Бабай не может: «Это ж надо — так с добром обращаться! Начали бы ремонт вовремя — сколько средств сэкономили бы».

Вернув теплоход к жизни, Бабай так и не смог с ним расстаться. Попросил зачислить в команду матросом. С тех пор плавает: на счету уже пять навигаций. А зимой надо чинить-латать старушку посудину. Это Бабаю по душе.

Старший по возрасту, младший по званию. В команде к нему все: Бабай да Бабай. Несерьезно как-то. Потом объяснили: Бабай — по-татарски значит дедушка. И уточнили: не презрительное — дед, не снисходительное — дедуля, а именно ласково-уважительное — дедушка.

Еще в день знакомства от моего вопроса: «А как по имени-отчеству?» Бабай смущенно отмахнулся: ни к чему это. Но когда однажды пришла на обед и, выбрав свободное место — у стеночки, села, повариха вежливо, но настойчиво попросила: «Пересядьте, пожалуйста. Здесь Бабай сидит. Он еще не обедал». Устыдилась своей неловкости. Но ведь по моим наблюдениям — коротким, правда, — все члены команды, вплоть до капитана, садились за большой общий обеденный стол где придется — без разбору. И вот узнаю: матросы заметили, что место у стеночки Бабаю нравится больше других, — решили, не сговариваясь, впредь сюда не садиться.

Две недели длилась наша поездка. Общались с Бабаем каждый день и всегда видели его спокойным, приветливым. Был он также предупредительным, но без тени угодливости.

А сколько Бабай историй знает — лукавых, потешных.

В слушателях у Бабая недостатка нет. Тянутся к нему люди.

Общительный по природе, он умеет, однако, быть ненавязчивым, даже незаметным. Но в этом больше проявления достоинства, нежели стеснительности, хотя и такой черты характера Бабай не лишен.

Да, своим достоинством он дорожит. Если надо — стоит за себя, в обиду не даст.

Был случай. Кузнецом тогда работал. Простыл сильно, температура подскочила, кашель одолел. Отправился в поликлинику. Только переступил порог кабинета врача, как тот, едва взглянув на Бабая, отчетливо проворчал: «С перепоя, поди, заболел». Как же оскорбился Бабай! Не столько за себя, столько за дело свое, которому отдал уже немало лет. В работе с раскаленным металлом опалилось его лицо — кожа приобрела красноватый оттенок. Это-то и подвело врача: принял Бабая за алкаша. Эх, напрасно принял. Ничего не сказал Бабай, повернулся, вышел из кабинета и прямым к главному врачу поликлиники. Нет, не с жалобой, а с требованием: «Хочу, чтобы анализы сделали. Пусть не на глазок, а по-ученому докажут, что я выпивоха». Начались расспросы: что да как? А Бабай на своем стоит: делайте анализы. В конце концов разобрались, что к чему. Врача к ответу призвали. А тот ужом вьется: «Прости, отец. Обознался я. Сказал, не подумав».

Выписали Бабаю больничный лист. Оформили все, как положено. Вскоре он поправился, но от той обиды долго еще остыть не мог. Зол был на врача-грубияна, на ханыг разных, что от пьянок занедужат, а потом ходят, околачиваются по поликлиникам — «права качают», больничный лист требуют...

Пожалуй, с того самого времени Бабай, где может и как может, людей на трезвую жизнь нацеливает. Завода эта ему не в тягость, потому как средством влияния выбрал приятность общения. Чайком ублажить, байкой потешить, в баньку заманить, до которой сам большой охотник. А заодно и дельный совет дать или помочь в запутанном семейном конфликте разобратся.

К его словам прислушиваются, ему доверяют. Да и как иначе,

если право на доверие жизнью своей доказал. Двух сыновей поставил на ноги: оба рабочие парни, непьющие, в деле своем мастера. Гордятся ими Бабай.

В той же поездке довелось познакомиться еще с одним человеком. Не называю его фамилии не потому, что хочу уйти от конкретности. Просто больно уж «неосязаем», неконкретен тот человек. Зато типичен — как все функционеры, для которых важна принадлежность к учреждению, но не к делу. Я и назову его — Функционер.

Кораблик наш бодро мотался между плавбазами... Стоял сентябрь, по берегам Камского водохранилища начинали стыть деревья, а небо приобрело отчужденный, резкий оттенок. Невесело становилось в природе... Люди с плавбаз да земснарядов приходили на наш кораблик, носивший выдержанное в духе тридцатых годов имя «Активист», тяжело ступали по верткой его палубе, интересовались фильмами и новостями. С фильмами было негусто, их вообще-то оказалось — раз-два и обчелся, нашелся среди них один французский, не бог весть что... вот его и крутили... А вместо новостей предлагали людям лекции о вреде пьянства и пользе трезвости...

Они сидели в тесном кинозале — усталые, только что со смены, с детьми, а куда их пристроить, на кого оставить? По девять-десять месяцев живут они на реке, добывают гравий... Быт их проще некуда: тесная каюта, тесная кухня, плохо работающий телевизор. Иногда представляется возможность съездить на берег, иногда пришвартуется «магазин» — плавучее изобретение УРСа. Газеты и журналы — по случаю, с опозданием в месяц, а то и больше. Сейчас навигация шла к концу, силы их были на пределе.

Никаких лекций мы им не читали. Садились поближе, расспрашивали о житье-бытье. Они выведывали у нас «секреты» столичной жизни. Студенческая агитбригада, что сопровождала нас в той поездке, показывала им смешные, бесхитростные сценки. Люди хоть немного оттаивали. Что-то такое доброе и теплое возникало между нами, человеческое. И о пьянстве мы с ними говорили, и о трезвости, и о детях, и о семьях, даже о

международном положении, даже о премьерях в московских театрах...

Функционер в наших ежедневных посиделках не участвовал. До мужиков в разношенной кирзе, до обвешанных детьми теток с неженскими, обветренными лицами не опускался. Был он штатным работником совета Общества борьбы за трезвость, и, судя по всему, это придавало ему необыкновенный вес в собственных глазах. На нашу же суету он поглядывал презрительно и чуть раздраженно, ибо шла она неустанно, сама по себе, без указаний сверху. Да и не нуждались мы в Функционере, не до него было... Впрочем, иногда на его лице виделась напряженная работа мысли: решал, по-видимому, куда бы себя пристроить.

Функционер преображался на официальных приемах. Он прямо-таки купался в лучах официального гостеприимства, гордо восседал в президиумах, выслушивая возбужденные стенания местных чиновников, что они за трезвость готовы положить хоть всю вселенную.

Он всходил на трибуну. И начинал бороться за трезвость, пользуясь для этого какой-то невнятной, тщательной оберегаемой им от постороннего глаза разработкой. Говорил длинно и косноязычно, перемалывая что-то не им придуманное и не им написанное. Аудитория, поначалу назлектризованная новизной темы, быстро приходила в привычное уныние: сколько таких выступлений уже было — тьма... И все без толку, и все ради каких-то неясных амбиций и мимолетной похвалы начальства.

Функционер все говорил и говорил. И чувствовалось, что никак не может остановиться. Он сливался с трибуной, он возносился в какие-то непонятные эмпиреи, высланные казенными ковравыми дорожками и уставленные двухтумбовыми министерскими столами с телефонами, с арифмометрами, с папками, украшенными золотым тиснением: «На подпись».

Вот такая получалась трезвость. Директивная! Куда до нее полуграмотному чаевнику Бабаю, куда до нее усталым людям с плавбаз... Оторвать от этой трезвости Функционера мог только приближающийся обед. К приему пищи

он относился трепетно и неформально.

В конце концов привелось мне услышать, как один из председателей клубов трезвости, пришедший на встречу с Функционером в надежде услышать толковое, интересное и полезное, не стесняясь, произнес: «После такой агитации за трезвость, честное слово, напиться хочется». И окружающие дружно поддержали его...

* * *

Немало воды утекло с тех пор. Не знаю: работает ли Бабай на своем «Активисте», продолжает ли потчевать знакомых и мало-знакомых целебным своим чаем. А с Функционером пока все в порядке. Он по-прежнему в трезвенническом движении. Впрочем, смени он свою полярность на противоположную, — не растерялся бы наш функционер, сохранился бы, выплыл и с не меньшим восторгом прославлял бы то, что будет приказано, что отмерено циркулярами и методичками. Говорят, трезвость в тупике, трезвенническое движение переживает кризис. Ищут причины этого кризиса. То одно предлагают, то другое.

Не претендую я на глобальность своих выводов. Но постоянно вижу я перед собой двух людей: живого, колдующего над чайником, сбрасывающего трап, нужного и уважаемого всеми за честность, прямоту и доброту Бабая и Функционера, самоуверенного, говорливого... И думается мне, что отдали мы чистое, честное и святое дело последнему, забыв о людях, пришедших к трезвости самой своей жизнью, судьбой и душой... Ну а функционерам только дай волю, они и страну-то в кризис чуть не вогнали, словоблудие их и безразличие, нахрапистая некомпетентность и формализм дорого нам обошлись и обойдутся. Пожалуй, они хуже откровенных наших противников...

Вот если бы опереться на Бабая. Бабай-то ради правого дела все выдержит и другим упасть и отступить не позволит.

Н. СЕМИЛЕТОВА

ПУСТЬ ЗНАЕТ, ЧТО ЛЮБИМ

25 августа прошлого года в газете «Правда» опубликовано постановление Совета Министров СССР «О создании детских домов семейного типа».

■ Дом. Семья. Дети. Эти понятия в привычном нашем сознании почти синонимичны: если дом, то и семья. А если семья, значит, дети.

Однако все чаще в последние годы это триединство трагически ломается. Все больше бездетных семей; все больше домов, полных детей, не имеющих семьи,— это детские дома и Дома ребенка. Матери и отцы отказываются от детей, бросают их...

Вдумайтесь только: матери, отталкивающие от себя детей!

При чтении постановления Совмина «О создании детских домов семейного типа» мне виделся один из самых решительных шагов перестройки, преодолевающий трагический разрыв между личным и общественным интересом в области наиболее деликатной — в области воспитания детей, оказавшихся без родителей.

Десять лет прошло с той осени 1978 года, когда я знакомилась в Польше с практикой воспитания социальных сирот, убеждаясь, что здесь действительно нашли выход из тупика: обычным государственным детским домам здесь противостоял семейный детский дом. Ребенок вырастает полноценной, устойчивой к невзгодам жизни личностью, когда он на уровне инстинкта уверен, что любим кем-то, кому-то необходим, лично, со всеми своими потрошками. Ребенку нужна семья, а не казарма. Ему нужна мама, а не воспитательница — одна на 25 человек. Из этой истины и исходили поляки.

Детей здесь берут в семью не усыновляя, лишь для воспитания. И государство или какая-то крупная общественная организация, общественный фонд помогает таким семьям материально. **Детский дом семейного типа — по сути своей — своеобразный кооператив, где объединяются усилия частного лица и государства.**

Супруги (или одна мама) создают семью для детей-сирот, а госу-

дарство строит для них дом. И единственный вид прибыли такого «кооператива» — здоровье ребятишек, их счастье иметь маму и свой дом.

Так в Польше. Так и в Чехословакии. В Венгрии. В Австрии. Как же получилось, что мы, страна, где во время войны возникали стихийно сотни, а может, и тысячи таких семейных детских домов — в одном Узбекистане сколько их было! — сегодня отстаем в этом деле и от социалистических стран Европы, и от Австрии? Там это движение началось сразу после разгрома фашизма. Даже всплеск общественной активности и внимания к детям-сиротам в 1979 году (Год ребенка) не имел у нас в стране последствий.

Сейчас вспомнишь — как же все было робко, полупешотом... Мне, например, в корреспонденции о польском опыте запретили прямое обращение к читателям — последовать этому опыту. И все равно люди откликнулись. И среди них Зоя Владимировна Бородаевская из новосибирского Академгородка. Она рассказала, что давно берет к себе в семью девочек соседнего детского дома, чтобы подлечить и подкормить. Они живут у нее месяцами, ходят в местную школу, летом едут с ней в санаторий. Если бы государство могло адресовать Зое Владимировне те средства, которые идут на девочек в детском доме, она бы с огромной радостью повела такой, как в Польше, семейный детский дом, так писала Бородаевская. Писала еще, что ее родная дочка Лариса разделяет ее убеждения и будет ей помогать. (Скажу сразу: сегодня семья Бородаевских — первая в Новосибирской области — участвует в эксперименте «Семейный детский дом»). Но в те годы непреходимой преградой встало на пути эксперимента Министерство просвещения РСФСР. А было получено согласие руководства Академии наук СССР, его Сибирского

отделения. Вице-президент Академии, депутат Верховного Совета СССР академик А. А. Трофимук горячо откликнулся на предложение Бородаевской: уже шла речь о коттедже для семьи с большим земельным участком, о прикреплении к определенному магазину. Нужно было лишь согласие министерства. «Нет,— сказала тогда заместитель министра по Российской Федерации Баясная,— мы смотрели этот опыт и в Польше, и в Венгрии, и в Чехословакии — для нашей страны он не подходит».

Нужен был общегосударственный поворот — к человеку, то есть перестройка, чтоб стало возможным общественное движение навстречу обездоленным детям. Тут только и пошла в рост идея семейных детских домов.

Расти ей было из чего: к счастью, живая жизнь не подвластна министерству, эксперимент, самодеятельный, частный, шел вопреки запретам. Никого не спрашиваясь, не прося ничьей помощи, семьи брали к себе детей, так или иначе лишенных родителей, из детдомов, из Домов ребенка. Женщины-матери делали государственное дело вопреки государственной воле, только потому, что таково было их личное пристрастие.

Сегодня по восемь лет насчитывают семьи Галины Веняминовны Рожковой из Иркутска (пять приемных детей, двое родных) и Элеоноры Сергеевны Павловской из Риги (пять приемных, трое своих); более десяти лет берет к себе детей из детдома Зоя Владимировна Бородаевская — четырнадцать человек прошло через ее семью; через семью Аллы Александровны Зеленюк — восемь. Они все уже работают, и недавно Алла Александровна стала бабушкой. А ведь когда она взяла из школы-интерната Виту, то было семь лет...

Знаю лично всех этих женщин и могу сказать: раз есть они, есть из

Внимание: детство!

чего расти доброму в человечестве.

Почему они брали к себе детишек? И выбирали именно самых заморенных, больных? Каждая отвечала одними и теми же словами: «Невозможно было на них смотреть...» Они брали детей как спасатели.

А. А. Зеленюк привела к себе трех первоклассниц, у которых от истощения, как у новорожденных, не держались головки.

З. В. Бородаевская одну из своих привезла с новогодней елки, которую проводила в детдоме, — девочка задыхалась от кашля, горела от жары, но вышла к елке. Дома оказалось: воспаление легких.

Три года назад Э. С. Павловская взяла мальчика из Дома ребенка в Запорожье. Ему было 3,5 года, а вид — трехмесячного. На ногах не стоял — рахит. Сотрудники дома ей говорили: «Ну вы и выбрали! Он же никогда не будет ходить». Сейчас он не просто ходит — бегает. Правда, не может долго: все таки ноги устают. До сих пор не пришел в норму и его живот рахитика. И до сих пор, если думает, что его не видит, он раскачивается в постели с боку на бок — «госпитальный синдром», следствие роста вне игры, вне эмоций. Старший воспитатель Павловской (ему сейчас 8 лет) взят из больницы, прямо из-под капельницы: лежал там от Дома ребенка, долго, безнадежно. К году головка его была вся мягкая, как мяч. Гемоглобин — на грани исчезновения. Элеонора Сергеевна подняла его с помощью гранатового сока. Благо, тогда гранаты были дешевы на Украине. (Лето она всегда с детьми проводит в Михайловке Запорожской области, оттуда и трех первых воспитанников взяла.) Давила она эти гранаты день и ночь, поила ребенка каждый час.

Кто бы с ним так возился в Доме ребенка? В больнице? Сейчас Роланд — стройный, красивый мальчик. Художественно одарен — рисует замечательно. А ведь угасание (иначе не назовешь) его жизни в Доме ребенка стоило государству триста (!) рублей в месяц. — Эх, если б мне хоть по 50, хоть и по 30 рублей давали на них! — мечтательно восклицала Элеонора Сергеевна в разговоре со мной...

Очень важно знать, что каждая из наших героинь так или иначе связана с воспитательными госу-

дарственными учреждениями: Зеленюк работала, а Павловская и сейчас работает в школе-интернате для сирот и детей, лишенных родительской опеки. Бородаевская хорошо знает детский дом, над которым шефствовал ее институт (Геологии, геофизики Сибирского отделения Академии наук СССР). Только Г. В. Рожкова работала в обычном детском саду. Но у нее был свой опыт — она как родная выросла в чужой семье. А Зое Бородаевской и Эле Павловской пришлось отведать и детдомовской жизни, когда война разлучила их на время с матерями. Не понаслышке знали они, каково детям и какие они в детдомах.

Чтобы лечить, кормить, выхаживать (А. А. Зеленюк возила своих девчат и в Одессу на море, и в Трускавец — все же с холециститом) — надо было зарабатывать. И они не давали себе передышки: инженер — геолог Бородаевская бегала вечерами мыть полы в университете, сажала картошку, лелеяла свой сад — весь прикорм оттуда; Рожкова — у нее высшее педагогическое образование — в последнее время, не имея возможности ходить на работу из-за малых детей, тоже мыла ночами лестницы в своем подъезде.

Алла Александровна подрабатывала шитьем, после того как всех обиходит и все приготавливает. У всех у них, несмотря на разные профессии, одинаковые руки: загрубелые, жестковатые, изработанные руки крестьянок. Вот Элеонора Сергеевна, она смеется, когда говорит: «Что деньги? Зарабатываем!» Никогда не пожалуется на тягости — такой легкий улыбчивый человек, — а ведь, выезжая со всей семьей на Украину (каждое лето

на три-четыре месяца), она работает там в поле. И когда едет туда — билеты у нее лишь в один конец. На обратную дорогу тоже надо еще заработать.

Существует, давит на плечи и еще одна «тягота» — молва людская. На людей трудно угодить, коли ты выбился из общего ряда. Они покосятся и на то, что дети Павловской всегда красиво одеты, всегда как на праздник. И на то, что Бородаевская обливает своих на улице и на снег их босыми выводит. Они постарались объяснить детям Рожковой, что мама им — не родная. Из-за этих «милых» людей семье пришлось трижды переезжать из города в город... Однако не забудем еще об одном «поле сопротивления» энтузиастам, которое заявляет о себе и сегодня, и заявляет в полный голос, несмотря на постановление Совета Министров СССР. Какие человеческие качества необходимы, чтобы противостоять ему? Я имею в виду «поле сопротивления» местных властей.

До сих пор на практике было так. Например, идет Павловская в свой родной Московский райисполком (г. Рига) и просит выписать ей книжку многодетной матери — детей (несовершеннолетних) шестеро, старшей 8 лет, младшему — 3,5. В ответ: «Ишь, какая... У тебя всего одна своя дочь. Остальные не родные».

Или просит она перевести своих малышек в один детсад, а то они в трех разных садиках. По утрам хоть разорвись.

В ответ: «Сама их натаскала, сама и крутись». Что ж, вариант ответа, хорошо знакомый и обычным многодетным матерям: «Нарожали, вот и разбирайтесь сами».

Но Павловской было не привыкать к борьбе за существование. Она поехала в Москву, в приемную Верховного Совета СССР. Только тогда было решено ее малюсенькое, в масштабе чисто районном, дело о трех садиках. Там же, в Москве, разрешили еще одно затруднение: освободить ее от платы за детские садики.

Бывало, правда, и «миловали» Павловскую: плату за ее квартиру райисполком взял на себя добровольно. Тоже не без разговоров о том, что, если нет средств, нечего и детей брать. Детей надо давать людям, у которых все есть: просторный собственный дом, машина, сад, дача... Так полагал тогдашний предрайисполкома. Спросить бы его: знает он хоть одного такого, у кого все есть, и кто бы захотел взять к себе даже одного-единственного ребенка с рахитом, золотухой, недержанием мочи и проч.?

И вот — произошло. Постановление Совета Министров СССР «О создании детских домов семейного типа» вдруг меняет ориентировку местной власти: нестандартная семья становится собственным ее учреждением. Кричать

ура или задуматься о чрезвычайной щекотливости ситуации?.. Ведь на местах в управлениях народным образованием, может, за малым исключением, остаются все те же люди, которые были и до перестройки.

Да, государство выразило свою волю. Для семей, где будут воспитываться дети-сироты, предусмотрено строительство детских городков — от десяти до двадцати одноквартирных, из многих комнат, домов с земельными участками, чтобы было где трудиться и отдыхать. При таком городке должны быть детский сад, средняя школа с клубным комплексом, спортивно-оздоровительный центр с бассейном. Конечно, всеми этими благами будут пользоваться и дети, живущие в округе. И это очень здорово: появится культурный центр, где семейное и общественное воспитание вступит в тесный союз; здесь может возникнуть великолепная школа для родителей, школа гуманного отношения к детям, обмена опытом.

Строить городки, согласно постановлению, будут в 14 союзных республиках. Везде свои особен-

ности; традиции. Сибирь не похожа на Украину, Узбекистан на Латвию. И возникнет каждый городок не вдруг, хотя «намечено построить «под ключ», как сказано в постановлении Совмина СССР, в 1988—1991 годах 30 детских городков». Но вот отношение к ним должно быть единым.

Для этого предстоит решить целый ряд вопросов. Ну скажем: какой должна быть сама семья? Полной — с папой и мамой — или можно вести ее одной маме? Или — какой возраст мамы предпочтительнее? Уровень образования?

Да, есть зарубежный опыт. В Австрии семейный детский дом ведет одинокая женщина. Считается, что собственные дети и муж отвлекают от воспитанников. А в Чехословакии и Польше — обязательное условие: полнота семьи.

Окончание с. 54

ДНО

■ Звали его Пашкой, а фамилия... он на нее давно не претендовал. Умер Пашка на седьмой день. Врачи думали, что выкарабкается, а его стали бить судороги, и начал он синеть лицом... Бегали куда-то сестры, дребезжали неизвестным прибором. Да все оказалось зря. Лежал. Отмалчивался. Почти ничего не ел. А за день до смерти рассказал Пашка мне свою историю. И я узнал, что есть Дно.

* * *

Нырнул Пашка на Дно в родном ЖЭКе. Был у ЖЭКа подвал. А в подвале спортивный зал. А там — каждый вечер — уроки каратэ: отжимания на кулаках, кувырки, шпагаты. Целая наука. А науке обучал «приблудный» тренер. Якобы общественник. «Сэнсей». Звонкое словечко. Непонятное. Хором его орали.

За усердие был Пашка отмечен учителем. Скоро стал близким человеком, «сэмпаем» — первым помощником: мыл учителю машину, белье в стирку носил, вещи в химчистку.

Тренировался самозабвенно, до изменения. Книгу раздобыл, с картинками — азбука каратэ. Прикинул: «сэнсей» им мозги пудрил, арапа вкручивал. Сам видел, как случайный прохожий по какому-то пустячному поводу так отоварил всеильного учителя, что пришлось того нэ себе домой влодь, приводить в чувство и три дня ему за водкой бегать, чтобы обиду с души оттянуло.

Только понял Пашка, что и не в каратэ дело. Что руки-ноги и прочие самурайские причиндалы в жизни, по мумору выражению шефа, «роли не играют». Потому что можно прийти в ЖЭК, отстегнуть девчонке-начальнице сотню, снять подвал, развесить объявления и каждый вечер выходить к прыщавым оболтусам в шелковом халате и нести им псевдоазиатскую ахию. И драть с них деньги. Деньги липли к «сэню», он их уже перестал считать, особенно после того, как купил себе вторую машину... Для Пашки все стало ясно. Он легко стартовал из мира заезженных, захватанных истин в иную вселенную, где все было до жути просто.

Во время Пашкиного «перелета», когда он только-только начинал примерять новую вселенную на себя, «сэню» на рассвете увезли

в «бутырки», потом еще дальше, в гостеприимный Коми на долгие десять лет, а все, что нажил учитель за годы своего подвижничества, без лишней суеты конфисковали.

А когда все улеглось да поутихло, попробовал Пашка сначала заменить учителя. Впрочем, ни черта не вышло. Не потянул. Да и как потянуть: если связи не те, да и голова не так быстро соображает.

Но Дно уже схватило Пашку. Нужен он оказался обитателям Дна — людям серьезным, шуток непонимающим. Пригласили Пашку бильярдные и карточные долги выбивать. Стали тут Пашке хорошие деньги обламываться. И забрезжило перед Пашкой прежнее видение нездешней, воздушной жизни с длинноногой королевой.

Вместо нездешней жизни пришлось Пашке отведать копеечных больничных харчей, ну а королевой стала санитарка Маша — «Мария-царевна».

Потому как купил-таки себе Пашка автомобиль и врезался во встречный «Москвич». Отделался, в общем-то, дешево — ногу сломал, но загремел он с этой сломанной ногой аж на полгода в травматологию.

* * *

На трибуне утвердился аккуратный одетый молодой человек. — Мы не сможем успешно бороться с наркоманией до тех пор, пока не выработаем единой концепции понимания этого социального зла...

* * *

— Завел, — сказали сзади. — Лучше бы рассказал, из чего ЛСД делают. Честное слово, лучше бы обо всем этом и не знать. Жили себе спокойно...

* * *

В жизни у Маши было так. Устроилась работать стюардессой. В восемнадцать лет побывала и в Лондоне, и в Париже, летала и в Нью-Йорк, благо совершал ее самолет международные рейсы. Правда, не совсем обычный самолет. Экипаж-то был простенький. Всего четыре человека — пилот, он же кассир, и три стюардессы. Стоимость полета была разной. Два часа в воздухе с горячим завтраком — 50 рублей. Самолетом служил старенький, без колес автобус, тихо-мирно стоявший на зеленом дачном участке. Пассажиры были людьми спокойными и состоятельными. Очень

Зал оказался забитым до отказа. Сквозь настороженный шум прорывались обрывки фраз: «Дожили, ничего не скажешь».

— «В тундру, в пустыни, в каменоломни». — «Быть такого не может». — «Не учли опасности». — «Делали вид». — «Все наши дети под угрозой». — «Что вы хотите! Тянемся за Западом, вот и добрались до наркотиков». — «Можно подумать, их раньше не было».

Потом уселся на свои места президиум, шум утих. И «мероприятие» покатило по хорошо известной, привычной колее...

Выступавший говорил поставленным голосом и почти не пользовался написанной заранее шпаргалкой.

— Таким образом, на повестку дня встает вопрос интенсивной борьбы с наркоманией. Для этого следует разработать комплекс мер, привлечь общественность, особенно комсомол... Нам надо объединить усилия... Беспощадно выкорчевывать зло... Добиться решительных успехов.

— Эх, — раздалось у меня за спиной, — что он все общими фразами! Фактуры бы побольше да пострашней.

боялись шума и лишних глаз. В полете же их обслуживали девушки. Два года пролетала Маша, и все бы хорошо, но вот однажды у постоянного пассажира не хватило денег на полет до Мадрида, и был он выброшен без парашюта с переломанными ногами. Пассажир оказался важной персоной и на следующий день прислал авторитетную «комиссию». Комиссия разобралась быстро. Самолетик польхнул. У пилота отобрали чулок с добром и отправили отдыхать в загородную больницу. Девочкам отбили почки и охоту к ремеслу. Первое время с ужасом вспоминала Маша, как была подвешена за одну ногу, как хотели ее забить — но пожалели. С тех пор засыпала только со снотворным, потом перешла на морфий. И скрутило Машу Дно. Молодость откачивалась стремительно. Все чаще насадала смертная, черная тоска. И вот случай. Глянула на Пашку...

Наутро он уже лежал один в четырехместной палате. Был телевизор, холодильник, набитый всякой всячиной. Нога не беспокоила, боли, что выворачивали наизнанку в первые дни, исчезли. Да и какие боли, когда у Маши всегда шприц наготове. И узнал Пашка, что выше морфинного рая в жизни ничего нет.

Из больницы перебрался долечиваться в Машину квартиру. Подумаешь, нога стала короче, зато Маша рядом, с ней нескучно, беззаботно, все ладно, все под рукой. Главное же — шприц, наполненный чудом и счастьем. Да и в кубышке было еще много на безоблачную жизнь... Враз все кончилось. Попала Маша в тюрьму.

Сначала вырчали Машины подружки. Потом заявили, что не альтруистки, хочешь «раскумариться» — плати. Он платил. Кубышка пустела — «стекло» (ампулы с морфием) с каждым днем дорожало. Правда, уже понял Пашка, что с иглы просто так не слезешь. И понял, что окончательно перебрался на Дно, финишировал. И на собственной шкуре усвоил Пашка еще один самый главный урок: ничего нет на свете мерзостнее того ада, в котором копошится человек, когда кончается у него «марафет».

на вокзале. Слетела к нему райской птичкой и привела домой на кухню, поделилась, чем могла. И время исчезло...

— Мы должны организовать надежную антинаркотическую пропаганду, — оратор из-под очков посмотрел в зал. — Необходимо разработать конспекты лекций, размножить их, подобрать грамотных людей — и пусть читают как можно больше лекций...

Уж кто был корифеем всех подпольных наук, так это Женька. Длинная, худая, зубы вперед. «Вешалка». И подслушанная где-то фраза всегда наготове: на игле все равны — и принц, и нищий. Ездил Женька на дербан — сбор мака, всегда возвращалась домой с добычей. И начиналось священнодействие. На кухне варилось, парилось, сцезивалось. Женька по такому случаю изучала химию. Рецептов знала уйма... Только нужен был Женьке человек, мальчик для сбыта, чтобы держать хлопца на коротком, жестком поводке и подпускать в нужное место, в нужный момент.

Да только и Женька исчезла. Пришел, а дверь опечатана. Знакомые страдалцы поведали, что уpekли Женьку так, что и не разыщешь, отмерили от души, на треть жизни наркомана. Тогда Пашка прибился к бильярдной. Гардеробщиком там работал Гусь — человек с биографией. Знал, что чего стоит. Он-то и посоветовал анашой приторговывать. И тут же свел с нужным человеком. Нужный человек был добр и словоохотлив, хотя порусски лопотал плохо. Зато аллаха вспоминал к месту и не к месту. Принес два пакета травки. Денег не взял. Сказал: «Наваришь — взрнэшь».

И пошла купля-продажа. Травка шла хорошо, бойко. Коробок — по 15 рублей. А деньги азиатскому человеку отдавать и не думал. Мало, мало он их вытряс! Нужен был Пашке морфий, нужна была морфинная, чистая дурь...

Били Пашку нездешние специалисты. Рука летела плетью, в кулак сжималась в последний момент. Падая, вспомнил «науку»: левой ногой зацепить, правой смаху под колено... Не успел. Жгучая боль вонзилась в затылок.

* * *
К концу совещания зал опустел наполовину. Что-то быстро проговорил председательствующий. Кто-то прочитал приятно удививший своей краткостью итоговый документ.
Была пятница. Все спешили домой.

* * *
Научившись любить покой и себя в этом покое, мы удивляемся и возмущаемся, что вот-де появилась откуда ни возьмись у нас сугубо заграничная криминальная напасть, что никак не могут милиция и комсомол справиться с наркоманами, что медицина не в состоянии их вылечить. Полюбив покой, мы сделались большими мастерами рассуждать о том, что лежит на поверхности, что бьет в глаза.

Я видел, как хоронили Пашку. В морг пришел только один человек: Пашкин отец. Я принес ему забытый санитарями в палате бумажник с какими-то справками.

— Это я во всем виноват, — сказал Пашкин отец и вместе с шофером принялся заталкивать гроб в катафалк.

Пашкин отец не рассчитывал на сочувствие. Он действительно ощущал себя виноватым...

Куда денется наше красноречие, когда мы узнаем, что упали на Дно наш сын или дочь? Будем искать виновных на стороне? Но ведь это мы гнали наших детей. И они прекрасно знали, что их надувают, что им насильно подсовывают давшие течь лозунги. Потому и начинали они искать способ существования, в котором не надо подстраиваться под имеющуюся конъюнктуру, в котором не надо думать о всех необходимых противоречиях, с которыми приходилось сталкиваться в школе, дома, на улице. Вот и вдарилась ребята в непонятный, агрессивный рок, вот и появились у нас свои «панки», «хиппи», «фаны», вот и прижилась наркомания — самый оптимальный вариант для того, чтобы зачеркнуть раздвоившуюся действительность и добраться до идеальной социальной справедливости: на игле равны и принц, и нищий.

А. ЕЛУФЕРЬЕВ

ХИТРЫ ЛИ ТРЕЗВЕННИКИ НА ВЫДУМКИ

■ Вспомним, как мы учились читать, складывая кубики с наклеенными на них буквами. Весь опыт человечества — его зафиксировала педагогика — свидетельствует о том, что элементы игры — непрменный и часто наиболее действенный метод любого обучения, а отчасти и воспитания. Сказанное верно применительно не только к детям, но и ко взрослым (все шире самыми серьезными организациями используются деловые игры). Впрочем, для доказательства этой истины не надо заглядывать в детсад, достаточно увидеть юношей, подростков и... взрослых, облепивших игровые автоматы, установленные в парках и фойе кинотеатров.

И все же, согласитесь, одно дело — детсад или развлечения молодежи, а другое — такое куда как более серьезное занятие, как трезвенническая пропаганда. Вот почему, признаться, я был по-настоящему приятно удивлен, когда врач-экскурсовод, ознакомив группу пэтэушников с хорошей, но, в общем-то, не блестящей особой новизной выставкой антиалкогольных плакатов, подвела затем подростков к двум нетрадиционным в подобных залах агрегатам, напоминавшим не то диспетчерский пульт, не то справочную установку вроде тех, что стоят в кассах для продажи билетов на самолеты или поезда дальнего следования.

«Летучие слова» — так назывался один из этих двух электрифицированных стендов. На его вертикальной панели, снабженной 24 сигнальными лампочками, запечатлены 24 афоризма, пословицы, поговорки и иные меткие

выражения, оборванные на предпоследнем слове. Рядом с отточием — небольшое матовое табло. Оно «проявится», если играющий правильно угадает продолжение оборванной фразы. Если же не угадает — на верхней панели зажгутся слова: «Ответ неправильный» — и незадачливому игроку запишут «штрафные» очки. Вот, например, первое изречение: «Коли в рюмку ты глядишь, знай, что сам себе...» Нажимаем внизу на горизонтально-наклонной панели третью кнопку сверху, соответствующую слову «вредись», — оно загорается наверху рядом с отточием. Значит, ответ правильный.

По соседству — второй стенд. Он называется «Проверь свои знания» и действует по тому же принципу, что и предыдущий. На верхней панели — 15 вопросов, а на нижней — выстроенные во столько же рядов ответы в 6 вариантах, каждый из которых снабжен соответствующей кнопкой. К примеру, вопрос: «Процент производственных травм на почве пьянства?» Варианты ответов: «10, 15, 20, 25, 30, 35». Мне, в частности, «повезло», и я сразу угадал: нажал на кнопку над цифрой «25» — лампочка осветила изнутри текст вопроса: ответ верен. В противном случае зажглось бы табло «Ответ неправильный» или же «Ответ неполный».

К сожалению, не все вопросы под силу подростку, да и умудренному обычным житейским опытом взрослому человеку. Ну кто, например, кроме людей, по роду своей деятельности знакомых с угловой статистикой, угадает «Процент правонарушений, совер-

шенных на почве пьянства» при столь незначительно различающихся друг от друга вариантах ответа на этот вопрос, как: «80—82, 83—85, 86—89, 90—92, 93—96, 97—100»!

Справедливости ради, однако, следует признать, что при всем относительном несовершенстве описанных стендов они пока что единственные у нас в стране и — как заявили пребывавшие в Центре антиалкогольного воспитания, о котором здесь идет речь, руководители Международной организации обществ трезвости (МООТ) при ООН — даже во всем мире. Выходит, Центр этот, созданный пару лет назад по инициативе главного врача Дома санитарного просвещения Первомайского района Москвы Григория Нисоновича Ройтбурда, пока что, увы, единственный в своем роде.

Причем, если говорить о воспитательной работе Центра с молодежью — а это, согласитесь, сейчас для нас главное направление, — то приходится констатировать, что сегодня его работа еще не коснулась каждого юноши или девушки района — даже учащихся, не говоря уже о молодых рабочих. Практически Центр может принять в своих стенах максимум одну-две группы из каждого учебного заведения района, да и то не чаще одного раза в год. Ребята приходят сюда после занятий, группой по 30—60 человек во главе с классным руководителем как на воспитательный час.

Сначала врач-экскурсовод Дома санитарного просвещения знакомит их с выставкой антиалкогольных плакатов, а затем предлагает им поиграть на стендах в вопросы и ответы. Воспитательный час завершается показом нескольких одночастевых документальных фильмов в конференц-зале Дома. Главврач сумел убедить тех, от кого это зависит, что развернутая антиалкогольная пропаганда среди населения немислима без специальной агитмашины. И вот в этом году Центр наконец получил в свое полное распоряжение новый «рафик». Он будет использован как передвижная выставка и киноустановка.

Кстати, в малом зале Центра уже сейчас действуют автоматическая киноустановка и широкоформатный цветной телевизор с видеоманитофоном. Здесь мож-

но посмотреть более двухсот десятков полнометражных художественных фильмов и документальных киносборников, составленных по рекомендации Центра, которыми уже располагает его видеотека. Они были приобретены у московской фабрики «Копирфильм», выпускающей видеокассеты. Среди этих картин художественные — «Обвиняется свадьба», «Хорошо сидим!», а также тематические сборники киножурналов «Здоровье», выпускаемых как центральными, так и периферийными студиями. Надо ли говорить, как кино усиливает воспитательный эффект, в особенности когда речь идет о работе с подростками.

Но и это еще не все. Игровые стенды это, конечно, очень занимательная форма пропаганды, говорит Г. Н. Ройтбурд. Но если учесть, что на них отводится не более четверти воспитательного часа, а проводится он в стенах Центра с группой, насчитывающей от 30 до 50 подростков, то, спрашивается, сколько же из них реально смогут поиграть? Ну от силы — двое-трое на каждом из двух стендов. Поэтому мы собираемся приобрести в фирме «Детский мир» — по безналичному расчету, разумеется, — несколько десятков крайне дефицитных сегодня электронных игрушек «Гном-2» (цена 10 руб.) и «Стоп-тест» (5 руб.), знакомящих с правилами уличного движения, и своими силами переделать их затем по принципу уже описанных антиалкогольных игровых стендов. И тогда, считает Григорий Нисонович, каждый из ребят, раз в год посещающих Центр в рамках классного часа, сможет сам поиграть в «Летучие слова» и «проверить свои знания». Во всяком случае, договоренность с фирмой о покупке этих игрушек, как только они поступят в продажу, уже достигнута.

Еще одна находка Центра в деле наглядной агитации — это красочные нагрудные значки. Кто из нас не видел на прилавках магазинов 20-копеечные пластмассовые жетоны с изображениями сказочных персонажей (Буратино, Бременских музыкантов и т. п.) Так вот, Г. Н. Ройтбурду пришла в голову мысль превратить эти картинки в антиалкогольные мини-плакаты. Центр закупил несколько сот таких значков, а его фотограф Юрий Милис заменил

в них сказочных персонажей цветными снимками плакатов, покрыв их глянцевой полиэфирной пленкой.

Конечно, и такая наглядная агитация — тоже капля в море для московского района, по населению не уступающего областному городу средней величины. Так что пока описанные значки в основном раздаются в качестве сувениров многочисленным делегациям, чуть ли не ежедневно посещающим Центр в порядке ознакомления с его передовым опытом, и уж, конечно, не доходят до наиболее восприимчивой к такого рода атрибутике молодежи, в частности до учащихся, регулярно посещающих это учреждение.

А жаль! Ведь именно в юности различные эмблемы так притягательны. Нельзя забывать, что они могли бы играть и поощрительную роль. Но, увы, на всех, как говорится, не напасешься. Поэтому пока описанными значками награждаются лишь победители антиалкогольных викторин, устраиваемых в самом большом в столице Измайловском парке культуры и отдыха. И проводит их действующий там под методическим руководством Центра клуб трезвости, занимающий помещенье бывшего однодневного дома отдыха.

До сих пор речь здесь шла лишь о той стороне работы, которая связана с использованием наглядной агитации. К слову сказать, руководитель и душа Центра — Г. Н. Ройтбурд — сам наглядное воплощение тех принципов здорового образа жизни, которые он пропагандирует. Этому живому, как ртуть, энергичному, страстно влюбленному в свое дело человеку никак не дашь больше пятидесяти, хотя ему уже далеко за шестьдесят. Коммунист с 45-летним стажем, Григорий Нисонович после окончания в 1944 году 2-го Московского медицинского института много лет лечил людей и в армии, и на гражданке. Вот уже полтора десятка лет он отвечает за санитарное просвещение в Первомайском районе столицы. А дело ему, прямо скажем, досталось зипуценное. Ведь в доапрельский период отношение к санпросветработе в системе нашего здравоохранения строилось по остаточному принципу. У нас ведь как повелось? Кто «везет» — на того

взваливают еще больше. И вот начиная с 1976 года к многотрудным обязанностям главврача у Ройтбурда добавились еще и не менее ответственные обязанности секретаря парторганизации районного управления здравоохранения. И ничего — тянет.

Конечно, с одной стороны, большая общественная нагрузка изрядно прибавила ему забот, но с другой — помогла привлечь все медицинские учреждения района к активной пропаганде здорового образа жизни, установить тесный контакт с райкомом партии. Особенно крепкую поддержку райком стал нам оказывать, говорит Григорий Нисонович, после принятия Постановления ЦК КПСС от 7 мая 1985 года.

Изобретая новые формы просветительно-воспитательной работы, Центр не отказывается и от традиционных, проверенных временем методов.

Третий год, например, под его эгидой действует годичный народный университет антиалкогольного воспитания с тремя факультетами, занимающимися по 32-часовой программе. Его отделения созданы при всех медицинских учреждениях района и охватывают свыше 160 учебных групп, существующих практически на всех предприятиях, в учебных заведениях и других организациях района. За это время курс этого университета прослушали около 30 тысяч человек — в среднем по 10 тысяч ежегодно.

Располагая ротатором, Центр размножает и распространяет множество памяток, пособий и листовок. И тут тоже в центре внимания — молодежь: ведь именно в юные годы закладывается фундамент здорового образа жизни. «Искусство всякого пропагандиста и всякого агитатора, — говорил В. И. Ленин, — в том и состоит, чтобы наилучшим образом повлиять на данную аудиторию, делая для нее известную истину возможно более убедительной, возможно легче усвояемой, возможно нагляднее и тверже запечатлеваемой».

И в этом плане стоит упомянуть еще об одной методической находке Г. Н. Ройтбурда и его коллег. Они составили, размножили и разослали во все школы района тексты антиалкогольных и антиникотиновых диктантов для 6—10-х классов. Первый из них — «Что делает вино с человеком» —

представляет собой отрывок из известной статьи Льва Толстого. Надо ли доказывать, что могучий талант писателя как бы во сто крат усиливает воздействие его слов на юные души и сердца. Достаточно популярен, убедителен и вместе с тем предельно краток — всего полстраницы — и текст диктанта о вреде курения, рекомендуемый для 7—8-х классов. «Некоторые девушки считают, что курить сейчас модно, иной даже кажется, что сигарета ей «идет», — сказано в нем. — Подумайте сами, кому может «идти» нездоровый цвет лица, хриплый голос, желтые зубы, неприятный запах изо рта?»

Центр не обижен вниманием общественности. О его работе с похвалой отзывались руководители Международной организации общества трезвости, за передовым опытом не раз приезжали гости из братских социалистических стран, в том числе даже из далекой Кубы. Как видим, резонанс немалый. Только бы не соскользнуть нам незаметно, как это, например, случилось в спортивной работе, на путь преимущественного пестования и лелеяния рекордсменов в ущерб подлинной массовости. Нельзя допустить, чтобы и сегодня к успехам трезвеннической работы все еще можно было бы приложить горькие, но справедливые слова Герцена о том, что в России самая большая в мире пушка, которая никогда не стреляла и не выстрелит, и самый большой колокол, который никогда не звонил и не прозвонит. Нельзя допустить, чтобы, как в 30-е годы, мы и сегодня тешили себя иллюзиями, что все у нас «самое, самое, самое». Тем более что знаем, какой ценой за образцовопоказательность потом пришлось — и приходится! — расплачиваться.

Необратимый характер начавшихся в нашем обществе перемен, правда, вселяет веру в то, что времена осточертевшей народу показухи наконец-то безвозвратно уходят в прошлое. Но чтобы они опять не прокрались к нам через черный ход, нужно, чтобы каждый на своем месте добросовестно и с огоньком делал свое дело. Хотя бы вот так, как его делают доктор Ройтбурд и его сотрудники.

В. МАЗОХИН

КОГО ЖАЛЕТЬ?

Потенциального убийцу или возможную жертву?

В нашей стране ежегодно погибает в автомобильных катастрофах от 40 до 50 тысяч человек. А в Эстонской ССР, где самый высокий уровень автомобилизации в Советском Союзе, удалось добиться самого низкого уровня аварийности. Каким образом?

■ Велосипед мы в этом деле изобретать не стали — переняли чужой опыт. В крохотной заметке о Калифорнии вычитали, что там буквально за три года удалось свести до нулевой отметки автомобильные аварии, возникавшие по вине пьяных водителей. Оказывается, на автомобилях водителей, рискнувших сесть за руль в нетрезвом состоянии, меняют номерные знаки. К машине нарушителя прикрепляют номерной знак красного цвета!

Идея смены номерных знаков нам показалась заслуживающей внимания. Правда, с краской ничего не вышло. Решили пойти по другому пути: перед номером ввести букву «о», что можно расшифровать, как опасность или опьянение. Обратились в комиссию по борьбе с пьянством и комиссию по дорожному движению при Совете Министров ЭССР, и два года назад была введена инструкция, разрешающая применять подобное наказание к потенциальным убийцам. Ведь у них из-за потребления алкоголя непосредственно перед выездом на трассу реакция в 25 раз ниже, чем у трезвого водителя!

И хотя эта мера оказалась действенной, в МВД СССР к нашему нововведению отнеслись более чем прохладно: мол, унижаете достоинство человека... А центральная пресса, в частности «Литературная газета» и «Комсомоль-

ская правда», нас поддержали. В корреспонденциях об эстонском «эксперименте» прозвучала мысль: гуманней в данном случае думать о тех, кого пьяный может покалечить или даже убить, а не о тех, кто, не думая о последствиях, садится «навеселе» управлять автомобилем. Я ее полностью разделяю.

Обращусь к некоторым цифрам. За восемь месяцев 1987 года выдано номерных знаков с буквой «о» (опасность, опьянение) 533. За тот же период минувшего года их число увеличилось до 676 (это свидетельствует, на мой взгляд, о том, что госавтоинспекторы стали энергичней работать, не идут на компромиссы с нарушителями). Но пьяных водителей в первом случае было задержано 2 015 человек, а во втором — 1 860. Мы подсчитали: снижение числа пьяных водителей на дорогах республики составило 7,7 процента. Конечно, нам добиться таких разительных успехов, как калифорнийским блюстителям порядка на дорогах — свести аварии по вине нетрезвых автомобилистов к нулю, — вряд ли удастся в ближайшие годы. Видимо, наш водитель бесшабашен, часто рассчитывает на «авось». Авось повезет и его, перебравшего, не остановят. Или — в крайнем случае — оштрафуют, и кати себе дальше. (Один халтурщик мне как-то цинично заявил: «Не испугаешь штрафом, началь-

ник! Заработать червонцы я могу в течение дня!» Вот и весь разговор. Но все же буква «о» в номерном знаке многих устрашает, заставляет испытывать чувство стыда. И анализ последних ЧП свидетельствует: пьяных на дорогах становится меньше.

Ну, а если нарушителя лишили водительских прав сроком на три года и управлять автомобилем взялся кто-то из членов его семьи? Почему безвинный человек должен ездить с позорным его номерным знаком, раздавались на первых порах негодующие голоса. Мы использовали все средства массовой информации — радио, телевидение, республиканскую печать (в том числе спецвыпуск «Вечернего Таллина» «Инфо», предназначенный для водителей и пешеходов), чтобы заставить народ задуматься над следующим: неужели всякий раз, когда речь заходит о выпивках, мы будем кивать на коллектив (он-де обязан таких воспитывать и перевоспитывать!), уповать на общество (оно должно призвать нарушителей к ответу) и забывать о семье? Об ее ответственности за каждого своего члена ячеек? Где, как не в семье, скажите, пожалуйста, наиболее заметен такой порок человека (или в иных случаях болезни), как тяга к спиртному? И если семья, зная об этом пристрастии, мало того что мирится с ним, но и позволяет развезжать на машине ее владельцу после принятия ста, двести граммов или «пол-литры», можно ли ей сочувствовать? Давайте не забывать: наказывая эту семью, не пресекаю пьянство отца или мужа, мы спасаем другую — чей отец, сын, муж, мать, жена или дочь могли попасть под колеса «пьяного автомобиля».

Для того чтобы в республике движение по автодорогам было безопасным, мы делаем много, но иногда с горечью думаем: «Наверное, справедлива поговорка — чем больше делаешь, тем больше бьют». До сих пор приходится выдерживать баталии со своим выстоявшим руководством. Никак там, «наверху», не хотят понять, что снижение уровня аварийности и наши «драконовы» меры, как иногда слышим в свой адрес, тесно взаимосвязаны. Кстати, в Литве, Калмыкии, ряде областей России тоже позаимствовали этот опыт, и — я узнавал — мера оказалась действенной. По правде говоря, работать на

своим посту трудно из-за многих причин. Хотя мы утверждаем, что с началом перестройки гласность занимает наиважнейшее место в нашей жизни, но, увы, пока не во всех вопросах к ней прибегают. Такой конкретный пример: знаем, выйдет новый Указ об ответственности за нарушения правил дорожного движения. А как готовится этот серьезный документ? Наверное, в тиши кабинетов, коль нам — людям, сильно заинтересованным в улучшении ситуации на дорогах, — его не выслали для обсуждения. Разослали руководящему составу с пометкой: к сведению... Хотя предложения у нас имеются, и к ним бы не грех прислушаться... Скажу об одном из них. Ни для кого не секрет, что нетрезвый водитель за рулем автомобиля — это преступник. И если сегодня он им не стал случайно, то завтра от этого не застрахован. В Венгрии, Чехословакии, Франции, США и в других странах для таких водителей существует уголовная ответственность. В США, допустим, за управление автомобилем в нетрезвом виде предусматривается штраф 500 долларов или лишение свободы, в ГДР — 3 тысячи марок и лишение водительских прав от 6 месяцев до 5 лет. Проект же нового законодательства СССР предусматривает за подобное нарушение штраф всего 100 рублей (!?) или лишение водительских прав до трех лет. Не слишком ли мягко по отношению к той категории водителей, по чьей вине происходит двадцать пять процентов всех дорожных происшествий? Мы, практики, не один год проработавшие в этой системе, предлагаем за подобные нарушения установить денежный штраф в размере от 500 рублей до тысячи. Или лишать прав на срок от года до трех. Если штраф не будет уплачен в течение месяца, то автомобиль нарушителя продается в принудительном порядке через комиссионный магазин (с выплатой суммы владельцу).

Прислушаются ли к этому в «верхах»? Не знаю, но что касается Эстонской ССР — многие ее жители за ужесточение наказания подвыпившего водителя.

И все же не только о запретительных мерах стоит сегодня говорить. А воспитание водителей и пешеходов? Тот, кто приезжал в Эстонию на отдых, в командировку или по своим личным делам в начале учебного года в школах, на-

верняка обратил внимание, что первые три сентябрьских дня вся «колесная» республика ездит с ближним светом фар. Это делается прежде всего ради первоклассников. В особые дни своей жизни они должны чувствовать к себе внимание всего народа. Первоклассники идут гордые и счастливые, а водители всех видов транспорта предельно осторожны. Мы анализировали данные по аварийным ситуациям на дорогах, так вот: в первые сентябрьские дни ЧП крайне редки. Республика словно подтягивается, крепнет дисциплина и шоферов, и пешеходов. Кстати, об «особых» днях в Эстонии. Еще один такой день (когда Народный фронт совместно с республиканским советом общества борьбы за трезвость проводил праздник «Песня-88» на Певческом поле и там собрались почти 300 тысяч людей) доказал: если люди ощущают себя единым целым, они способны уберечь себя и окружающих от бесшабашности, лихачества и непоправимых бед. В тот день все дороги республики были запружены автобусами, автомобилями. Казалось, все жители Эстонии от мала до велика выехали в Таллин, чтобы принять участие в празднике. Но представьте себе — автоинспекторы не зафиксировали ни одной аварии!

Значит, можем быть предельно внимательны и ответственны?

Растет число индивидуальных автомобилей в Эстонии. Любопытно, что их у нас сегодня больше, чем личных машин во всем Китае. У нас 195 тысяч, в КНР — 100 тысяч. Но знаете, о чем мы с коллегами мечтаем, чего добиваемся? Чтобы каждый севший за руль был высокопрофессиональным водителем и высоконравственным человеком. Только безнравственные люди, я в этом убежден, способны «прокинуть» перед дорогой рюмочку-другую. И если им совесть позволяет это делать, так неужели мы должны с такими деликатничать, думать об их уязвленном самолюбии?

Смена обычного номерного знака на постыдный — с буквой «о» перед номером — это заслуженная ими кара!

Х. РУМВОЛЬТ,
начальник ГАИ МВД
Эстонской ССР,
г. Таллин

ЕСТЬ ТАКОЙ ДОКТОР

■ В небольшой комнате — восемнадцать человек: пожилые, молодые. Лежат под пледами, ровно и тихо дышат. Раздается голос врача:

— Вы погружаетесь в приятный и светлый мир, именно о таком мире Вы мечтали всю жизнь... Ничто не тревожит Вас. С сегодняшнего дня все Ваши страхи исчезли, не ищите в себе больше болезней...

А сейчас я буду говорить о каждом в отдельности...

«С сегодняшнего дня в Вашей душе радость и покой. Вы легко и свободно дышите, никаких спазмов...»

«Все страхи, которые вызвали заикание, исчезли. Вы самый спокойный и здоровый человек. Вы говорите свободно, Вы ничего не боитесь...»

Идет сеанс психотерапии. «Слово для человека есть реальный условный раздражитель... и потому может вызывать все реакции организма», — писал великий Павлов.

А я просто физически ощущала, как каждому из больных врач по частицам, по кусочкам отдавал себя, вливая в них свою энергию, свою волю, свой разум, свою любовь.

Вот уже двадцать лет каждое утро неизменно подтянутый, спортивный, он спешит на работу. Доктор Дзутцев. Доктор, которого знает

весь город. По дороге со многими встречными он раскланивается, обязательно останавливается, сердечно и внимательно расспрашивает о жизни, о делах, о здоровье. А как же иначе — ведь он врачует душу.

Северная Осетия — его земля. Здесь, в поликлинике № 1 г. Орджоникидзе, он многие годы заведует республиканским психотерапевтическим кабинетом. Больные ждут доктора. Их так много, что очередь иной раз растягивается на месяцы.

— Чем это можно объяснить? — наш первый вопрос заведующему психотерапевтическим кабинетом Анатолию Гавриловичу Дзутцеву.

— Объясняется это просто: кабинет, к сожалению, один на всю республику. К нам едут практически из всех городов и сел Осетии, а зачастую и из соседних республик. В основном это люди с острыми нервными расстройствами: тут и неврастения, и некоторые виды бронхиальной астмы, и заикание.

— Иначе говоря — «болезни века».

— Да, вы правы. Все чаще человек, независимо от возраста, оказывается бессильным перед лицом жизни, подчас довольно суровым лицом. Стрессы, постоянное внутреннее напряжение, неуверенность в себе рождают всевозмож-

ные страхи, подавленность, растерянность. Происходит как бы сбой в гармонии организма.

Но все эти беды, как правило, поправимы.

— Как же происходит само лечение?

— Методов столько, сколько больных. Здесь, как нигде, необходим совершенно индивидуальный подход к человеку. Но есть и общие рекомендации, которые способствуют успеху в лечении. Это — неукоснительное соблюдение фруктово-овощной диеты для облегчения обменного процесса, строгий режим, при котором предпочтительно отдается пребыванию на воздухе, полноценному сну и т. п.

Принимаю я ежедневно в среднем от 25 до 35 человек. Конечно, это трудно, но выручает моя верность йоге. Час-два занятий ежедневно держат меня в форме.

— Скажите, доктор, какова все-таки главная причина нервных расстройств?

— Мой ответ может показаться неожиданным — одиночество. Да, да, одиночество! А оно, как известно, многолико. Никого рядом, некому излить душу, никто не может понять, поддержать...

Я стараюсь в каждом найти тот стержень, ухватившись за который, можно вытащить человека к новой жизни. Особенно страшно одиночество горожан, потому-то здесь и болеют чаще. Сельского человека лечит природа, лес, река, трава, земля. Пройдитесь босиком по земле, и вы непременно почувствуете прилив сил. Я знаю это по себе. Потому, наверно, и тоскую по родной деревне.

— Анатолий Гаврилович, я знаю, что много лет вы занимались и лечением алкоголиков, наркоманов. Какой принцип вы исповедовали в подходе к этим больным?

— Тот же — милосердие. Ведь без него просто нет врачевания. Без доброты, без сострадания можно ли «собрать» распавшуюся личность спившегося человека? Кстати, наверно, только врач знает, насколько это страдающая личность, сквозь какие «провалы» отчаянья она порой стремится к преодолению болезни...

— Вы только что вернулись из Индии, где проходили стажировку в международном центре «Биотерапия в медицине».

— Да, меня пригласил туда профессор Рамашинга Чоухан. Центр находится недалеко от Мадраса.

— Каковы методы лечения алко-

голизма и наркомании в Индии и есть ли там вообще подобные проблемы?

— К сожалению, есть. В центре существует специальное отделение для наркоманов и алкоголиков. Лечение оказалось очень близким, а точнее — сходным с тем, которое применяется у нас, которое использую, например, в своей практике я. Это прежде всего непосредственный контакт с больным, самое тесное, душевное общение с ним. Основа тут — полная искренность, полное доверие пациента и врача. Словом, все в международном центре мне было близко и понятно. Я чувствовал здесь себя, как дома.

А вообще-то Индия — страна традиционно «непьющая». Скажем, пойти в гости с бутылкой вина — верх неприличия. Держать в доме спиртные напитки — значит держать зло, так считали индусы из поколения в поколение.

— А теперь нередко обращаю в эту «индусскую веру» своих пациентов. — Такими словами доктор Дзутцев закончил нашу беседу.

Я подумала: не случайно люди ждут встречи с этим врачом с надеждой и нетерпением.

М. МЕРДЕНОВА,
г. Орджоникидзе

АДРЕСА ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ

Ваш журнал должен объединить людей, чтобы они знакомились и помогали друг другу. Жду писем от тех, кто чувствует себя одиноким и нуждается в поддержке. Немного о себе. Мне за 30 лет, без вредных привычек, холост. Люблю музыку, кино, путешествия, детей, ценю в людях честность и доброту.

Мой адрес: 213730, Могилевская обл., Осиповичский р-н, гп Елизаво, ул. Ромашко, д. 101, кв. 3, Горавский Геннадий Полинарвич.

Мне понравилась идея «Клуба защиты от одиночества» печатать письма-исповеди. Думаю, что

ошибки других помогут избежать своих. Нам с мужем пришлось расстаться; было очень тяжело, но помогли заботы о дочке, взаимная привязанность. Сейчас мне 38 лет, не считаю себя одинокой. У меня есть друзья, но они, вступая в семейную жизнь, отдаляются. А я очень люблю общение и думаю, что переписка с членами клуба даст мне эту возможность. Хочу быть нужной. Мои интересы таковы — с удовольствием шью, вяжу, готовлю. Люблю детей, увлекаюсь стихами. Пишите мне все, кто нуждается в помощи и общении, по адресу: **194291, г. Ленинград, Поэтический бульвар, д. 13, кв. 76, Лекомцевой Татьяне Андреевне.**

Пусть знает, что любим

Начало с. 43

Наши семьи демонстрируют самые разные «модели». Полные семьи — у Рожковой и Зеленок. Бородаевская давно в разводе. У Павловской развод недавний: муж «капитулировал» после третьего приемного ребенка.

Самым мудрым видится отдавать предпочтение семье полной, однако в каждом отдельном случае исходить из личности мамы той неполной семьи, где готовы принять сирот. Из личности... Так же решили и с возрастом, и с образованием.

Семья, в которую будут поступать дети (а это преимущественно дети, нуждающиеся в особом уходе и лечении), — слишком хрупкий, ранимый организм: при равнодушием, а тем более недоброжелательном к ней отношении существовать спокойно ей будет невозможно. Значит, должна быть своя, местная, независимая от районо и облоно сила, которая была бы властна регулировать отношения семьи и местного руководства. Видимо, такой силой могут стать местные отделения Детского фонда имени Ленина, его активисты-общественники.

В постановлении Совмина о детских домах семейного типа говорится, что Советский детский фонд предложил создать при нем всесоюзный попечительский совет. И постановление, приняв это предложение фонда, предлагает советам министров союзных республик повсеместно организовать такие попечительские советы на общественных началах. Хотелось бы, чтоб роль их была иной, чем роль «свадебных генералов» при тех же и так же работающих рай-, обл- и горисполкомах.

...Минувшим летом ребяташки Павловские провели смену в пионерском лагере детей работников сельского хозяйства. Бесплатные путевки для них выделил Михайловский райком профсоюза работников сельского хозяйства. А лагерь — на Черном море. То-то накупались, загорели!

И думается с надеждой: вот если бы такой теплый, радушный воздух окружал повсюду — не только в Михайловке — наших самоотверженных женщин-матерей!

Татьяна ПОЛИКАРПОВА,
член Союза писателей СССР

ГАРМОНИЯ

АНКЕТА «ГАРМОНИИ»

«Гармония» — несколько страниц журнала, на которых редакция ведет разговор о здоровом образе жизни. Каким быть этому разговору в новом году? Каким сторонам нашего бытия уделить особое внимание, чтобы каждый человек захотел и сумел наладить жизнь, не растрчивающую, а пополняющую здоровье, укрепляющую бодрость, жизнерадостность? Ждем вашей подсказки, дорогие читатели. И в частности, просим ответить на вопросы «Гармонии».

1. Что помогает, что мешает Вам вести здоровый образ жизни?
 2. В какой помощи Вы нуждаетесь, чтобы регулярные занятия физической культурой стали неотъемлемой частью Вашего бытия?
 3. Какие разделы «Гармонии» побуждают Вас к активным действиям?
 4. Какие разделы «Гармонии», на Ваш взгляд, неинтересны?
 5. Мнение каких специалистов в области физической культуры, гигиены питания хотели бы Вы встретить в «Гармонии»?
 6. Какие адреса интересного опыта могли бы Вы предложить «Гармонии»?
- Ждем отзывов, суждений, предложений.

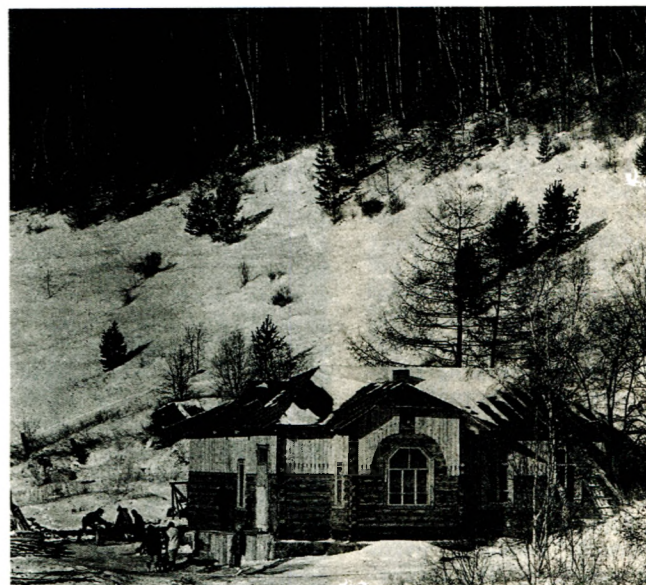

УРОКИ «ШКОЛЫ РОМАНОВА»

Есть в Иркутске Молодежное спортивное объединение. В народе называют его «школой Романова», по фамилии ее основателя. Это хозрасчетное объединение с собственным счетом в банке. Чем привлекательна «школа»? Прежде всего — личностью ее создателя. Антон Васильевич Романов — спортсмен, в 1974 году закончил Иркутский университет, физик, изучал природу молний, кандидат философских наук. Спортивную школу возглавил в 1982 году.

Когда общаешься с этим человеком, то понимаешь, почему ученики с уважением называют его Учителем: в нем сочетаются доброжелательность и ум, мужественность и спокойствие.

Мы встретились в его кабинете, в небольшом трехэтажном здании на берегу Ангары. Здесь — центр объединения, центр школы: спортзалы, раздевалки, душ, сауна. Даже собственная столовая, где по очереди кашеварят дневальные.

— Антон Васильевич, ваша история далеко неординарна: физик, а руководит спортшколой, которую сам же и создал. Как это случилось?

— Десять лет назад я был командиром комсомольского оперотряда при Кировском РК ВЛКСМ Иркутска. После работы, иногда по выходным мы помогали милиции — боролись с преступностью: усмиряли хулиганов, брали с поличным фарцовщиков, ловили уголовников. Но со временем я заметил: мы боремся, а преступность в го-

роде не уменьшается. В конце концов понял: преступность не одолеть лишь карающими методами.

Откуда они берутся, «негативные элементы»? У каждого человека есть свой творческий потенциал, который требует выхода. Самоутверждение необходимо, чтобы чувствовать себя личностью. И вот если потенциал не реализуется в значимой, полезной деятельности, человек становится социально опасным. Где реализовать свои возможности подростку, если он растет в атмосфере

равнодушия, школьного формализма, вечной занятости родителей? Вот и идет он в подворотню искать единомышленников, которые поймут, посочувствуют. Там он проходит свои «университеты». Я решил противостоять этому. Создать сообщество, цель которого — воспитать сильного человека.

— Культ силы? Но разве не это же — «программа» молодежных группировок, скажем, в подмосковных Люберцах, где наращивали железные бицепсы, чтобы «бить чужих»? Или в городах Поволжья, «прославившихся» буквально молодежными войнами район на район?

— Наше объединение — альтернатива подобным уродливым группировкам. Мы предлагаем выход из катастрофического положения, в котором оказались многие города страны, не умея справиться со стихией молодежного экстремизма. Ведь что произошло? Подросток, боясь нападения, по сути, в целях самозащиты вступает в хулиганствующие группировки. Как ему помочь? Сделать сильным. Помочь научиться защитить не только себя, свое достоинство, но и слабого — ребенка, женщину, старика. Такова наша программа. Мы занимаемся различными видами борьбы — самбо, классической, вольной, рукопашным боем. Это закаляет волю, организует личность. У нас есть секции бокса, ОФП, настольного тенниса, фехтования, легкой атлетики, бейсбола. Параллельно идут занятия ушу, йогой, аутотренингом. Осваиваем виндсерфинг, играем на досуге в шашки, шахматы, совершаем велопробеги, ходим пешком в Саяны... Культ силы процветает в атмосфере бездуховности и цинизма. Мы же рассматриваем физическую силу как компонент гармоничной личности в единстве физического, нравственного, интеллек-

туального развития. Вот обязательства — их принимают все, кто к нам приходит.

«...Вступая в ряды членов МСО, ставлю своей целью самовоспитание, всестороннее развитие лучших черт своего характера, укрепление здоровья на благо нашей Родины и всего человечества. Добровольно даю слово: подчиняться требованиям дисциплины, не использовать свои знания в преступных целях, быть правдивым, не употреблять алкоголя, табака, наркотиков, чтить и уважать наставника наряду с родителями...»

— А для начала надо было построить свой дом. — У вас это неплохо получилось. Ведь мы разговариваем в том самом доме. Но как удалось его построить? Какими силами? Где взяли средства, стройматериалы? Как вообще пробиться сквозь рутину запретов, стоящую на пути любой инициативы? Ведь вы начинали в годы застоя. — Нужна была не просто крыша над головой, не про-

сто свой спортивный зал, а действительно собственный дом, который бы нас объединил. Ведь именно этого не хватает подросткам. Строили дом сами, и это очень важно. Ребята почувствовали свою значимость, ощутили радость создавать что-то реаль-

ное — своими руками. Созидательная деятельность — необходимый элемент культуры человека. Кто научился созидать, никогда не станет разрушать. А толчком послужило вот что. На пустыре в Академгородке я давно приметил остов разрушенного зда-

ния. Здесь когда-то готовили бетонный раствор. Принадлежали эти развалины Академгородку. И когда в 1982 году мы пришли сюда, встретили нас в штyki. «Хозяев» не убеждало даже то, что в развалинах бетонно-растворного узла нередко со-

бираются темные личинки, а мы берем территорию, так сказать, под свою охрану. К счастью, у нас нашелся единомышленник, Анатолий Леонидович Коцарь — председатель местного райисполкома. Это он проявил снисхождение к нашей са-

мовольной «выходке» — захвату развалин. Это он как мог способствовал тому, чтобы нам не мешали работать. Мы сами добывали материалы, без которых дом не восстановить. И рабочей силой были сами — все, кого увлекала идея создания школы.

Строили в свободное время. Усваивали уроки бескорыстия. На фасаде «развалин» висел портрет Павки Корчагина — как символ жизни во имя других, высшего проявления человеческого духа. Деньги на стройматериалы добывали тоже своим трудом — на других объектах. Реставрировали красивое старинное здание в центре Иркутска. Сажали деревья. Кстати, позже мы не раз использовали свои строительные навыки. Восстановили несколько подвалов, где теперь наши филиалы. Отремонтировали бывшую водонапорную башню, там занимаются наши альпинисты. Сейчас реставрируем старинные дома на Байкале, где у нас две спортивные базы.

В общем, наше «вторжение» кончилось благополучно — в 1986 году решением Свердловского райисполкома Иркутска Молодежное спортивное объединение (МСО) утвердили официально.

— Антон Васильевич, у вас занимается много подростков. Насколько здоровыми они приходят к вам? Какую спортивную подготовку дает им средняя школа?

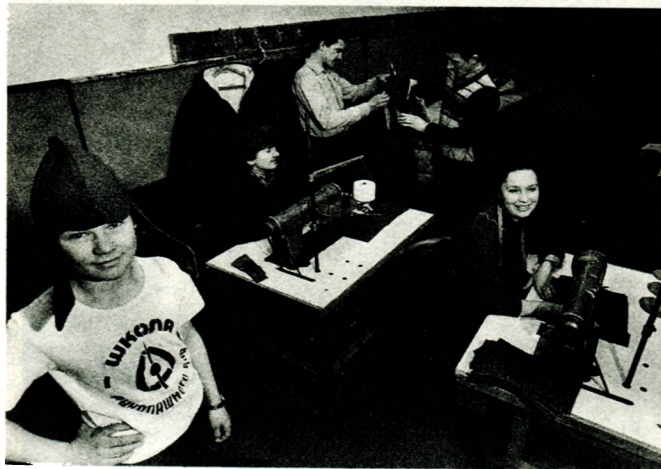
— Вы затронули острейший вопрос. Из тех, кто к нам приходит, очень мало стопроцентно здоровых людей. Потому что никто не учит быть здоровым, даже элементарному: как правильно дышать, одеваться, питаться, выработать для себя оптимальный режим физических нагрузок. Мы прививаем эти навыки. В частности, организовали у себя столовую с вегетарианской кухней, к тому же почти исключающей соль, сахар, масло. Ребята привыкают к рациональному питанию, учатся готовить. Одна из причин болезней, конечно, в плачевном уровне физкультуры как в школе, так и в институте. Об этом много говорится, много пишется, но... Мне хоте-

лось бы только сказать о современном комплексе ГТО. Он абсолютно не дает практических навыков подготовки ни к труду, ни к обороне. Главным критерием физического воспитания в учебных заведениях должен стать уровень здоровья. Как у нас в «школе».

— Но здоровье — это не только спорт и труд. Необходим эмоциональный заряд для оптимизма, для особого состояния души, при котором жизнь — радость. Кстати, отсутствие радости, засилие «обыденности» — у истоков всех неблагополучий подростков, в том числе и преступности, и наркомании. Вы согласны?

— Безусловно. С самого начала мы нацелились на эмоциональное развитие ребят. К примеру, у нас есть школа танцев. Как правило, молодые люди не умеют танцевать, а ведь это и язык общения, и язык самовыражения. Ребята обучаются и вальсу, и брейку. Причем не просто умению красиво, пластично двигаться, но и понимать, чувствовать музыку. А это в сочетании дает прекрасный эмоциональный заряд.

Мы проводим и лекции по истории культуры, дискуссионные клубы, где каждый может «выпустить пар» и высказать свою точку зрения на разные проблемы. Интеллектуальную встряску дают деловые игры. А сколько было радости, когда поехал наш грузовик! Мы восстановили его из списанной рухляди. Вернули к жизни такую же списанную яхту, на которой потом ходили по Байкалу. Многие впервые увидели, как прекрасно наше «славное море»!..

— Антон Васильевич, вы организовали в Иркутске уже три конкурса красоты. Такая работа с молодежью кажется вам интересной? Ведь у многих реакция на такие конкурсы однозначна: они — униizerны для женщины...

— Человеку необходим эстетический идеал. Его нам преподносят кино и телевидение, а по сути, навязывают свой вкус, зачастую далекий от совершенства, режиссеры. Мы стремимся найти девушек не просто внешне красивых, но ум-

ных, обаятельных, умелых, физически выносливых — действительно достойных. Наши конкурсы — это воспитание красотой, когда идеалом становится гармоничная личность. Но у нас они превратились и в настоящие городские праздники. Сегодняшние темпы жизни таковы, что обычай ходить в гости отмирает. Где встретиться, чтобы помузицировать, почитать стихи, спеть, потанцевать? Мы сделали конкурсы такими вот «клубами» активного общения, где каждый

может проявить свой талант.

— Антон Васильевич, вы работаете с молодежью седьмой год. Дала ли «школа Романова» тем, кто вышел из этих стен, импульс для дальнейшего совершенствования, развития?

— Около десяти тысяч человек прошли нашу школу за эти годы. Причем не только подростки. Инженеры, студенты, рабочие. Около тысячи человек занимается сейчас. Уверен, что наши уроки помогли и помогают становлению характеров, личностей, верных нашим идеалам. К примеру, Володя Ларионов закончил мединститут и занимается биологическими проблемами спорта — научно развивает то, что было заложено в «школе». С ним в лаборатории работают еще трое «наших». Володя Чепурной защитил кандидатскую, ходил яхтенным капитаном в кругосветку вместе с другом и нашим же воспитанником Сергеем Грефенштейном. Оба они изучают применение лазеров для диагностики функционального состояния организма — опять с нами прямая связь. Георгий Гречаный — генетик, кандидат биологических наук. С ним мы задумали секцию генетики в нашем центре. Дерзкая идея? Но осуществимая.

...Сегодня многие мои ученики привели в центр своих детей. Потому что наш дом стал для всех нас не просто местом общения, но и второй семьей.

Светлана ШЕВЧЕНКО

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

БЕГ ПОБЕДИЛ

Есть у меня товарищ. По известным причинам не стану говорить, как зовут его полностью. Назову М.С. Раньше он много пил, потом это стало болезнью. В результате его сняли с должности мастера, перевели в рабочие, в семье наступал развал. И вот однажды он посмотрел на себя со сто-

роны и ужаснулся. Сказал себе: «Хватит!» Было очень непросто вернуться в ряды трезвенников. М.С. встретился с председателем клуба любителей бега «Круиз» А. И. Кушниковским. И тот стал приобщать его к зарядке, к ежедневным пробежкам. Теперь физкультура стала для него необходимостью, в коллективе его уважают, семья окрепла. Сейчас у него

в активе — десять преодоленных классических марафонов, два междугородных сверхмарафона. А в прошлом году, когда ему исполнилось 60 лет, пробежал супермарафон — 100 километров.

Так бег победил пагубную страсть.

М. ШОРИН,

ветеран спорта РСФСР
ТаССР, г. Зеленодольск

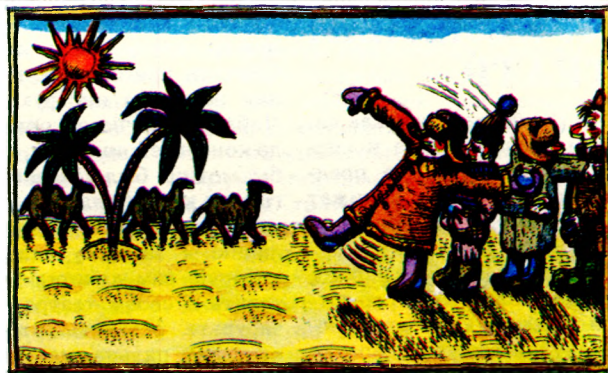
ИГРЫ НА СНЕГУ

НА КАТКЕ

Эта игра может проходить на коньках. Участников — сколько угодно. Нужно выбрать водящего или двух (в зависимости от числа игроков). Считать до десяти и разбежаться, а водящий должен кого-нибудь поймать. Игроки, чтобы их не осалили, должны присесть (но не упасть) и быстро назвать какое-нибудь имя или цветок (как договоритесь в начале игры); повторять имя нельзя. Если игрок не успел это сделать, то его можно салить. Тогда водить будет уже тот, кто попался.

МЕТКИЙ СТРЕЛОК

Участников может быть сколько угодно. Нужно разделить на две команды и выстроиться в шеренги на расстоянии 15—20 метров. Один из игроков бежит к команде противника и ударяет по протянутым ладоням одного, другого и третьего соперников, а затем быстро убегает в сторону своей команды. Тот, кого он ударил третьим, должен как можно быстрее попасть в убегающего только что слепаемым снежком (метиться только в спину!), но до тех пор, пока игрок не добежит до своей команды. Попал — играющий встает в команду противника, а из нее игрок бежит к первой команде. Не попал — в стан соперников отправляется его сотоварищ. Побеждает та команда, которая захватила больше «стрелков».

КТО ДАЛЬШЕ

Играют две команды. По сигналу судьи игроки начинают бросать снежки как можно дальше. Следующий бросок делают с того места, куда попал снежок предыдущего метателя. И так постепенно все участники перемещаются вперед. Победительница — та команда, игроки которой ушли дальше от линии старта.

НАЙДИТЕ РАЗЛИЧИЯ

Когда с мороза вы придете домой, а дома — гости, то, отдохнув, можно предложить и такую спокойную игру. Все садятся в круг. Для игры нужно, чтобы играющие внимательно осмотрели друг друга. Когда ведущий выходит из комнаты, участники должны произвести небольшие перемены в своем облике: снять кольцо, заколоть волосы, забинтовать палец, расстегнуть пуговицу и т. п. Ведущий должен определить, что изменилось у игроков. Тот, у кого он нашел больше всего изменений, и будет водить.

О. КУЛАКОВА

Дорогая редакция! С удовольствием прочел в вашем журнале материал «Все, что можешь, сделай сам» [№ 4, 1988 г.]. Автору удалось путем нестандартных примеров из жизни ученого продемонстрировать непреходящую ценность физической культуры. По профессии я врач и имею ряд любопытных наблюдений, как люди смогли достичь небывалых высот в плане активного долголетия. Вот один из примеров. Степану Михайловичу Прибыловскому — 92 года, он живет в Воронеже. С 60 лет стал заниматься круглогодичным плаванием. Что ему это дало? Бодрость и жизнерадостность, забыл о хворях, занимается хорovým пением, ведет группы здоровья в спорткомплексе «Кристалл». Ежедневно ходит в русскую баню. Физкультурой Степан Михайлович занимается со времен гражданской войны. Боец Первой конной,

как и многие в то легендарное время, каждое утро начинал день с того, что делал зарядку в полуобнаженном виде в любую погоду. Ветеран собрал библиотеку, в которой можно найти литературу по закаливанию, массажу, лечебному голоданию, гимнастике йогов. Собственным примером он увлекает окружающих, учит молодых.

А вот еще пример. Восьмидесятилетний Михаил Николаевич Черемисов — участник Великой Отечественной войны, полковник-инженер авиации запаса. К боевым наградам ветеран не так давно прибавил памятный жетон участника покорения Эльбруса. Он тоже морж с двадцатилетним стажем. Каждое утро Михаила Николаевича начинается с пятикилометровой пробежки, потом — оригинальная физзарядка, включающая танцы под музыку, самомассаж с исполь-

зованием собственного приспособления, за которое получил удостоверение на рацпредложение. Но не одной физкультурой он живет. Вся мебель в доме сделана его руками, стены увешаны чеканкой собственной работы. Как-то задумал ветеран похудеть. Раздобыл книгу Поля Брега «Чудо голодания». И за несколько месяцев «сбросил» более двадцати килограммов! С тех пор поддерживает стабильный вес.

Много ценных советов Черемисову дает доцент мединститута, зав. кафедрой лечебной физкультуры, бывший чемпион Воронежа по легкой атлетике Валерий Егорович Апарин. Вот такими личностями богата земля Воронежская.

Н. ПЕРЕСАДИН
Воронежская обл.

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР

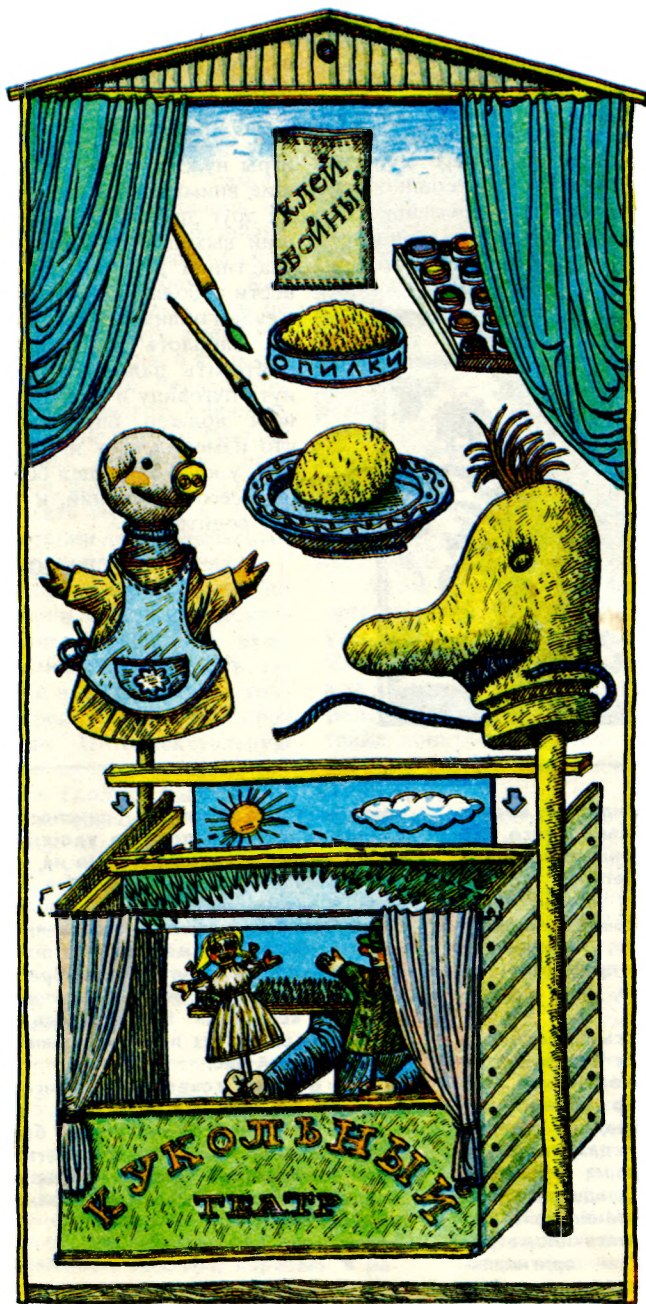
Мы расскажем вам, как самим сделать кукол и сцену для новогоднего представления. Это может стать хорошим подарком к любому празднику. Для того чтобы изготовить кукол, вам потребуются опилки, клей для обоев, художественные краски (масляные, можно в туби-

ке). Для кукольных одежд нужны яркие лоскутки. Сначала приготовьте клей для обоев по инструкции. Добавьте к нему опилки до консистенции каши, чтобы можно было вылепить головы кукол: лягушки, котенка, поросенка — по желанию и замыслу сказки, которую вам хочется поставить в своем театре. Не забудьте оставить отверстие для пальца, на который надевается голова. По-

сле того как она готова, придайте форму шее с желобком для шнура, на нем будет держаться одежда. Аккуратно разложите для высыхания, затвердевания. После этого мягкой наждачной бумагой отшлифуйте изделие, удалите лишнее. Приклейте волосы или мех. Теперь можно приступить к раскраске лица или мордочки в зависимости от фантазии. Платье сшить нетрудно: состричите кусок ткани в форме трубы подходящим диаметром, чтобы надевать на руку. В один край трубы вдерните шнурок или ре-

зинку. Украсить можно бантиком, фартучком, тоже по замыслу. Кроме кукол, из этой «глины» можно вылепить фрукты, овощи и другие предметы. Чтобы сделать сцену, вам понадобятся фанерные щитки, реечки, на которых крепятся декорации, шарниры, проволока диаметром 3 мм для занавеса. Размеры — по своему усмотрению. Раскрасьте, как захочется.

И. СИДОРЕНКО,
по мотивам журнала
«Хандарбейт» (ГДР)

Рядом с нашим домом вырос большой деревянный терем с островерхой крышей. Вскоре к нему прибили вывеску: «Спортивно-оздоровительный комплекс «Орехово-Борисово». Однажды терем окружили сотни москвичей, чтобы купить абонементы в бассейн этого комплекса. Настроение у народа было радостное, повеяло новизной: наконец-то спортивное сооружение построили не для профессиональных спортсменов, не для какого-то ведомства, а для горожан, жителей обычного городского микрорайона. Примета времени! Она побуждала узнать подробнее и о самом комплексе, и о том, как он проби-вал себе дорогу в жизнь. Этот интерес привел нас к заместителю начальника Управления эксплуатации спортивно-оздоровительных комплексов Мосгорспорткомитета Анатолию Георгиевичу СТАНКОВУ.

— Как много разговоров велось вокруг оздоровительной программы для населения, сколько было принято разных постановлений на сей счет. И все мы свидетели и очевидцы того, как мало что меняется в реальной жизни наших микрорайонов, дворов. Как удалось пробиться сквозь ведомственные барьеры и начать реально осуществлять оздоровительную программу, свидетельство чему — комплекс в Орехово-Борисово!

— Был однажды такой прекрасный день. На заседании Моссовета очередной раз стоял вопрос о строительстве комплексов. Строители упирали на то, что первейшая забота — жилье. Поддерживали их

КТО В ТЕРЕМЕ ЖИВЕТ?

финансисты: дескать, нет для «физкультурных дел» средств. Но, видимо, переполнилась чаша терпения депутатов. Был выдвинут аргумент: здоровье людей — важнее всего. И средства были выделены, и строительные подразделения — тоже.

— **Сколько сейчас в Москве комплексов типа Борисовского?**

— Семь. А к концу нынешнего года планируется открыть еще 12. К концу пятилетки их должно стать 110. Это бассейны, теннисные корты, залы для волейбола, настольного тенниса, бадминтона, кабинеты с различными тренажерами. В Кировском СОКе (так сокращенно называются спортивно-оздоровительные комплексы) занимаются и аэробикой, ритмической гимнастикой, хореографией. Со временем во всех комплексах станут неперенными группы общефизической подготовки. При комплексах появятся и сауны. Думаю, что спортивно-оздоровительные центры будут оснащаться и службами, призванными помочь человеку научиться правильно питаться, снимать стрессы и т. д. — **То есть задача комплексов — физическое совершенствование человека?**

— Не только. В том же Кировском СОКе мы собрали группу так называемых трудных подростков. В «опасном» возрасте спорт очень организует личность. Начали проводить занятия с инвалидами. Физкультура для них — это не только здоровье тела, но и здоровье духа — возможность общаться. Группы инвалидов и «трудных» планируются во всех комплексах.

— **Несколько слов о проблемах. В том же Орехово-Борисово. Известно ли вам, что СОК «Орехово-Борисово», не успев поработать и двух месяцев, закрылся на ремонт?**

— Известно, конечно. И этот факт отражает общее положение дела. Комплекс — экспериментальный. Идея была такая: строить модули из простых, легких, недорогих конструкций. Потребовались соот-

ветствующие проекты. В Орехово-Борисово выявились ошибки именно проекта. Неудобно размещена администрация, малы душевые и т. д. Сказалась и спешка: вовремя не раздобыли подходящего покрытия для ванны бассейна — покрасили ее, а краска «поплыла». Словом, общие строительные беды. Не вовремя подготовлена проектная документация. Надо разворачивать серийное строительство модулей — не закончено экспериментальное. А там и проект устарел. Давай заменять одну конструкцию другой, более совершенной...

Вот и получается: планировали соорудить модуль за месяц, а успеваем за полгода, за год, да и то с немедленной остановкой для «доводки».

Немало трудностей возникает и в ходе работы комплексов. Скажем, для определенной части населения: для молодежи, для пенсионеров, дороговаты абонементы. Или: на комплексы буквально пикируют спортсмены, требуют время для тренировок. Приходится доказывать на всех уровнях, что эти сооружения предназначены только для общей оздоровительной работы.

— **Судя по всему, вы, Анатолий Георгиевич, человек энергичный, душой болеете за дело. Верите в преодоление трудностей?**

— Верю. У меня звание заслуженного мастера спорта СССР по трем видам борьбы, отступить перед трудностями я не привык.

С. ХОЗЯИНОВА

ЙОГА, ЗДОРОВЬЕ И ТВОРЧЕСТВО*

Для абсолютного здоровья и продления активной молодости необходимо не только выполнять асаны, но и соответственно вести себя. То есть Йога жестко связывает состояние здоровья с образом жизни, с внутренней этической позицией человека, его ответственностью и духовностью. В этом одна из особенностей Йоги: для того, чтобы тело было здорово, необходимо совершенствовать свою духовную сферу. Особенность системы еще и в том, что терапевти-

ческий эффект обусловлен статическим выдерживанием определенных поз тела. Каждое упражнение целенаправленно на определенный орган или систему нашего тела. Упражнения выполняются в крайней степени расслабления с обязательной концентрацией внимания на ожидаемом результате.

Что же запрещает и предписывает Йога в поведении, с чем связано состояние нашего здоровья и счастья?

Для разминки и подготовки тела к освоению более сложных асан целесообразно предварительно выполнить комбинированный вариант позы «Кошка-собака» и перекатывание на спине в группировке — упражнение «Ролик».

РОЛИК

И. п. сидя, пятки руками приблизить к промежности. Для мужчин левой рукой обхватить правое запястье, а для женщин — наоборот. Согнуть спину и приблизить голову к коленям. Сесть на одну точку в районе копчика, удержи-

вая некоторое время равновесие. Затем, не отрывая головы от коленей, за счет маха ног прокатиться на спине назад и вернуться в

исходное положение. На вдохе назад, на выдохе вперед. Начинаям следует выполнять на достаточно мягкой подстилке. По мере тренировки можно перейти к выполнению на обычном жестком коврике. Начинаящие выполняют 5—10 перекатов. Затем можно увеличить нагрузку.

ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ. Улучшает гибкость и подвижность позвоночника, способствует уменьшению болей в спине, улучшает кровоснабжение головного мозга, улучшает память и сон. Утром разгоняет кровь и бодрит, а вечером перед сном расслабляет и способствует засыпанию. После работы вечером снимает усталость. Улучшает работу органов пищеварения, способствует отходу газов из кишечника.

Вариант: перекатывание на боковых мышцах спины. Для этого перед перекатыванием сместить ступни ног в одну сторону, а колени в другую, затем поменять направление смещения ступней и коленей.

ХАРАКТЕРНЫЕ ОШИБКИ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ. Спина согнута недостаточно. Движение назад начинается с отрыва головы

и аскетический образ жизни, идущий на пользу здоровью. **Свадхия** — постоянное самосовершенствование. **Исвариправидхана** — необходимость найти свое место в жизни.

ЯМА и НИЯМА — это своеобразный моральный кодекс, в нем заложены общечеловеческие нормы поведения. Это необходимые предпосылки для овладения этапами оздоровления, самосовершенствования, развития психики и творческих способностей. Этика Йоги призвана способствовать формированию разумных потребностей и организации здорового образа жизни.

Апариграха — запрет на желание иметь что-либо, тебе не принадлежащее.

II. НИЯМА (предписания)

Сиуча — забота о чистоте тела и духа.

Сантоша — удовлетворенность жизнью и существующим жизненным окружением, общий положительный настрой.

Тапас — самодисциплина

и аскетический образ жизни, идущий на пользу здоровью.

Свадхия — постоянное самосовершенствование.

Исвариправидхана — необходимость найти свое место в жизни.

ЯМА и НИЯМА — это своеобразный моральный кодекс, в нем заложены общечеловеческие нормы поведения. Это необходимые предпосылки для овладения этапами оздоровления, самосовершенствования, развития психики и творческих способностей.

Этика Йоги призвана способствовать формированию разумных потребностей и организации здорового образа жизни.

от коленей и откидывания ее назад.

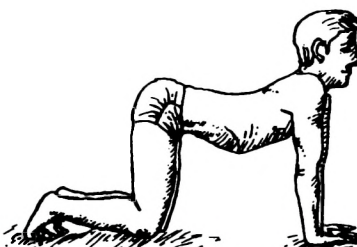
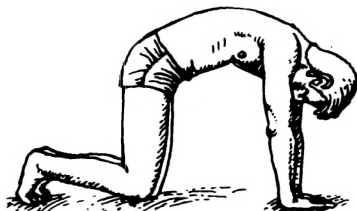
ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ.

Высокое артериальное давление — гипертония, далеко зашедшая стадия остеохондроза позвоночника.

КОШКА-СОБАКА

И. п. стоя на четвереньках. Руки и бедра перпендикулярно полу. На выдохе медленно выгнуть спину вверх и опустить голову вниз. На вдохе поднять голову вверх и прогнуть спину вниз.

ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ. Асана делает позвоночник более эластичным, разогревает тело, освежает кожу лица.

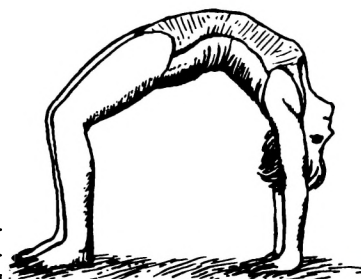
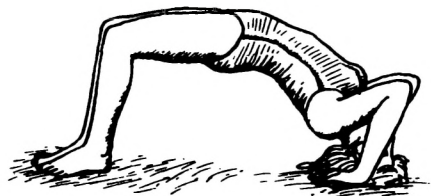
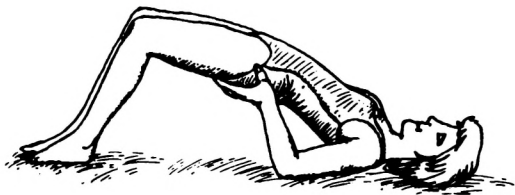
АРДХА ЧАКРАСАНА «Мостик», или половинная поза круга.

И. п. — лежа на спине. Согнуть ноги и поставить ступни параллельно на ширине плеч около таза. Выдохнуть. Выполнить поверхностный вдох и, помогая себе руками, поднять таз. Опора на ступни ног, лопатки и затылок. Это подготовительный вариант, если имеются затруднения по выполнению основной.

И. п. как выше. Поставить ноги параллельно около таза, руки за голову, кисти — на пол с пальцами, обращенными к себе. С опорой на ноги и руки поднять корпус, удерживая себя на ногах, руках и макушке головы. Если это положение легко достигается, можно, оставив опору на ногах и макушке головы, сложить руки на животе, или подвести руки ближе к ногам и поднять корпус как можно выше с опорой на руки и ноги. Удерживать позу, начиная от нескольких секунд, постепенно прибавляя время до 30 с.

Дыхание поверхностное. Иногда асана выполняется на паузе после вдоха. Внимание на копчик, позвоночник или солнечное сплетение.

* Начало в № 11 и 12 «ТК» за 1988 г.

ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ. Стимулируется работа надпочечников, улучшается эластичность и увеличивается сила мышц жи-

вота и таза. Позвоночник становится более гибким и жизнеспособным. Асана часто выполняется в качестве противоположной по-

зы для прогиба позвоночника после выполнения Випаритакарани, Халасаны и других, сгибающих позвоночник вперед.

Л. ТЕТЕРНИКОВ,
инструктор-методист

Ушу

**УСПОКОЙТЕСЬ
В ДВИЖЕНИИ**

ОБЛАКА ОБНИМАЮТ ЛУНУ

А

Б

В

Г

Д

Упражнение 6. «Облака обнимают луну» (рис. 6)
Исходное положение как в упражнении 4. Скрутите корпус вправо, поднимая вытянутые руки вперед в стороны, правая рука выше левой (а). Раскручивая корпус влево, скрестите руки на груди (б) и, перенося вес тела на левую ногу, надавливайте основанием правой ладони на запястье левой руки (в). Затем отодвигайтесь назад, перенося тяжесть тела на правую ногу и распрямляя руки (г). Заканчивая смещение назад, опустите руки вниз (д). Повторить 5—10 раз и закончить упражнение завершающим движением, как в упражнении № 2.

Время выполнения упражнения — 15—18 с.

Образ: представьте, что ваши ладони — облака, медленно плывущие по небу и закрывающие луну. Вообразите сверкающий жемчужный диск луны, который вы как величайшую драгоценность прижимаете к груди, а затем выпускаете в небеса.

В. ЕЛИСЕЕВ,
кандидат
психологических наук

«ЧЕСТЬ И ЗДОРОВЬЕ БЕРЕГИ СМОЛОДУ!» —

таков девиз Всесоюзного конкурса произведений прозы

Центральный совет Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость, журнал «Наш современник», Исполком Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, Секретариат ЦК ВЛКСМ, Советский детский фонд имени В. И. Ленина объявили Всесоюзный конкурс литературных произведений для детей и юношества под девизом «Честь и здоровье береги смолоду!».

Цель конкурса: создание высокохудожественных произведений в форме рассказа, очерка, публицистической статьи, которые формируют у молодежи понимание сущности трезвого и здорового образа жизни как составной части советского образа жизни, стремление и желание быть нравственно чистыми, физически совершенными, полностью отказаться от курения, употребления алкоголя, наркотиков, токсических веществ; раскрывают неразрывность в жизни таких понятий, как честь, достоинство, женственность, красота, с одной стороны, и здоровье, спорт, мода, правильное питание, с другой; создают образы героя, которому хочется подражать, следовать в жизни, поскольку он достигает поставленных целей за счет честности, нравственности, здоровья, доброты, душевного равновесия и щедрости к людям.

Для участия в конкурсе приглашаются профессиональные писатели и журналисты, студенты литературных вузов, члены литобъединений, активисты трезвеннического движения, все желающие. Сроки проведения конкурса с 1 октября 1988 г. по 1 мая 1989 г.

На конкурс могут быть представлены рукописи, а также произведения, опубликованные в журналах, начиная с 1988 года, объемом до одного ав-

торского листа (24 страницы машинописного текста через два интервала). Произведения авторов из союзных и автономных республик представляются в художественном переводе на русский язык.

В конверт с текстом рукописи вкладывается листок с указанием фамилии, имени, отчества, года рождения, образования, места работы или учебы, принадлежности к творческому союзу (писателей, журналистов), а также индекса и точного почтового адреса автора (все данные указываются полностью).

Жюри рассматривает произведения, присланные в конвертах со штемпелем, датированным не позднее 1 марта 1989 г. Работы, поступившие на конкурс, не возвращаются.

Для победителей конкурса устанавливаются: Один диплом первой степени и премия — 1 000 рублей.

Два диплома второй степени и премии — по 500 рублей.

Три диплома третьей степени и премии — по 300 рублей.

Десять поощрительных премий — по 150 рублей.

Произведения, удостоенные дипломов и поощрительных премий, будут рекомендованы для опубликования в журналах «Наш современник», «Трезвость и культура», еженедельнике «Семья» и других.

Конкурсные работы направлять по адресу: 103006 Москва, ул. Чехова, д. 18, Центральный совет Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость с пометкой «На Всесоюзный конкурс «Честь и здоровье береги смолоду!».

700412

Чужого горя не бывает. Мы почувствовали это особенно остро, когда услышали сообщение о трагических событиях в Армении. Беда армянского народа в каждом сердце отозвалась глгучей болью. На помощь братьям пришла вся страна. Всесоюзное добровольное общество борьбы за трезвость тоже внесло свой

вклад в фонд помощи пострадавшим от землетрясения.

Центральный совет выделил 10 тысяч рублей, республиканский совет ДОБТ УССР — 10 тысяч рублей, республиканский совет ДОБТ ГрССР — 5 тысяч рублей, республиканский совет ДОБТ ТадССР — 2 тысячи рублей,

республиканский совет ДОБТ КазССР — 2,5 тысячи рублей, Ростовский городской совет ДОБТ — 1 тысячу рублей.

По просьбе активистов трезвеннического движения пострадавшим от землетрясения перечислен однодневный заработок работников аппарата ВДОБТ — около 5 тысяч рублей.

ВЕСЕЛЫЙ ВЕРНИСАЖ

НАМ РИСУЮТ:
В. Казачек, г. Москва
В. Сушинцев, г. Пермь
В. Федоров, г. Челябинск

На 4-й стр. обложки: Гусевский музей хрусталя. Композиция В. Муратова и В. Касаткина «Гимн стеклу».

